

"Второй Шанс (СИ)"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

Annotation

Посвящение: Моей любимой, которой не нравится Евангелион, но нравится то, что я пишу! А еще всем тем, кто поспособствовал прошлому удалению моей работы и, возможно, поспособствует своими жалобами еще и будущему: благодаря вашим идиотским действиям работа стала только лучше, так что спасибо за вашу ненависть, которая подстегивает к переменам!

Описание: Все привыкли к попаданцам, которые гнут всех одной левой. Обычно, если ГГ - попаданец и при этом он обладает магической силой, то обязательно был кем-то уровня Бога, или даже покруче. Если попаданец военный, то круче него только яйца, и не дай то Боже он окажется обычным русским парнем: его врагам остается только совершить самоубийство, иначе когда он к ним доберется, то самой мучительной смерти им просто не избежать. Так вот, всего этого в моем фике не будет, а что будет - читайте сами :)

Глава 1. Новая жизнь.

Глава 2. Незнакомый потолок

Глава 3. Бессонница.

Глава 4. Эффект бабочки.

Глава 5. Затишье перед бурей.

Глава 6. Мертвые не плачут.

Глава 7. Взаперти.

Глава 8. Sic semper tyrannis.

Глава 9. Долгожданный покой.

Глава 10. Город в огне.

Глава 11. О важности воспитания.

Глава 12. Неожиданный союзник.

Глава 13. Марионеточник.

Примечание к части

Глава 1. Новая жизнь.

Первое, что я ощутил придя в сознание, была дикая головная боль: мозг, расплавленным свинцом бился в черепной коробке, пульсируя в такт ударам сердца. К онемевшему телу постепенно возвращалась чувствительность, а в темноте закрытых век металась смутные образы чужих мне людей, незнакомых мест и странных событий. Усилием воли выдернул из хоровода образов лицо мужчины лет сорока, с презрением смотрящее на меня. Оно было

невыносимо знакомым, но откуда я его помню, не скажу и под пытками. Решив не наблюдать эту мерзость, я открыл глаза: за стеклом пролетали пасторали рисовых полей, огородов и маленьких домиков. Я сидел в почти пустом вагоне в какой-то электричке, которая неслась в неизвестность. Откинувшись на мягкий подголовник, постарался расслабиться и понять, что вокруг происходит и почему я тут. Для начала нужно узнать, а кто такой "Я": последним моим воспоминанием была боль от пробившего сердце ножа и падение в омут зрачка огромного красного глаза, расширенного в экстазе боли или оргазма.

Но раз я жив и осознаю себя, значит у меня получилось. Однако попытавшись отмотать память назад наткнулся на то, чего в моей голове быть точно не должно: захлебывающийся слезами мальчик лет четырех, кричит: "Отец, останься!", но мужчина лишь бросает через плечо презрительный взгляд и уходит, не оборачиваясь. И этот мужчина - Икари Гендо, отец моего тела. Память незадачливого хозяина и вселенской тряпки всплывала кусочками, потихоньку восстанавливаясь. Я скосил глаза на стекло вагона - из отражения на меня смотрел темноволосый четырнадцатилетний подросток. Интересно одно: как и в чем я допустил ошибку, если не переродился в новом теле, сохраняя свою память и личность, а оказался в выдуманном мире в теле выдуманного героя? И ладно бы еще в ком-нибудь из Вархаммера, которым увлекался до войны, так нет, в анимешке, которую и помню то смутно... Но мои чувства подтверждали что все вокруг реальность, а потому жаловаться на жизнь - последнее дело. Усилим воли поднимаю плеер лежащий на коленях, и с радостью понимаю, что мои способности при мне. Голова и сердце привычно отдают легкой болью: при таких нагрузках на организм это норма. Размеренные размышления прервал рывок тормозящей электрички, меня кинуло лицом в спинку сидения напротив и взволнованный женский голос объявил: "В районе нахождения состава объявлено чрезвычайное положение, соблюдайте спокойствие и после высадки немедленно продвигайтесь в ближайшее убежище." Поезд остановился на какой-то заштатной станции и пассажиры организованной толпой двинули из вагона. Я взял рюкзак и вышел на перрон.

Он был на удивление пустынен: все люди уже успели куда-то попрятаться, электричка с воем электромоторов на пределе мощности умчалась дальше, а я же остался один посреди незнакомого города, даже не зная куда мне идти. В нагрудном кармане рубашки нашлась фотокарточка красивой девушки с фиолетовыми волосами, огромной грудью и подписью: "Жди меня на вокзале, я встречу тебя!". На обратной стороне было несколько оттисков губной помады, сделанных сочными губами. Кажется, ее звали Мисато? Телефон ожидаемо не работал. По пустой улице ветер гнал мусор и пыль, а на проводах оживленно чирикали птицы. Краем глаза я увидел движение, рука рефлекторно потянулась к отсутствующей рукоятки ножа. В судорожных попытках нащупать оружие, которого у этого тела никогда то и не было, я столкнулся взглядом с двумя глазами цвета свежей крови. Красноглазая девочка, казалось, висела над асфальтом, и пристально смотрела на меня, будто пытаюсь проникнуть внутрь моей сущности.

Я моргнул и видение исчезло, земля толкнула в пятки, и гул взрыва накрыл меня, оставив пульсирующий визг в многострадальной голове. Откатившись за бетонную клумбу с бонсаем, стоящую на перекрестке возле вокзала, постарался успокоиться и хоть как-то защитить свою тушку. Сформировать щит удалось далеко не сразу, но легкое марево в воздухе указало на то, что все получилось: от близкого взрыва или крупных осколков не спасет, но лучше чем ничего. Над головой пронеслись, лавируя между небоскребами, два томагавка и взорвались где-то недалеко, найдя свою цель. В виски давило ощущение чужой, подавляющей мощи и жажды разрушения: хотелось просто спрятаться, исчезнуть, и не отсвечивать. Интересно, это Ангел так давит на мозги? Разрывы становились все ближе, земля дрожала под поступью монстра. Пара мелких осколков уже завязла в щите, и сильный толчок земли совпал с падением

ударного конвертоплана в метрах пятнадцати передо мной. Еще живой пилот корчился в горящей кабине, безуспешно пытаясь открыть перекошенный фонарь остекления. В огне топлива начал рваться боезапас, и аппарат превратился в шар огня. Голова и сердце взорвались болью, когда осколки наткнулись на щит. Взрывы не утихали, повсюду визжали осколки, периодически влетая в щит. В груди пульсировала боль, через круги перед глазами я видел огромную человекоподобную фигуру, аура которой была настолько плотной, что останавливала снаряды, оранжевым куполом обволакивая готескную фигуру. Перед темнеющим взглядом пронеслось что-то синее, и приятный женский голос закричал: "Синдзи! Я прибыла, бегом в машину!" Истощенное тело больше не могло поддерживать защиту, я на остатках сознания нырнул в темный проем двери, и все затопила тьма.

Сознание постепенно возвращалось, мою многострадальную тушку мотало в ремнях безопасности, шины с противным визгом периодически теряли сцепление с асфальтом, а раздраженный женский голос матерился с искусством старого моряка, поминая клинических идиотов в штабе и криворуких наводчиков. Машина вильнула особенно резко, и я со стоном влетел головой в одну из стоек. Зрение постепенно прояснялось: за рулем, закусив нижнюю губу, сидела молодая женщина лет двадцати пяти. Правильные черты лица, красивую фигуру подчеркивает обтягивающий, красный, кожаный жакет, ее легкий терпкий запах пробивался через вонь сгоревшей взрывчатки и гарь. На фотографии она смотрелась хуже. Омерзительно жизнерадостный голос моей спасительницы произнес:

- Ура, Синдзи, ты очнулся! А я уж думала тебя откачивать. Я капитан Мисато Кацураги, для друзей просто Мисато. - и резко заложила руль вправо, снова бросая меня в стойку.

- Кажется очнулся, но лучше бы мне этого не делать, - со стоном ответил я.

- Синдзи, ну ты и бука. Хотя, это семейное... Слушай, а тебе что, правда совсем не интересно, что тут происходит? - заговорщицким тоном спросила женщина.

- А что может быть интересного в военных действиях? - спросил я в ответ.

- Странный ты парень. Знаешь, кажется нам следует познакомиться поближе. - Капитанша серьезно, даже немного зло посмотрела на меня, и с демонстративно жизнерадостной улыбкой продолжила вести машину. Эта девушка мне положительно не нравилась: в ней был какой-то надлом, пустота, которую она скрывала за маской милой, шепучной девочки. Таких друзей мне точно не нужно, если я не хочу в один момент словить мозгами пулю.

Кацураги остановила машину, достала из бардачка армейский бинокль и внимательно всматривалась в то, как Ангел крушит город. Вдруг все конвертопланы, что висели вокруг монстра, резко рванули прочь, и белый, едва различимый след потянулся из облаков к готескной фигуре существа, окутанной оранжевым сиянием. Капитан крикнула: "Эти идиоты хотят взорвать N2, держись!". Я уперся ногами в торпеду, а девушка изо всех сил прижавшись ко мне почти беззвучно считала: "Десять... девять... восемь..." На "четыре" мертвенный, слепящий свет залил все вокруг, землю трянуло, потом тряска переросла в гул и я еле успел прикрыть нас защитой, а после пришла ударная волна...

Машину переворачивало по дороге метров 40, пока не выкинуло на недостроенную автостоянку. Песок скрипел на зубах, дыхание сперло, уши болели, но я был жив. Крепенький автомобиль попался капитанше. Со стоном вывернулся из ремней и полез через выбитое боковое окно. Выбравшись из машины, помог вылезти капитану Кацураги и задумчиво

установился на стоящую на боку машину, ободранную и побитую. Зеркала заднего вида просто исчезли, бамперы еле держались, на одной стороне все стекла выбиты, лобовое стекло в трещинах. С помощью домкрата, нашедшегося в салоне под сиденьем, и моего труда, замотивированного словами: "Я слабая хрупкая девушка в трауре, а ты мужчина, тебе и качать домкрат". Постановка авто на четыре колеса была закончена, хотя, к чести Кацураги, она сама лазила под машину и устанавливала домкрат. Сие чудо автопрома таки завелось и даже смогло тронуться с места. Забравшись в разгромленный салон, я пристегнулся опять. Когда авто выехало на трассу, неугомонные причитания моей попутчицы иссякли, и мне не пришлось в сотый раз выслушивать о том как она жалеет о потере собственного автомобиля, какие интенданты жадины и какой я унылый скучный молчуха. Слова эти стоили бы чего-то, если бы были правдой, но под изменчивой маской лица был абсолютно спокойный разум.

Оставив меня в покое, капитан по рации связалась с НЕРВом, и запросила для нас приемную платформу. Положив трубку, женщина обратилась ко мне:

- Синдзи, ты помнишь где пропуск, твой отец отправил его вместе с моей фотографией. Она ведь понравилась тебе?

- Фотография хорошая, - сказал я доставая магнитную карту пропуска и скомканную бумажку допуска из заднего кармана брюк.

- Фотография ему понравилась, а я тогда что, не понравилась? - пошутила она, забирая пропуск. Интересно, зачем ей влюблять меня в себя? Ей что, приказ такой дали?

- Я не видел достаточно женщин, чтобы сравнивать. - ответил я, стараясь свернуть разговор. Мне катастрофически нужно во всем разобраться. Если моя память меня не подводит, в мультике все закончилось так наркомански, что я ничего не понял, но хорошей эту концовку точно нельзя назвать. Значит нужно получить максимум информации обо всем происходящем:

- Капитан Кацураги, вы не знаете, зачем я понадобился своему отцу? Просто он бросил меня еще в детстве, а тут вдруг вызывает...

- Нет, не знаю... Хотя, погоди, есть у меня одна идея. Ладно, приедешь на базу, сам все узнаешь. - Она врет мне, и ей известно гораздо больше. Кажется, я вляпался в большую интригу... Я их безумно ненавижу: все всем врут, улыбаются в лицо, а когда ты исчерпываешь свою полезность, просто приставят пистолет к затылку.

- Я слышала что у тебя проблемы с отцом... Я со своим тоже не ладила. Но ты только на один денек приедешь, узнаешь, что отец хотел от тебя и уедешь жить своей жизнью.

- Мне сказали - приехать, и я приехал, так нужно. Будто бы у меня есть выбор? - чем меньше знают про меня настоящего, тем мне будет лучше.

- Ты не похож на обычного парня.

- Не знаю. Я это я. - Лучше свернуть разговор в другую сторону, пока не посыпались вопросы, на которые мне будет крайне неудобно отвечать. Пусть я прослышу фриком, чем умру на допросе.

- Ты такой-же молчаливый как Рей. Я думаю вы с ней подружитесь.

- Как я могу дружить с нулем? - капитан засмеялась, откидываясь на кожаную спинку водительского кресла. Тонкая обтягивающая форма подчеркнула каждый изгиб тела, которое

было в отличной форме.

- Нет, Аянами Рей, Первое Дитя.

- Я же был первенец у моего отца. - Ответил я, радуясь внутри, что девушка расслабилась, думая что я просто депрессивный мальчишка.

- Ой, нет, ты действительно первенец и единственный ребенок у своего отца. Спроси у Рицко, с умными вопросами к ней, она в институте на одни пятерки училась. - Отличная попытка съехать с темы. События аниме и происходящие вокруг события потихоньку состыковались, и пришло понимание того, что следует делать. Авто остановилось возле ворот в скале. На огромном стальном массиве в центре красной краской была нарисована половинка кленового листа и надпись: "God in his heaven - all right in the world." Эту странную композицию посередине расколола щель открывающихся ворот.

Полумрак тоннеля освещали редкие лампы дневного света, закрытые оранжевым стеклом. В этом неверном свете девушка уверенно припарковала разбитую машину на фиксаторе платформы. как только авто было зафиксировано, платформа тронулась. Расслабленно откинувшись на спинку водительского сидения, она достала из сумочки зеркало, косметичку и маленькую книжечку с эмблемой НЕРВа на обложке. Забрав у меня бумажку с допуском, капитанша выдала мне эту брошюрку и с величественным видом села поправлять макияж, будто ничего не случилось. Долгий спуск по тоннелю закончился в огромной пещере, залитой золотистым светом. Геофронт впечатлил, но особо в памяти не отложился: слишком много переживаний и потрясений, мозг устал, перегруженный огромным количеством событий. Забег по извилистым тоннелям штаб-квартиры тоже выпал из памяти: разбираться в этой мешанине путей и коридоров я буду потом, в свободное время. Главной проблемой была предстоящая встреча с Гендо и бой. Акаги Рицко вышла из лифта прямо перед нами, когда Мисато в очередной раз крутила план в руках и материлась на немецком: к тому моменту нецензурные идиомы японского уже иссякли. К ее чести она делала это тихо, но если немножко постараться, то я мог расслышать ее бормотание. Блондинка взяла меня за руку и повела в лифт, крикнув капитанше: "Кацураги, ты вечно опаздываешь". Пристально посмотрев на меня с видом первооткрывателя, открывшего новый вид вшей, ученая сказала: "Так вот ты какой, Третье Дитя? И правда похож...". После чего некоторое время молча смотрела в стену лифта. Кацураги краснела, изображая смущение, а я молчал: мне предстоял разговор с человеком, которого я, тот кто был Сергеем Гурьевым, и тот, кто стал Синдзи Икари, ненавидел. Тогда я еще не догадывался, насколько ненависть эта станет всеобъемлющей и сколько глупых вещей сделаю, руководствуясь этой глупой эмоцией.

Рицко шла быстро, уверенно выбирая дорогу, было видно, что коридоры этой части были ей знакомы. Короткая поездка на зодиаке, надрывно визжащем мотором в розовой жиже, и мы вышли из лодки на причал возле дверей в огромной стене. Доктор Акаги провела картой, висевшей у нее на груди, по считывателю и ввела код на замке, после чего двери открылись. Мы зашли внутрь, в давящую темноту. Помещение было огромным, а в центре ощущалась спящая мощь, настолько всеобъемлющая, что у меня задрожали колени. Свет резко зажегся, являя мне огромную голову Евы-01, погруженную по плечи в ту розовую жижу, по которой мы сюда доплыли. Под самым потолком ангара зажегся свет, очертив за бронестеклом фигуру Главнокомандующего Специального Института НЕРВ Икари Гендо.

Командующий стоял, защищенный толстым бронестеклом, и с вызовом смотрел на меня через

стекла своих очков. Глянув куда-то в сторону и чему-то удовлетворенно кивнув он заговорил. Его голос лился из динамиков, окружая со всех сторон и подавляя волю:

- Давно не виделись, сын.

- Лучше бы и не виделись, - сказал я настолько тихо, насколько это было вообще возможно.

- Будь уверен, я тоже не в восторге от нашей встречи, но ты нужен мне. - То что он ответил означает, что даже малейшее мое движение контролируется, записывается и обрабатывается МАГИ. Это вполне ожидаемо.

- Зачем ты вызвал меня, после того, как бросил после смерти матери? - в словесной дуэли выигрывает тот, кто первый выедет оппонента из равновесия.

- Так было бы лучше для тебя. - чувство вины, он так универсально...

- Тогда зачем я тебе понадобился тут? - пусть он уже скажет, что ему от меня нужно.

- Ты должен пилотировать его, - говорит Гендо и указывает рукой на Еву, - это Евангелион-01, последняя надежда человечества. Ты единственный пилот, и если ты не справишься, все погибнут. - Ого, тяжелая артиллерия.

- Но он ведь только ребенок! - Мисато, неужели ей действительно меня жаль?

- Это его долг перед человечеством. - Интересно, что пойдет в ход дальше? Кажется, капитану Кацураги этой фразы вполне достаточно для оправдания всего, что будет происходить дальше.

- Я не сяду в монстра, для того чтобы сражаться с монстром. Люди не сделали для меня ничего хорошего. Нет, я не смогу: меня этому не обучали. - интересно, какие аргументы еще есть у этого игрока, и что он предложит.

- Сын, тебе нужно просто сидеть внутри. Остальное сделают за тебя. - Ну да, конечно, я тебе верю.

- Все твои слова раньше были ложью, зачем мне верить тебе сейчас? - Ва-банк.

- Потому что хороший сын должен подчиняться отцу. Но если ты трус - уходи, ты мне не нужен: мне есть, кем тебя заменить. - хорошо, что я не нуждаюсь в его любви.

- Я тебя ненавижу, Гендо, - вполне искренне крикнул я, - я нужен тебе как орудие, а не как сын! - его это не тронет, но ведь не только на нем держится НЕРВ.

- Ты бесполезен - делай что хочешь. Фуюцки, приведите Рей в порядок. - В ход пошла тяжелая артиллерия. Интересно, ее и правда накачают наркотой и переломанную оправят на смерть?

- Перенастроить ядро Евы-01 на Первое Дитя - Акаги уже включилась в работу, отдавая приказы с мостика. Дверь ангара открылась, и два мордovorота вкатили каталку с капельницей.

- Рей, замена оказалась бесполезна: тебе придется выйти в бой. Постарайся побыстрее, у тебя только десять минут. - Жесть, надеюсь что я сплю. Это что, действительно реальность.

- Да, Командующий. - Голос полный боли, дрожащий и слабый. Торжествующее лицо Гендо, с вызовом смотрящее на меня и маленькая дрожащая рука, дрожащая от напряжения и боли,

сцепленные в гримасе боли губы. Перед глазами сама собой всплыла картина изломанной Вики на больничной койке, бессильной даже пошевелится. Больше выносить это адское предстание я просто не смог.

Бросив сумку, я рванул к каталке в порыве помочь, но в лоб уперся ствол USP капитана Кацураги: "Куда попер, ссыкливый ублюдок, лезь в работа! Мы здесь все сдохнем если ты не сядешь в эту хрень! Лезь туда, или бошку разнесу нахер! Я не шучу!". Палец девушки почти выжал спусковой крючок: легкое движение и мои мозги разлетятся по стенам этого ангара, украсив их причудливой кровавой росписью. И она выстрелит: Мисато военный офицер, для нее свобода воли существует только в рамках приказа, и то что в свои 27 она капитан, говорит что она хороший офицер. Синдзи наверняка с ума сошел бы от такого давления, а Сергей просто выполнил приказ, но слияние личностей породило что-то новое. Закрываю глаза, максимально ускоряя восприятие, подстегиваю тело энергией, давая силу и скорость. По мозгам бьет адреналин и огненной волной рвется по венам. Черт, как же я люблю это!!! Сотканный из воли призрачный клинок отсекает руку с пистолетом, вторая бьет раскрытой ладонью в рану и оружие с кистью руки улетает в угол ангара, а Мисато, скрючившись, в шоке пытается зажать кровоточащую культю. Мордовороты начинают неестественно медленно тянуться руками к пистолетам в кобурах, и мне ничего не остается, как прибегнуть к крайним мерам: ловлю взгляд одного из охранников, того чьи рук движутся быстрее. Его разум напряжен, что мне и на руку: усилием воли вызываю мощную волну возбуждения в его мозгу, которая сжигает его личность, вызывает дикие пароксизмы, ломающие кости и разрывающие мышцы. Пистолет, сделав выстрел в потолок, намертво зажат в руке у изломанного трупа. Второй охранник уже достал оружие, но направляет его не на меня, а на Рей: логично, что у него приказ не допустить захвата столь ценного объекта. Второй удар, и еще одно тело, выгнутое как в столбняке, корчится на полу. Но он успевает выстрелить: пуля пробивает хрупкое тело, Рей вскрикивает и падает с каталки. А тем временем Ангел наносит свой удар: пол дрожит, и с потолка падают плафоны вместе с кусками бетона и балки, к которой они крепились. Падая на колени, успеваю подхватить девочку до контакта с полом и стараюсь создать максимально прочную защиту, на какую способен, понимая, что она не спасет меня от такого воздействия, но обломки разбиваются о выставленную руку Евы. Быстро осматриваю девушку на предмет ран, требующих немедленной помощи: пуля, к счастью, лишь скользнула по грудной клетке, сломав несколько ребер и вырвав кусок мышц. Сплавив открытые сосуды, я гладил ее по голове, пытаюсь успокоить ошалевшую от боли и препаратов Аянами. Вцепившись здоровой рукой в меня, бедняга тихонько скулила от боли, порываясь встать, как сломанный автомат. Разум полный боли, одиночества и ненависти к себе. Постепенно я смог успокоить ее, и погрузить в сон: дернувшись пару раз, Рей уснула. Аккуратно положил ее на каталку, я повернулся к Гендо, и сказал: "Я буду пилотировать, но ты заплатишь за все. " Командующий торжествующе усмехнулся, поправил очки и демонстративно ушел. Мисато в ангаре отсутствовала, след из капелек крови да исчезнувшая рука с пистолетом указывали на то, что она скорее всего сейчас в операционной и ей пришивают руку. Двое других мордоворотов укатали каталку со спящей Рей, а третий повел меня к стыковочному мостику. А я открыл свой счет в новом мире, хоть и не хотел этого: два изломанных тела остались лежать на голом металле.

Я сидел в капсуле и пытался понять что делать дальше. LCL медленно заполняла капсулу обволакивая тело, а нейроконтакты давили на голову, царапая кожу мелкими выступами на внутренней стороне обруча. Кровь Лилит дошла до подбородка, и я нагнулся, выдыхая воздух. Жидкость жгучим потоком рванула в легкие, грудную клетку скрутил спазм, и все резко кончилось. Дышать было непривычно тяжело: вдохи были медленными, а во рту стоял привкус

крови. По стенам капсулы побежали узоры, знаменующие начало синхронизации, давление на мозг усилилось: животная ярость, ненависть и желание защитить пилота - адова смесь. Сравнить эти ощущения отдаленно можно разве что только с физической близостью. Но лишь отдаленно: это не похоже ни на что. Давление чуждого разума обволакивало, растворяясь во мне, превращаясь во второе тело. Мощное, податливое, послушное - Евангелион пытался понять, кто я такой и подстроиться под меня, слиться со мной. Воспоминания Синдзи лились перед глазами, затопляя сознание. Далекий голос шептал: "Синдзи, Синдзи, ответь...". Вдруг шепот перерос в крик Акаги: "Синдзи, ответь, ты слышишь меня?". Фоном шли растерянные доклады мостика, анализирующего новые данные. Термины на английском, японском и латыни смешались в такую тарабарщину, что ее почти невозможно было понять. Я сморщился от голоса в своей голове:

- Не кричите, доктор Акаги. Со мной все в порядке: Ева приняла меня. Похоже я подхожу к ее критериям отбора.

- Хорошо, Ангел уже совсем рядом, в отсутствие капитана Кацураги Командующий назначил ее заместителем Макото Хьюга. Он ответственный за проведение операции и он же проведет предбоевой инструктаж. Ты готов?

- Настолько, насколько вообще могу быть готов. - Тело Евангелиона поражало: огромная физическая и духовная мощь, оно будто было создано для убийства. Сила, что плескалась внутри, едва поддавалась контролю. Мужской подрагивающий голос сказал: "Третья катапульта готова к приему. Провести финальный тест систем, открыть замки, убрать фиксаторы с первого по пятнадцатый". По телу Евы будто прошел разряд тока, после чего ощущение скованности пропало, оставшись только на щиколотках и в плечах. Женский голос доложил: "Финальный тест систем успешен, функциональность 98 процентов, уровень синхронизации 52.7 процентов. Есть открыть замки, фиксаторы с первого по пятнадцатый убраны. Транспортер закреплен на третьей катапульте. Выбран маршрут доставки к девятнадцатому шлюзу." Первый голос устало и даже немного обреченно скомандовал: "Запуск! И пусть боги будут к нам благосклонны!".

Перегрузка вдавила мое тело в ложемент, в глазах слегка потемнело, только успел привыкнуть, как обратная перегрузка чуть не размазала меня по капсуле. Створки шлюза разошлись, являя Ангела на другом конце проспекта. Из командного центра что-то кричат по связи, но это мешает. Закрываю свой разум от этих бесполезных советов и пытаюсь идти. Мне непривычно, центр тяжести и параметры суставов очень отличаются от человеческих. Несколько раз чуть не падаю, и понимаю что в рукопашном бою я Ангелу не соперник. Враг неторопливо движется в мою сторону, так что около минуты у меня есть. Концентрация, желание, усилие и щит повисает на кончиках пальцев левой руки: все получилось намного легче, чем я думал. Делаю шаг вперед, второй. Щит держится уверенно, концентрация особо не требуется, будто Ева создана для манипулирования энергией. Эх, если бы я так в своем обычном теле мог. Правая рука ладонью вверх напротив сердца, и послушный моей воле, Евангелион начинает медленно формировать над ладонью стальную метель: вихрь из полупрозрачных лезвий, медленно обретающих реальность по мере продвижения от локтя к кисти. В своем теле таким я могу разве что одежду превратить в лохмотья да кожу порезать человеку на расстоянии метров в пять, здесь же я в энергии не ограничен. Ангел решает атаковать первый: луч энергии из маски врезается в защиту, растекаясь по ней морем жидкого огня. Здания плавятся как свечки, от жара асфальт превратился в жидкость и начал налипать на подошвы, покрытые толстым слоем бронезащиты. Секунда, две, три, на четвертой луч выдохся, видимо у врага батарейки не бесконечные, или оружие нужно охлаждать. Удерживать лезвия от распада становится все сложнее, а потому я ускоряю восприятие до предела и толкаю вихрь клинков в

сторону врага. Отстреливаю кабель, разбегаюсь и прыгаю вслед лезвиям, метель крошит в щебень здания, превращая и так потрепанный город в руины. Некогда величественные небоскребы становятся раскаленным месивом из стекла, стали и бетона. Создаю между двумя самыми прочными на вид зданиями щит, прыгаю на него сверху и взмываю еще выше. Лезвия добрались до Ангела, и крошат его защиту и скрещенные перед грудью руки. Торс существа покрыт длинными глубокими порезами, верхние конечности, превращенные в фарш, валяются у него под ногами. Падаю сверху, и закованные в броню ноги сносят безрукую кровоточащую тушу вниз по проспекту. Сформированные на кончиках пальцев когти вскрывают вертящегося ужом монстра от паха до ядра. Еще один рывок, и ярко алая сфера в руках Евангелиона. Зверь внутри ликует, рвется на свободу. Срывая челюстные фиксаторы, реву в ночное небо, поливающее побоище двух гигантов дождем. Тот кто говорит, что цивилизация задушила в человеке хищника: лжец и лицемер. Ядро горит в ладони словно уголек. Впиваюсь в него зубами. С хрустом его часть тает во рту, словно карамель. Невероятный вкус - кровь, мята и корица. Глоток падает огненной волной во внутренности. Еще укус, и мир меркнет для меня.

На верхнем ярусе Командного Центра два человека наблюдали за боем, словно вельможи из прошедших эпох за боями гладиаторов. Убеленный сединой, но все еще подтянутый и бодрый, Козо Фуюцки отвернулся от экрана и сказал:

- Все психологические портреты оказались ошибочны, Икари. Твоего сына будто заменили. А то, что он провернул в ангаре? Ведь даже Аянами в тестах на выживание не могла сотворить ничего подобного. Он ведь точно не Ангел?

- Нет, для Табриса еще слишком рано, да и генетический анализ, проведенный МАГИ при синхронизации, показывает стопроцентное сходство с пробами ДНК взятыми 10 лет назад: он точно Икари Синдзи.

- Как ты тогда можешь объяснить его фокусы?

- Скорее всего взаимодействие с Евой-01. Она ведь закрыла его от кусков бетона даже когда он не был в капсуле, а вообще за объяснениями к Рицко. У меня нет времени на глупые теории. Как состояние капитана Кацураги?

- Кисть пришили, разрез был на удивление ровным и чистым. Медики порекомендовали отправить ее на реабилитацию в одну из германских клиник. Заодно и от Третьего Дитя подальше.

- Тогда пока ты будешь заменять ее у оперативников, до тех пор пока она не пройдет реабилитацию.

- Хорошо, Командующий. Что будем делать с твоим сыном? Мы хотели привязать его к Мисато, но все пошло прахом.

- Я заметил его заинтересованность в Рей. Любовь это лучшая клетка, а Аянами меня никогда не предаст. Я ей этого просто не позволю.

- Ты играешь с огнем, Икари. Если он тебе так нужен, то я бы лучше или договорился бы с ним, или запер его в карцер, накачав наркотиками. Он слишком опасен своей непредсказуемостью. А за ошибки старики из СЕЛЛЕ нас с землей смешают.

- Не смешают, до самого последнего момента. Технологией выращивания Евангелионов владею

только я. И поэтому я им нужен.

- Как знаешь, но помни мои слова...

Глава 2. Незнакомый потолок

Когда я проснулся было уже светло. За окном стрекотали цикады, а неверный розовый свет лился через полупрозрачную шторку, вызывая резь под сомкнутыми веками. Самочувствие было отвратительным: внутренности болели, как после хорошего удара битой в живот, в горле пересохло, а кожу стянуло. Руки-ноги вроде на месте и я их вполне нормально чувствую, однако нужно все-таки открыть глаза, чтобы в этом убедиться. Лучше бы я этого не делал: даже рассеянный свет Геофронта резанул по глазам кислотой, вынуждая зажмуриться. Через пару минут моргания и нецензурных выражений зрение восстановилось, шум в голове пропал, а потому жалеть себя бессмысленным лежанием на кровати я посчитал ненужным. Решительно скинув с себя одеяло, я встал и повнимательнее осмотрелся: палата была пуста, лишь темная полусфера камеры, прикроватный столик и кровать, на которой я лежал. Легкий ветерок из системы вентиляции охлаждал мое голое тело, все покрытое розоватыми разводами LCL. На столике возле кровати лежала моя одежда, чистая, высушенная и запаянная в пластиковый пакет. Под кроватью нашлись новые туфли, полная копия моих, а дверь в маленькой пристройке в углу наверняка вела в санузел. Прохладный, пахнущий хвоей воздух Геофронта смешивался с запахом больницы, порождая дурманящий голову аромат слегка щекочущий горло. Заглянув во вторую дверь в палату, нашел маленький стоячий душ и туалет. Раз уж я голый и грязный, то неплохо бы и вымыться после всех моих приключений.

Отмыться от LCL оказалось неожиданно трудно: она слиплась, цементируя волосы в одну сплошную массу, которую шампунь почти не брал. Только раза с пятого колючий торчащий ежик превратился обратно в мои чистые волосы. Тело отмыть было несравнимо легче. Я вытерся полотенцем, переделался в свою одежду и вышел из душа. Пока я мылся в душе, в палату принесли завтрак: мисо суп, онигири и жареную рыбу. Я вам говорил что ненавижу мисо-суп? Так знайте - его вкус вызывает у меня желание блевать: сомневаюсь, что хоть кому-то придется по вкусу аромат тухлых яиц, смешанный с пропавшим три дня назад бульоном из водорослей. Но все остальное было приготовлено вполне сносно: даже добавки захотелось, было бы у кого ее взять. Интересно кто еще в здании есть? Уж больно тихо, будто я один тут. Закрыв глаза, расслабляюсь, позволяя ощущениям заполнить меня: бетон, сталь, и всего лишь четыре человека. Двухэтажная пристройка к штабу была почти пуста. Выглянув из палаты, я увидел пустой коридор с дверью лифта в конце. Вот мне и время подумать над всем происходящим и привести в порядок свой разум.

Для начала я залез с ногами на подоконник и решил рассмотреть Геофронт повнимательнее: рощи гинкго и пиний, перемежаемые зеленой травой и цветами, вымершими миллионы лет назад, золотой свет, создающий ощущение вечного восхода и стены, теряющиеся в дымке. В потолке, источающем свет - огромный темный провал бронеплит, из которого, словно гроздь винограда, свисают небоскребы. К гигантам из стекла и стали снизу тянутся ажурные ниточки монорельсов и шахты запуска Евангелионов. В озере возле пирамиды штаба купались люди, другие парами и тройками загорали на песке и кушали припасенную еду из корзинок. Идиллическая картина, плотский рай, стоящий на крови. Так, прочь грустные мысли: нить я буду потом, когда все закончится, если вообще это все закончится. Этот мысленный пинок помог мне встряхнуться: я вернулся в палату и взглянул в зеркало. Мрачный четырнадцатилетний подросток, темно-коричневые волосы и синие глаза. В правой радужке

выделялась маленькая красная ниточка. Сил удивляться уже не осталось: надеюсь что в конце я не стану похож на Табриса.

На грани восприятия появились два знакомых ощущения. Разберусь с ними потом, угрозы они явно не несут. Сейчас у меня другая главная проблема: в том, что делать дальше. То, что я помню из аниме, летит к чертям, ведь реальный мир и мультик - совершенно разные вещи. Ясно одно: мои с Гендо цели однозначно противоположны. Я не знаю, чего он хочет в реальности, но добра от него ждать нечего. Конец аниме я толком не помню, но хорошего мало в том, чтобы все превратились в лужу LCL - любой сценарий Комплементации не для меня. Мисато для моих планов потеряна: уж слишком она исполнительна и верила Командующему до самых последних часов, да и не нужен мне союзник, у которого с головой такие проблемы. Доктор Акаги знает намного больше, возможно даже почти все, но влюблена в Гендо, и помощи от нее не жди. Правда, в конце она, кажется, пыталась взорвать НЕРВ, но МАГИ ей не позволили. Аска меня бесила в сериале, хотя это реальность, и какой она будет тут - неизвестно, но ничего, кроме желания сделать ей лоботомию, она во мне не вызвала. С Аянами все гораздо сложнее: она ключевой инструмент в планах Гендо, и потому целиком находится в его власти, беспрекословно подчиняется приказам Икари и привязана к нему. А потому мне нужно выяснить, что она за человек: наверняка, чем больше я узнаю о ней, тем проще мне будет сделать вывод о том, что вообще творится вокруг, и насколько реальность отличается от того, что я видел в мультике. Слишком много переменных и слишком мало данных я имею, чтобы делать далеко идущие выводы. А потому на повестке дня первый пункт: понять, что за мир вокруг меня и узнать о нем как можно больше. Хорошо хоть языковая память, рефлекс и привычки мне достались, иначе бы я умер еще на вокзале. Ощущения людей приблизились, звякнул приехавший лифт, потом скрипнули колеса каталки, перекатываясь через порог соседней палаты. Наверное, это Рей, и кто-то из персонала Геофронта.

С легким шелестом дверь моей палаты открылась и доктор Акаги зашла внутрь. Выглядела она крайне неважно: под глазами мешки, дрожащие руки, поникшие плечи и потухший взгляд не придавали девушке красоты. Когда я еще учился в институте, у нас так выглядели те, кто не спал минимум пару суток. И раз она ученый, работающий с точными данными, то в таком состоянии она далеко не уедет. А потому я поздоровался и продолжил, не дожидаясь ее ответа:

-Доктор Акаги, вы плохо выглядите - вам бы поспать, или хотя-бы отдохнуть часок. - Не знаю почему, но она мне симпатична. Хотя, боюсь, это просто гормоны.

-Женщинам неприлично говорить о недостатках их внешности. - Зло сказала она и замолчала на пару минут, слегка подвиснув от усталости. Через время она продолжила дальше:

- То, что фамилия Икари и вежливость не могут совмещаться в одном человеке, я поняла еще десять лет назад. У меня мало времени, а потому разглагольствовать я не буду: тебе следует завтра в 11-30 явится в 104 лабораторию Исследовательского отдела. Уровень 27-С, охрана тебя проведет, чтобы не заблудился.

-Что насчет документов и жилья, доктор Акаги?

-Жилье тебе подготовят сегодня вечером, твои вещи перевезут туда-же. Жить будешь один - то, что Командующий повесил тебя на меня, не означает что я буду тратить на тебя свое время: будешь создавать мне проблемы, ныть или требовать внимания - отправлю в казарму к охране. Там у тебя его будет предостаточно, но оно тебе не понравится. Деньги на обустройство и жилье уже на твоём пропуске: я не собираюсь каждую неделю ездить и таскать их тебе.

-Не волнуйтесь, я вполне самостоятелен. И все-же вам лучше отдохнуть, эффективность работы

будет выше.

-Я разберусь сама! - Она почти кричала от злости. - Завтра в 11-30, в 104 лаборатории.

Ненависть девушки была настолько сильна, что можно было резать ножом, когда она уходила. Щелкнул замок, оповестив меня о том, что это представление подошло к концу. Складывалось ощущение, что это не секретный институт, а сборище сумасшедших. Чертова Башня шутов: безумец на троне, готовый идти по трупам к безграничной власти, и уродцы, бьющиеся у подножья его трона. Уродцы, в которых он превратил обычных людей. Я вылил остывший мисо в унитаз, выбросил одноразовую посуду в мусор и пошел в соседнюю палату: или я разберусь во всем этом кошмаре, или умру.

Аянами лежала на спине, разметавшись по кровати: неестественно бледная кожа будто светится изнутри, тонкие пальцы комкают простыню, а синие волосы рассыпались по подушке. Аккуратно поднимаю стул, ставлю рядом с постелью и сажусь рядом, пристально вглядываясь в каждую мельчайшую деталь - анализировать это я буду потом, сейчас же нужно получить как можно больше информации. Ее зрачок на свободном от бинтов глазу мечется под веком, пальцы сжаты. Девушка стонет, резко переворачивается на бок, прижимая ноги к животу и просыпается: лицо бесстрастно, но во взгляде читается ужас. Чего же она так боится? Для начала нужно просто поздороваться с ней и попытаться успокоить:

- Привет, я Икари Синдзи, пилот. - Надеюсь, это ее не испугает.

- Привет. - Холодный бесстрастный голос, страх все еще полыхает во тьме зрачков, так похожих на то мое предсмертное видение: от ее взгляда у меня по коже побежали мурашки, а внутри все сжалось - как бы самому не показать ей, что я тоже от нее слегка не в себе?

- Что с тобой, почему тебе страшно? Я не причиню тебе вреда, просто хочу поговорить и узнать тебя поближе. - Говорить правду легко, особенно когда тебе это выгодно.

- Это не имеет значения, уходи. - В ее голосе столько боли, что я просто не могу не попытаться хоть немного облегчить ее состояние: беру девушку за руку и просто легонько поглаживаю кисть. Этот незамысловатый жест вроде и обычный, но он куда лучше пустых слов и глупых обещаний. Сначала она пытается отдернуть ладонь, но постепенно успокаивается, страх во взгляде сменяется изумлением и непониманием:

- Что вы делаете, пилот Икари? - Она настолько удивлена, что даже сама задала вопрос.

- Выражаю заботу и симпатию через прикосновение. - Как же сложно переводить чувственную реакцию в рамки формальной логики. Глаз, свободный от бинтов расширяется от удивления. Однако на таких пространных разговорах далеко не уедешь: мне нужно узнать ее как можно лучше и быстрее. Жаль, что не обойдется без насилия: ловлю взгляд одинокого красного глаза и падаю во тьму ее разума: разрозненные мысли, боль в изломанном теле и мешанина из эмоций. Множество психических ограничителей, созданных воспитанием, превращают нетривиальную и интересную личность в биоробота без желаний и собственного мнения: она готова выполнить любой приказ моего отца, потому что он так хочет. Однако она еще не успела в этом закаменеть, а потому шанс на нормальную жизнь у нее все-же есть. Копирую ее память, чтобы разобраться попозже, и уже собираюсь прервать контакт, как вдруг слышу ее ГОЛОС-МЫСЛЬ:

- Кто ты? - Неужели она способна осознать мое вмешательство и даже говорить со мной?

- Я Икари Синдзи. Не бойся, я знаю кто ты, и я не причиню тебе вреда. Не говори о том, что я могу Командующему: он не тот, за кого себя выдает.

- Ты ему не веришь?! - Боль бьет по нервам, затапливая разум расплавленным свинцом. Ого, она умеет не только слушать и говорить: еще немного, и я просто умру от такого.

- В таком общении нельзя лгать, ты слышишь мои мысли - я твои. - Если я совру, то мне крышка.

- Зачем ты защитил меня в ангаре? Ты ведь знал кто я. - Она явно в шоке...

- Я не люблю, когда причиняют боль, а потому хочу защитить тебя, и не важно от кого, будет это человек, Ангел или Ева. - Мучительные тиски отпускают, превращаясь в нежное любопытство. Теперь я однозначно хочу узнать о ней как можно больше.

- Твои действия непонятны для меня, но они заставляют меня чувствовать что-то новое, и эти чувства приятны. - Выхожу из ее разума, стараясь не навредить ей ненароком, и самому не сойти с ума: находится в таком контакте слишком долго вредно - это может закончиться безумием. И потому лишний раз лучше не прибегать к этому приему. Уже обычным голосом говорю:

-Пока, Рей, зови если что-то нужно. Я лежу через стену. - Почему я не хочу уходить? Что со мной происходит? Надеюсь, это просто последствия столь длительного и близкого контакта...

-До свиданья, пилот Икари. - Ярко-алый глаз закрылся, тонкое и изящное тело расслабилось. Унять боль это не проблема для меня, а девочка хоть выспится нормально. Высвободив руку из ее пальчиков, встал, поправил одеяло на Аянами и вышел, аккуратно закрыв дверь. Я уже давно не чувствовал себя так легко и просто.

Когда я закончил разбираться самыми яркими эпизодами памяти Рей, был уже полдень. Я еле сдерживался, чтобы не начать крушить все вокруг: поймите меня правильно, я не совсем сумасшедший, и вполне держу себя под контролем, что для моих способностей насущная необходимость. Моя ярость была вызвана вполне объективными причинами: у девочки даже документы отсутствовали, кроме пропуска в Геофронт, зарегистрированного не на имя, а на цифровой код личного дела. Такой ненависти к себе и желания умереть я еще никогда не встречал у людей: единственное, что держит ее - приказ "живи", отданный Икари Гендо. Я понимаю, что ее нужно защитить, но как? В конце аниме она пожертвует собой для того, чтобы Синдзи стал Богом, но тут эти лавры точно не для меня: быть человеком мне нравится гораздо больше. Потом,

Юридически Аянами Рей не существует, все свое детство, кроме последнего года она провела в комнате внутри Геофронта в Центральной Догме. И лишь в прошлом году, летом, ее под наркозом перевезли в абсолютно идентичную комнату, но уже в недостроенном доме. Ужас, охвативший ее при пробуждении, сложно описать словами. Вся еда, которую она когда либо ела - заварной рамен, аналог нашего доширака, сушеные овощи и поливитамины в таблетках. Добавьте к этому множество медицинских экспериментов, достойных 731 отряда и застенков Аушвица, и вы получите приблизительную картину жизни Аянами Рей. Но если вы думаете, что это всё, то вы ошибаетесь: вершиной, апогеем этого был Гендо Икари, выставляющий себя в роли спасителя, иногда любивший наблюдать за всем этим с горящими глазами. Периодически он приходил к ней в комнату и удовлетворял себя, наблюдая за ней. А я то

думал что у меня, оставшегося в 13 лет без всех родственников, плохая судьба...

От дальнейших мыслей и, как следствие, необдуманных поступков меня отвлекла медсестра, зашедшая в мою палату. Передав мне папку с документами, новый пропуск и лекарства, она сказала, что доктор Акаги выписала меня досрочно и машина ждет меня возле выхода из госпиталя. Забрав ключи от квартиры и сложив вещи в рюкзак, который мне принесла медсестра, я вышел из палаты и спустился на лифте в холл. За стеклянной дверью госпиталя стоял черный Хамви с эмблемой НЕРВ на передней двери. Двое охранников в штатском стояли возле машины, потягивая сигареты и перешучиваясь друг с другом. Увидев меня, они помрачнели, но постарались скрыть свою ненависть ко мне. Нехилое такси для меня организовали. Вежливо кивнув, бодигарды сели в авто. Один с комфортом расположился в кресле рядом с водителем, другой же сел назад, заняв своей накаченной тушкой почти половину трехместного дивана. Путь до дома провели в полном молчании: я размышлял зачем доктору меня так срочно выписывать, что вокруг происходит и как мне прекратить издевательства над Аянами, а охрана внимательно высматривала потенциальные угрозы для наших тел. Увиденного мне хватило, чтобы понять, что они со мной сделают все, что прикажет Гендо и никто ничем этому помешать не сможет, а это чертовски говённая для меня перспектива. Пока я думал, мы уже приехали: хамви остановился в каком-то заброшенном районе перед смутно знакомым мне подъездом.

Вокруг раскинулась заброшенная стройка во всей ее красе: кучи строительного мусора, ржавые бочки, трубы и вездесущий песок, поросший мелкой травой. Указав на подъезд, мордороты уехали, оставив меня посреди этого разгрома. На лестнице воняло бомжами, старой мочой и прокисшим пивом: я будто окунулся в атмосферу очередного недостроя, деньги за который благополучно распилили и откатали, а бетонный каркас оставили гнить. Лестница была завалена мусором, на стенах было множество граффити и нецензурщины на японском, английском и даже русском. Поправив ляжку рюкзака, я зажал нос и решительно рванул вверх, стараясь не задерживаться среди всего этого говна. Может когда-нибудь я все это и приведу в порядок, но это дело очень отдаленного будущего. Номер квартиры на брелке моих ключей - 403, это значит, что моя квартира на четвертом этаже за третьей направо от лестницы дверью. Сам этаж был пуст, ветерок гонял пыль по полу, шурша пустыми обертками от заварной лапши, в изобилии разбросанными по полу. Все двери было либо выломаны, либо сняты с петель, только две из них были в относительном порядке: моя и под номером 402, которая была нынешним пристанищем Аянами. Это единственный плюс моего жилья: то, что мы соседи, существенно упрощает мою задачу.

Новый дом встретил меня пылью, множеством натоптанных следов и кучами упаковочной пленки на мебели. Внутри был самый необходимый минимум: кровать, подушка, стол, комод для вещей, холодильник, два стула, электрический чайник, микроволновка, пара кастрюль, несколько тарелок, душ и туалет. Стены - голый бетон, на полу - технологический линолеум, окна задрапированы темными шторами. Содрав пленку с кровати, я обнаружил белое, казенное постельное белье с маленьким гербом НЕРВа на уголке наволочки: жить в такой квартире долго я точно не смогу. Нужно обустраиваться, и причем обустраиваться капитально. Возле кровати стояла моя сумка, обгорелая и порванная, которую я бросил на вокзале. Интересно сколько усилий и денег они потратили на ее поиски? Картину беспорядка завершали пять картонных коробок с вещами, все облепленные наклейками служб доставки, с огромным гербом НЕРВа на боку. Это у моего нового отца такая мания величия, клепать свой герб на всякие безделушки? Еще бы на туалетной бумаге его печатал, вот честно...

В одной коробке, как я помню, были несколько комплектов моей старой одежды. В другой - футон и подушка из прошлого дома, третья коробка - чехол с виолончелью и нотами плюс несколько школьных тетрадей, переложенные поролоном. В четвертой учебники, конспекты и

несколько десятков томиков хентайной манги: Синдзи не таким уж и пай-мальчиком был, в свои 15 у него явно бурлили гормоны. А в пятой обнаружилась форма НЕРВа: два комплекта повседневной и один комплект парадной, спутниковый телефон с зашифрованной линией связи, зарядник к нему и два запасных аккумулятора. Сняв с себя футболку, я решил использовать ее как половую тряпку, найдя в ванной ведро: ничего другого на эту роль все равно лучше не подходило.

Через полчаса мучений и пяти смен воды пол был в более-менее нормальном состоянии. Под кроватью я нашел забытый кусок стальной арматуры сантиметров сорока длиной - очень полезная штука, пригодится в хозяйстве. Еще через час вся мебель была распакована и избавлена от пыли, а в газете, найденной в туалете, был выписан номер доставки еды на дом. Заказав себе пиццу, я начал раскладывать вещи из коробок. Распихав повседневную одежду в комод, повесил на дверь два тремпеля с формой, отнес мыло и шампунь с мочалкой в ванную комнату и закинул газету обратно в туалет вместо туалетной бумаги. Завершив ритуал обживания на новом месте, я блаженно растекся в маленькой сидячей ванной, расслабив натруженные за день ноги и спину.

Я едва успел вымыться и обтереться полотенцем как в дверь позвонил курьер. Пропуск в НЕРВ был одновременно еще и платежной картой дочернего банка с небольшим кредитным лимитом, естественно, закрытым для меня. Для экономии времени и ликвидации лишней бюрократии вся зарплата перечисляется на него, а терминалы безналичной оплаты стояли даже в такси. Завернувшись в полотенце как в тогу, я расплатился за свою еду и забрал свой заказ. Забравшись в кровать, которая оказалась неожиданно удобной, и укрывшись одеялом, разнежился, поедая вкусную пиццу и запивая холодным лимонадом. Кусок арматуры лежал возле меня, на всякий случай: откровенно заброшенный район плюс отсутствие у меня времени на установку нормальных сигнальных меток на дверь вынуждали меня к таким параноидальным мерам. Во мне теплилась надежда на то, что на сегодня мои злоключения закончены, и я могу просто расслабиться и наслаждаться вкусной едой и теплой постелью. Мысли плавно скользнули к планам на будущее: завтра нужно к Акаги заглянуть, а потом заказать кучу мелочей в квартиру: положить ковры на пол, повесить драпировки на стены, поменять шторы и повесить тюль...

Только я расслабился, как вдруг за стеной послышалась возня, звук падения и стон. Что тут делает Рей?! С е ранами ей в реанимации лежать надо, а не в заброшке жить! Не дай боги что-то не так, так ведь и скорая не придет! Ускорившись до максимума, скатываюсь с кровати, хватаю кусок арматуры и выбегаю в коридор. Ноги скользят по линолеуму, уставшие за день мышцы едва слушаются, но я стараюсь успеть как можно быстрее: если что-то случилось, чем раньше оказана помощь, тем больше шанс, что все будет хорошо. Дверь в соседнюю квартиру была открыта, а потому через мгновение я уже был в квартире у Аянами. Девушка лежала возле кровати, держась здоровой рукой за спинку, а ее обычная школьная форма была небрежно брошена на пол. На Рей были надеты только длинные белые носочки, подчеркивающие стройные ножки, и бинты, которые едва прикрывали грудь. Хозяйка квартиры медленно начала поднимать голову, даже слишком медленно. Осознаю, что это из-за ускорения и перестаю накачивать себя энергией и все вокруг перестает напоминать запущенный на половине скорости черно-белый кинофильм. А тем временем предательский мозг подмечает все детали внешности, вырезая в памяти все изгибы и складочки ее наготы. А еще синий это натуральный цвет волос - какие только глупые мысли приходят в голову в такие моменты. В обычно бесстрастном голосе хозяйки едва заметные нотки удивления:

- Что вы делаете в моей квартире, пилот Икари ?Вы хотите любоваться мной как Командующий Икари? - Только после ее реплики осознаю, что рванул к ней в чем мать родила. И на мне из

одежды только гордость и кусок ржавой арматурины. Кою к одежде причислить - согрешить против здравого смысла.

- Нет, Аянами. Я услышал стон и падение, и прибежал помочь. Если я тебе мешаю, или неприятен - могу уйти. - Черт, как неловко вышло, хотя она очень красивая, даже в столь плачевном состоянии... Хорошо, хоть я могу себя контролировать...

- Мне требуется помощь в перевязке: функциональность тела снижена из-за ранений. - Я еще никогда не испытывал столь странной смеси из жалости, желания и нежности: она ведь не робот, нельзя же так с ней.

- Я готов тебе помочь. - мне все-равно делать нечего, я и потом поем.

- Перевязочный материал и препараты в коробке, инструкция по уходу за повреждениями там же. - Аккуратно беру Рей на руки и сажаю на край кровати: так будет удобнее и ей, и мне. После чего беру коробку, формирую на указательном пальце лезвие и срезаю скотч. Внутри обнаруживаются два рулона эластичного бинта для ребер, стерильный бинт, несколько стерильных ватных тампонов, антисептик для обработки рук, шесть пронумерованных белых коробок и листок с инструкцией, отпечатанный на ч/б принтере. Офигенная аптечка: ни названий препаратов, ни дозировок, ни побочных эффектов - ничего лишнего. Они что, на Рей еще и препараты проверяют? По принципу загнетса, не жалко, у нас еще гребанный аквариум таких?!

Успокаиваюсь и иду мыть руки, вытираю их, обрабатываю антисептиком и начинаю процедуру. Первым делом расстегиваю застёжки эластичного бинта и начинаю аккуратно его сматывать, постепенно обнажая пораженные участки, смазывая мазью из первого тюбика присохшие к ранам тампоны. Ее левый бок - сплошная гематома, есть несколько ожогов, но их общая площадь невелика. Очередной оборот бинта открывает рану от пули, зашитую кетгутыми нитями, и маленькую упругую грудь с аккуратными розовато-коричневыми сосками. Дав сам себе пенделя и пообещав, что не последний раз я вижу обнаженное женское тело, продолжил дальше: мазь из первого тюбика уже размягчила корку подсохшей крови и старые тампоны можно было удалять. Аккуратно цепляю один пальцами, подавляя боль раненной девушки, и тяну на себя кусок ваты, закрывающий рану. Предавшись своим мыслям, теряю концентрацию, и боль возвращается: Рей дергается, ее тело напрягается под моими пальцами, а я еще раз напоминаю себе, что это не прелюдия, а перевязка. Первый тампон отходит без особого труда и почти не причинив боли: я ожидал худшего. Смазываю рану мазью из второго тюбика и накладываю новый тампон, остальные два идут легче. Шепчу на ушко успокаивающий бред, пока обрабатываю рану от пули. Девушка настолько удивлена, что мне почти не приходится подавлять боль в ее ранах: она слишком заинтересована в происходящем что ее просто не замечает. Спрей, оказавшийся в коробке номер три, следовало распылить на гематомы, что я и сделал. Подождав, пока он впитается, втер из баночки под четвертым номером крем по всей поверхности гематом и нежно, но туго забинтовал поврежденную грудную клетку.

Снова вымыв с мылом руки, как было сказано в инструкции, обработал их антисептиком, после чего снял повязку со второго глаза. Закапав каплями из предпоследней упаковки покрасневший глазик, предварительно очистив его от выделений, поле чего забинтовал заново, и аккуратно сложил все средства обратно в коробку. Крем из оставшегося тюбика я намазал на сложенный в несколько слоев бинт и прибинтовал его к ожогу на бедре. Завязав бинт бантиком спереди, я улыбнулся девочке:

- Все, Аянами, я закончил перевязку, - взбить ей подушку и поправить постель это не так уж и сложно для меня, а все же девушке будет гораздо комфортнее отдыхать. Воспользовавшись ее

замешательством, позволяю себе немного хулиганства: аккуратно толкаю Рей назад, придерживая за шею и укладываю на кровать, укрываю сверху одеялом и возвращаюсь к себе.

Развалившись в кровати и наслаждаясь остывшей, но все еще вкусной едой, вспоминаю, что у Синеглазки дома только доширак и сублимированные овощи. Такую пищу еще можно назвать питательной, но сказать что она вкусная - соврать против здравого смысла. Позвонив в ту службу доставки, которая недавно привезла мою пиццу, заказал онигири с омлетом, кольца кальмара в кляре и яблочного сока - в моей порции были помидоры и курица, а Аянами не ест мяса и никаких продуктов цвета крови. С её прошлым такие фобии вполне понятны: после таких экспериментов даже я перешел бы на один салат. Пока еда ехала, я провел уборку пыли в квартире Рей, чем привел свою майку в полную негодность, а хозяйку квартиры в шок. Соседка внимательно следила за всеми моими манипуляциями, не отрывая глаз и боясь пропустить мое малейшее движение. Окно я открыл на проветривание, крупный мусор, в основном состоящий из застарелых кровавых бинтов и упаковок заварной лапши, сложил в найденную пустую коробку и выставил в коридор. Едва успел присесть, как курьер позвонил в дверь, и я забрал свой заказ, снова расплатившись по терминалу. Подумав, принес из своей комнаты типовую кастрюлю, из ящика на кухне у Аянами достал такую-же, снял полку в пустом ящике, и соорудил из этого импровизированный кроватный столик, на который и поставил все эти, заказанные мной, вкусности. Наконец девушка подала голос:

-Что это такое, пилот Икари? Это моя еда? - Надеюсь, ей понравится то, что я заказал.

- Да, попробуй, это очень вкусно: кальмары в тесте, рисовые шарики с омлетом и соевый соус. Если хочешь, есть яблочный сок. Никакого мяса и ничего цвета крови. - Недоверчиво смотря в картонную коробку, она взяла колечко осьминога палочками и, обмакнув в соевом соусе, закинула себе в рот.

-Я впервые питаюсь подобной едой. Это...Да, это действительно вкусно... - Столько растерянности, взгляд обращен внутрь себя: наверное она пытается понять, что с ней происходит.

- Чем ты питалась раньше? - Я то знаю, но мне интересно, что она сама думает об этой еде?

- Лапшой и овощами: эта еда питательна, не требует много времени на приготовление и обеспечивает организм необходимыми веществами.

- Но ведь еда нужна не столько для функционирования тела, сколько для наслаждения. - Рей молчала, сосредоточенно жуя второе кольцо кальмара. Проглотив вкусняшку, Синевласка удивленно посмотрела на меня. Нет, лицо по прежнему оставалось бесстрастным, однако ее взгляд, он выражал очень многое. Отвернувшись, девочка продолжила есть, сосредоточенно смотря в пространство и размышляя над одной ей известной проблемой.

Лучи заката пробивались через плотные темные шторы, порождая в чистой, но необжитой квартире розоватый полумрак. На кровати сидела девочка, верхняя часть тела которой была совершенно белой от бинтов, и единственной свободной от бинтов рукой ела палочками что-то из картонной коробки, макая кусочки в маленькую пластиковую одноразовую соусницу, смотря перед собой неестественно-красным глазом, а второй глаз был плотно закрыт бинтами. Коробочка с едой и соусница стояли на доске, уложенной на пару разноцветных кастрюль. Синие волосы девушки казались белыми в розовом свете солнца, светящего в лицо подростка, сидящего на стуле рядом с кроватью. Наблюдая за этой психоделической картиной, он сидел, подложив под спинку подушку. Раненная девушка доела последний кусочек кальмара из

коробки, запила яблочным соком, налитым в полулитровый химический стакан и устало откинулась на подушку. Парень с улыбкой убрал импровизированный столик, поправил одеяло, слегка поклонился девушке и вышел, закрыв дверь. Красный глаз мечтательно и сосредоточенно смотрел в бесконечность...

Глава 3. Бессонница.

Вернувшись в свою квартиру, я грохнулся на кровать и тупо смотрел в потолок: слишком много событий свалилось на меня за столь короткое время. Солнце давно село, уступив место ночному сумраку, причудливо обволакивающему скудное убранство моего нового жилья, но все никак не принося столь желанный покой. Устав бесцельно валяться на кровати я решил немного пройтись. Даже проверив по три раза слабенькие сигнальные барьеры, которые должны будут меня предупредить в случае вторжения в мой дом, я все еще не могу расслабиться. Приоткрыв окно, я перевернул подушку холодной стороной вверх, и бухнулся в кровать, жалобно скрипнувшую пружинами: сна по прежнему не было ни в одном глазу. Это вполне понятно, учитывая ту нагрузку, которая свалилась на меня за последние двое суток. Даже когда человек переезжает на новое место, у него иногда начинается бессонница, чего уж тут говорить о другом мире, особенно таком странном. Если говорить честно, то все очень-очень плохо: Икари Гендо обладает абсолютной властью над любым членом НЕРВа, и активно этим пользуется. Ладно, если бы при этом он был нормальным человеком и давил коррупцию, вместе с тотальным засильем бюрократии, неизбежные в такой крупной организации, но боюсь, что все наоборот. Почему я так думаю: назвать тех мордovorотов в смокингах профессионалами означает обидеть настоящую охрану, которая умеет быть незаметной и при этом эффективной. Так что это скорее всего гопники и отморозки, поднятые из самых низов, а потому крепко сидящие на крючке. Добавим к этому некоторое количество отмороженных ученых, способных разбирать на органы живую десятилетнюю девочку без анестезии, поддерживая ее при этом в сознании. И черт бы с ними - в конце концов Менгеле сделал для современной медицины чуть ли не больше, чем добрая половина биологов двадцатого века, но главная проблема в самом Икари Гендо. Такого трусливого садиста я еще не видел, хотя повидал многое: кажется, ломать волю и видеть, как человек корчится у его ног - его хобби, то что приносит ему радость. Да, я могу свести человека с ума, уничтожив разум иллюзиями, сотканными из его самых ужасных кошмаров, убить множеством способов и даже превратить в безвольную куклу, послушную моей воле. Но вот мой отец гораздо хуже: он это делает не с теми, кто нападает на него, а со всеми, кто его окружает. Из высшего состава Акаги мне кажется самой адекватной: Фуюцуки за свою собственную карманную Юй готов на все, лишь бы писать с ней диссертации долгими скучными вечерами. Он даже закрывает глаза на всю грязь, которую развел вокруг себя его бывший ученик, лишь бы только получить свою последнюю любовь назад. Мисато - импульсивный, прямолинейный и легко внушаемый человек. А потому, несмотря на все ее очевидные достоинства в виде нестандартного мышления и высокого интеллекта, бесполезна. Да и не могу я доверять человеку, который готов застрелить меня за то, что я не всегда подчиняюсь: сама концепция "преступного приказа" ей неизвестна. Кадзи же, появившись он в НЕРВе, смог бы стать хорошим союзником, но только лишь до того момента, пока это не противоречит его планам, которые состоят в том, чтобы пролезть поглубже и прожить подольше. А еще он будет сливать информацию всем, для того, чтобы исполнить свой план. Потому, остается только Рицко: она симпатична мне как человек, умна и, чего уж греха таить, весьма недурна собой, если ей дать пару недель отпуска и возможность привести себя в порядок. Гендо слишком нагло использует людей, считая что их можно выкинуть, как только они исчерпают свою полезность. Но люди - не автоматы. Надеюсь, что это станет для него смертельной ошибкой.

Но кроме этих сухих выводов, которые я извлек из своих наблюдений и из памяти Рей, я получил еще одно, весьма неожиданное откровение: есть люди, судьба которых гораздо хуже моей. Весьма нелегкое детство, потеря родителей, потом революция, война и потеря любимой давали мне внутреннее право считать себя в любой конфликтной ситуации только пострадавшей стороной, помогая оправдывать в глазах людей мой эгоизм и жестокость, однако Аянами этим не пользовалась. Она вообще никогда себя не защищала, стоически переживая весь ужас и постепенно угасая, уходя в себя, все больше теряя связь с людьми и окружающей реальностью. Из-за остаточной привязанности, доставшейся ей от Юй и умелого запудривания мозгов Командующим, он оставался единственной зацепкой в ее мире, тем, ради кого она жила. И я не хотел, чтобы так продолжалось! В конце концов, она заслуживает гораздо большего, чем бесконечный концлагерь и игры в хорошего и плохого копа. В конце концов, от нее слишком многое зависит, так что это будет очень даже полезно. Хотя, кому я вру? Мне просто нравится общаться с ней, угадывать ее эмоции и смотреть на ее реакцию на простую заботу. Я не понимаю, как можно заставлять страдать столь беззащитное и милое создание. А еще у нее грудь красивая... Я засыпал, постепенно теряя нить рассуждения, а стройные рассуждения сменялись причудливыми переплетениями моих впечатлений картинками из памяти Аянами. Последняя мысль, которую я успел запомнить была крайне странной: "Я, переживший войну и свихнувшийся до самоубийства, адекватнее всех живых НЕРВ-овцев". После этого долгожданная тьма поглотила меня...

Аянами Рей никак не могла уснуть - раны болели, сковывая движения и не давая возможности принять удобную позу. Хоть девушка и привыкла к боли, она однозначно мешала нормально спать. Но кроме страданий было еще кое что, тревожащее ее разум: растерянность. За всю ее жизнь никогда и никто не вел себя с ней так, как Икари Синдзи. Она понимала, что это ради нее он пилотировал Еву, рискуя собой. Но после этого он не наказал ее за слабость, а позаботился о ней. Ему было наплевать на ее происхождение - Синдзи непринужденно общался с ней, как если бы она была обычной. Но ведь Командующий говорил, что никто не примет ее природу, что люди боятся чудовищ, боятся того, что они не в силах осознать. Гендо много рассказывал ей о ее создании, о том, чем она отличается от обычных людей, и для чего ее создали. Иногда к ней приходили откровения от чего-то, что было глубоко внутри нее: пугающее, но при этом родное. Неужели и это не пугает нового пилота, что он вот так просто общается с ней? Тогда получается, что Командующий Икари и правда ошибается? Неужели есть кто-то, кто способен не испытывать к ней отвращения и при этом понимать ее? А может он тоже такой, как и сама она? Хотя Аянами никогда не помнила, чтобы в комнате воскрешения был кто-то, кроме доктора Акаги, полковника Фуюцуки и самого Икари Гендо, хотя ей два раза меняли тело: когда Наоко задушила ее, после того как Командующий приказал Аянами обзвать женщину ненужной бесполезной старухой. Второй раз был после экспериментов на способность ее организма переносить повреждения. Значит, пилот Икари не похож на нее, но почему тогда она чувствовала тягу к нему? Неужели боль от старых ран, экспериментов и одиночества, которые постепенно стирали ее волю к жизни, убивали чувства и разъедали эмоции не до конца превратили ее в инструмент для исполнения воли создателя? Решив, что ей нужно во всем разобраться, Рей начала вспоминать...

Все ее существование было подчинено одной цели: умереть так, как хочет Гендо. Ее сны были полны кошмаров, лицо стало бесстрастной маской, забывая как это - улыбаться. Сначала она задумывалась, а правильно ли так жить, и пыталась найти ответ на этот вопрос, но Рей почти ничего не знала об окружающем мире: ее научили только говорить, читать, писать и считать. Все остальное она узнала из книг, которые изредка брала в библиотеке НЕРВа, когда у нее были силы и возможность туда пойти. Но в большинстве своем там лежали либо

узкоспециализированные труды ученых, либо базарное чтиво - любимое развлечение уборщиков на перекурах. Научные публикации в основном содержали слишком сложную и специализированную информацию, а затертые и прокуренные книжонки в жирных пятнах зачастую противоречили научным фактам, а потому были отвергнуты, как недостоверные источники данных. Иногда, в перерывах между обследованиями и опытами, Рей могла немного поговорить с кем-то из персонала, но чаще всего ее избегали, а некоторые вообще предлагали обратиться к врачу, но изредка она все-же добивалась своего. Хотя, чем старше она становилась, тем реже получала столь нужные ей ответы.

Перед тем, как ее перевезли в ее новый дом, Командующий лично обучил ее этикету, и на том ее обучение и закончилось. Когда у нее должны были начаться менструации, ей удалили матку во избежание случайной беременности. Потом была реабилитация после операции и неудачный тест нерва А-10. Последнее, что она помнила, было лицо Икари Гендо, вытаскивающего ее из раскаленной капсулы. Потом была только тьма, полная страданий и редкие вспышки просветления. Самыми ужасными были те минуты, когда она лежала в подсобке возле ангара, ожидая приказа Гендо атаковать Ангела. Сцену боя возле Евы-01 она помнила смутно, но взгляд нового пилота четко отпечатался в ее памяти. Потом снова была боль, успокаивающие прикосновения чьих-то рук и забвение. Она испугалась, увидев его так близко к себе в палате: уж слишком он был похож на своего отца. Однако не было никакой злости, раздражения или обвинений в том, что она слаба - только забота.

Однако больше всего девушку заинтересовали странные способности ее нового знакомого - она чувствовала, как что-то внутри реагирует на его манипуляции, ощущала, как мир менялся по его воле, когда он делал что-то, выходящее за рамки обычного человека. При этом ему так важно ее функционирование, что после того, как она потеряла равновесие, Икари через две секунды был в ее квартире. Все в поведении ее нового знакомого было новым, необычным, ломало ее картину мира, которую Икари Гендо создавал годами. Однако, кроме всего прочего, ее тело тоже странно реагировало на парня: когда он прикасался к ней, то в паху появлялось новое, настойчивое чувство, которое нельзя назвать неприятным, но которое чего-то требовало от нее. Количество вопросов росло, а ответы она была найти не в состоянии. Решив для себя, что раз Икари Синдзи является причиной всех этих изменений, то у него и следует искать ответы, девочка успокоилась, и начала постепенно засыпать. Боль после перевязки постепенно отпускала, так что сон медленно начал завладевать разумом создания, так похожего на обычную девушку. Она и сама не заметила, когда уснула, и впервые за долгие годы ей снились не пытки-эксперименты, не полные безупречной логики унижения Командующего, не

боль и кошмары, а синие глаза, смотрящие на нее с легкой усмешкой и заботой из-под темной челки

Акаги Рицко не могла уснуть, несмотря на усталость, и то, что в Научном отделе во всех кофеварках закончился кофе, а в 11 ночи достать его просто негде. Впервые за долгие годы в затхлом тупичке под названием НЕРВ-Япония повеяло свежим ветром: кто-то посмел перечить Командующему и даже остался в живых. То, что это был его сын, лишь добавляло остроты и поводов для сплетен, второй день гуляющих в коллективе. Закончив загружать данные в МАГИ, девушка расплылась в кресле, зажгла сигарету и включила запись: она раз за разом просматривала видео с камеры в квартире Рей. Даже сама мысль о том, что к ней за всю ее жизнь никто никогда не относился так, как Икари Синдзи к этой сломанной кукле, была ей невыносима. Мать Рицко, Наоко, была инквизитором от науки: дома появлялась дай бог раз в неделю, на родственников не обращала внимания, и всех, кто был хоть немного более глуп, чем она, считала кем-то вроде дрессированных обезьян, вдруг научившихся говорить. А саму Рицко

так вообще всячески унижала, считая плодом своей самой ужасной ошибки, и выжалось это в полнейшем игнорировании любых достижений своей дочери и злобном высмеивании даже мельчайших недостатков и незначительных ошибок.

Мало кто знал, но Гендо Икари был ее биологическим отцом: Наоко читала курс лекций по биофизике второму курсу Токийского университета, будучи молодой и привлекательной двадцативосьмилетней девушкой, и Гендо, тогда еще Рокобунги, один из отстающих студентов, вместо сдачи экзамена просто соблазнил ее, после чего Наоко забеременела, и ей пришлось увольняться из института. Сперва муж очень обрадовался ребенку, думая что это его дочь, но потом обман раскрылся. После чего мужчина ушел, бросив мать с ребенком, когда юной Рицко было всего два года. Сам Гендо скорее всего знал об этом, Фуюцки, работавший в том институте, знал это наверняка. Но самое страшное началось потом: с тех пор, как 8 лет назад ее мать устроила ее работать в GEHIRN после законченного экстерном института, она не знала любви. Мать, которая до этого появлялась дома лишь эпизодически, теперь стала воспринимать ее как непримиримую конкурентку, более молодую, красивую и опасную, и их общение сошло на нет. А сама Акаги поняла причину этого лишь тогда, когда Гендо просто пришел к ней в кабинет и силой взял ее на рабочем столе. Это продолжалось изо дня в день и в результате сломало волю к борьбе, и уничтожило само желание сопротивляться. В ее жизни исчезло последнее счастье, даже малейший намек на радость и наслаждение. Икари Гендо подавлял ее своей грубостью, дерзостью и фанатичным блеском в глазах. Он не был особо красив, но обладал животным магнетизмом, что позволяло ему добиться близости любой женщины, которую он хотел, даже не прибегая к насилию. Однако то, что он был, пожалуй, самым влиятельным человеком мира, давало ему возможность просто приходить и брать то, что ему было нужно.

Рицко с самого детства мечтала во всем превзойти свою мать: добиться большего в науке, быть красивее ее и самое главное, найти свою любовь. Но из-за ее биологического отца все пошло прахом. Хотя мать и предупреждала Рицко, когда устроила ее в институт, что Икари имеет феноменальные навыки манипуляции людьми, и просила ее не попадать в эту ловушку, однако слова Наоко были бесполезны. Когда же Акаги-старшая смогла раскрыть часть его планов, и при этом узнала что он спит с их дочерью, то пригрозила обнародовать эту информацию. Но Гендо уж очень хорошо умел управлять людьми и загребать жар чужими руками. А после смерти матери, Икари пришел к ней и приказал воскресить ту, которая стала причиной смерти последнего человека, кто хоть как-то проявлял любовь к молодой ученой.

Но его сын был совершенно другим человеком - сохранив в себе решимость и умение действовать в критической ситуации, он остался добрым, заботливым и внимательным к чувствам других. Да что там говорить, он даже стерильное бревно на седативах смог возбудить, просто перевязав ей раны. Черт, - подумала Рицко, - о чем вообще сейчас думают лучшие мозги НЕРВа? Хотя, соблазнить его сына и помочь ему в борьбе против своего отца будет отличной мстью! Акаги с наслаждением выпила глоток из последней чашки кофе, которую она умудрилась выдоить из аппарата в прихожей и затянулась сигаретой. Она не хочет повторения судьбы своей матери, а потому будет действовать аккуратнее. Досмотрев запись до конца, девушка подумала: "А это даже хорошо, что я его опекун - будет проще найти предлог для более тесного контакта с ним." Мозг гениальной ученой искал выходы из тупика, подсказывал оправдания для возбуждения, появившегося в ее теле. Воистину, ключ к женскому сердцу - решительность, уверенность и забота. С умиротворением Акаги Рицку повалилась на клавиатуру. Комп недовольно запищал, но потом замолк, привыкший к таким издевательствам со стороны хозяйки. И снился ей ломающийся голос, желающий доброго утра, и аромат кофе, принесенного в ее постель.

Глава 4. Эффект бабочки.

Проснулся я от крайне неприятного чувства, означавшего, что кто-то чужой проник в мою квартиру. Волна адреналина мгновенно смыла остатки сна, но мое тело не изменило положения и на сантиметр - пусть подумает, что я сплю. Шаги незваного гостя уже в моей комнате, так что пора действовать: бросаю подушку на звук и скатываюсь с кровати, хватая по пути лежащий у изголовья кровати обрезок строительного мусора. Но вместо ожидаемых бомжей, нашедших новый способ разжиться чем-то ценным, я увидел Аянами, падающую на спину от удара: к моему сожалению, я попал. Отбрасываю прочь арматуру и валюсь на пол под девушку, смягчая ее падение: с переломанными ребрами такое вполне может закончиться фатально для нее. Я не ожидал, что Рей такая легкая - килограммов тридцать, максимум тридцать пять: даже в этом слабом теле я вполне справляюсь с такой нагрузкой. Аккуратно помогаю девушке встать на ноги и приглашаю присесть на единственный в квартире стул. Даже не напрягаясь, я могу ощущать страх и недоумение, буквально гложущие мою раннюю гостью изнутри. Рей аккуратно, стараясь не задеть раны, села напротив меня и начала разговор?

- Пилот Икари, вы хотите прекращения моего существования?

- Прости, Рей, ты просто так внезапно зашла в мою квартиру, а район тут беспокойный. И хватит называть меня так официально: просто Синдзи. - Глянув на часы, обомлел: уже было почти одиннадцать утра. Вроде и проспал всю ночь, и ничего спать не мешало, а тело ватное и в голове каша... Я же не развалюха столетняя вроде, не должно такого быть...

- Я должна соблюдать определенный ритуал при входе в твою квартиру? - Я и не думал, что все настолько запущенно

- Нет, приходи, когда захочешь, такого больше не повторится. - Я и правда стал совсем больной со всей этой войной: ведь на все здание кроме меня и израненной девочки никого и быть то не может, так как все ценное отсюда выгребли еще лет пять назад, а в продуваемой всеми ветрами коробке даже бомжи жить не хотят.

- Хорошо... Ты вызываешь комплексные изменения моего состояния, которые я не в состоянии объяснить. - А вот это уже плохо, так как Аянами просто понять вряд ли бы пришла.

- Что произошло? - Внутри все сжалось. Надеюсь, это не из-за моего необдуманного воздействия. Она ведь не совсем человек, ее энергетика и психика вполне может отличаться. Хоть бы это не было чем-то смертельным, однако манера этой странной девушки говорить может предполагать любые изменения.

- Твои прикосновения приятны для меня, мне нравится находиться с тобой в одном помещении. В дополнение после перевязки у меня в паху произошло непроизвольное выделение жидкости, но я контролирую процесс мочеиспускания с самого момента создания. Комплекс симптомов не совпадает ни с одним генетическим заболеванием, а заражение бактериальной или вирусной инфекцией исключается моим происхождением. - Когда она завершила этот, безусловно, длиннейший спич в ее жизни, я испытал желание побиться головой о стену, что и исполнил в ту же секунду. Кажется, этот мир еще более больной, чем я думал: девушка-подросток не знает что такое любовь. Как мне объяснить Рей, что с ней случилось? Что ей сказать?

- Аянами, все нормально, это просто влюбленность. Ты знаешь что это такое? Может читала об

этом в какой-то из библиотечных книг?

- Да, я читала описание в одной из книг. - Уже легче, мы хотя-бы сможем говорить на одном с ней языке.

- А что это была за книга? - Моя душа чувствует какой-то подвох: не может все быть так просто.

- Джордж Оруэлл, 1984. Возможно из-за половых и генетических различий это описание не является точным. - А вот и подвох: интересные у нее представления о мире...

- Я даже не знаю как правильно объяснить это тебе... С тобой все нормально, но рассказ может занять много времени, которого я на данный момент лишен. Сегодня мне предстоит обследование у доктора Акаги. Если кратко, то ты влюблена в меня. - Так тупо я себя еще никогда не ощущал... Вы пытались слепому от рождения объяснить, какого цвета у вас машина? А мне вот предстояла эта миссия. Хотя, на самом деле все не так уж и плохо: девушка пришла искать ответы у меня, а не у Командующего, а это уже огромный прогресс, с учетом ее особенностей.

- Тогда мне запрещен контакт с тобой. - Это что-то новенькое... Тогда понятно, почему в оригинальной истории Аянами вела себя столь пассивно по отношению к Синдзи, хотя то, что она его любила, было очевидно еще в самом начале истории.

- Почему? - Нужно узнать, кто же был инициатором запрета.

- Командующий запретил мне любые отношения, кроме необходимых для пилотирования, потому что это может помешать мне. - Что делать то? Нажраться, что-ли? Или с Акаги посоветоваться? Так она мне прямо все и расскажет, размечтался... Ну почему Мисато такая истеричка то оказалась?! Сейчас бы напились и по городу гоняли... Безрадостные мысли заполняли мою пустую голову. Параллельно с размышлениями натягиваю одежду. Возле двери разворачиваюсь и говорю:

- Подожди меня, я что-нибудь придумаю. - Есть у меня пара идей, только вот подействует ли?

- Сегодня у меня нет назначенных процедур.

- Мне сейчас к доктору Акаги на обследование, я постараюсь побыстрее справиться и прийти как можно раньше. В моей квартире более комфортно, так что побудь пока у меня. Пицца в холодильнике, лимонад на дверце. Разогреешь еду в микроволновке, а что-бы не было скучно, в коробке под номером четыре есть книги, в них достаточно много информации о твоём состоянии.

- Я поняла, спасибо. - Страх, все еще теплившийся в ее глазах, сменился любопытством, а это уже большой прогресс.

- Прочти, а когда я приду, то отвечу на любые твои вопросы.

-Пока, Синдзи.

-Пока. - Дверь я не закрывал, ведь кроме меня там все-равно ничего ценного нет, а за Рей, я надеюсь, присмотрят наблюдатели.

Под подъездом меня уже ждала машина из НЕРВа. Поздоровавшись с охраной, залез на заднее сиденье и сам не заметил, как уснул. Проснулся уже в Геофронте, от бесцеремонного пинка одного из охранников:

- Давай пропуск, парень. - Пробасил тот с акцентом.

- Вот, возьмите. - Протягиваю вышеназванный предмет, и спрашиваю:

- А в 104 лабораторию на уровне 27-С как пройти? - Получив в ответ план с начерченным на нем маршрутом, выгрузился из хамви, получил свой пропуск назад и почапал к лифтам. Спасибо охране, маршрут был предельно подробным и точным, так что блуждал я в мешанине коридоров совсем немного. Научный отдел был пуст: оно и неудивительно, в субботу даже трудолюбивые японцы предпочитают отдыхать, чего не скажешь о моей опекунке. Дверь в лабораторию была закрыта, но не замкнута, как все остальные на этаже. Зайдя внутрь, я обомлел: такого количества высокоточного оборудования и приборов я не встречал за свою жизнь еще нигде.

Лаборатория была немаленькой, но в ней было тесно от устройств, назначения которых я определить не мог. В большинстве своем все эти электронные приборы были отключены, а некоторые даже разобраны. Только из дальнего угла был слышен звук систем охлаждения и периодическое попискивание, свидетельствующее о том, что там есть какая-то активность, однако, забегая наперед, скажу вам, что я ошибся. Ускорив шаг, я с предвкушением двинулся на звук, но увиденная картина кардинально отличалась от воображаемой: женщина спала, уронив голову на клавиатуру и блаженно улыбаясь. Включенный комп периодически недовольно пищал, но ученую это нисколько не тревожило - девушка спала сном праведника. Попытавшись ее разбудить, успеха не достиг, лишь вызвал недовольное и крайне неразборчивое бурчание. Легкие хлопки по щекам и растирание мочек ушей были безрезультатны, как и попытки сымитировать подъем по тревоге. Я уж было подумал, что бедная Акаги потеряла сознание, или не дай бог впала в кому, но пульс был ровный, а дыхание стабильным и глубоким. Это все значило, что организм просто не выдержал нагрузок и отрубился, наплевав на все стимуляторы.

Решив, что я от нее сейчас ничего не добьюсь, я аккуратно поднял ее и отнес на диван. Подушки не было, так что надеюсь, мои колени ее устроят. Раз уж делать нечего, Акаги я не разбудил, да и у самого сонливость жуткая, то нужно пару часиков поспать. Маленький уголок для отдыха, затерянный в дебрях лаборатории, оказался очень милым местом: кожа дивана приятно холодила тело через рубашку, запах табака смешивался с ароматом пролитого кофе и реактивов, создавая странное ощущение уюта. Девушка на моих коленях сосредоточенно сопела и я сам не заметил, как вырубился.

Акаги Рицко сонно потянулась и покрепче обняла подушку. Женщина ненавидела пробуждения, осознавая что вернется домой не раньше, чем через сутки. "Странный сон, - пробормотала она, - будто бы новый пилот голышом перевязывал Рей, а я подглядывала за ними через камеру видео наблюдения - удивительные вещи, бывает, привидятся. Хотя, если он хоть в половину неплох и в реальности, то с ним определенно стоит познакомиться поближе". Перевернувшись на спину, и подумав, что подушка слишком жесткая, и ее надо бы поменять, девушка открыла глаза. Но вместо дома она оказалась в своей лаборатории: светодиодная панель освещения, установленная на минимум, до боли знакомый белый потолок, и ошарашенное лицо своего нового подопечного, на чьих коленях девушка и провела последние пару часов.

Я проснулся от того, что меня очень сильно обняли за талию и что теплое, мягкое и смутно знакомое прижалось к моему бедру. Я открыл глаза, и сориентировавшись в пространстве, сладко потянулся. Акаги ворочалась на импровизированной подушке, просыпаясь. Надеюсь, что вся эта возня закончится побыстрее, у меня не железные ребра. Решив было уже встать и идти искать что бы похавать спросонья, как вдруг среди неразборчивого бормотания я смог расслышать конец фразы, который меня крайне удивил. Да нет, это бред - успел подумать я, прежде чем Рицко открыла глаза и скатилась с дивана испуганной кошкой. Уставившись на меня, девушка сделала глубокий вдох и механическим голосом произнесла: "Ничего не было, ты ничего не слышал. Надеюсь, за пределами этой лаборатории никто об этом не узнает." После чего рухнула в кресло. Я шокировано смотрел на ее действия, медленно осознавая, что ее слова были правдой. Ученая тем временем рассеянно покрутила в руках сигарету, затянулась и чертыхнувшись, похоже, вспомнила, что ее нужно еще зажечь. Затянувшись уже зажженной сигаретой, женщина расслабленно откинулась на спинку кресла и о чем-то задумалась. Докурив сигарету, она встала, и взяв меня за руку, потащила за собой из лаборатории.

Командующий и его заместитель сидели в ритуальном зале Верхней Догмы и играли в шогги: старый полковник любил эту игру и пристрастил к ней своего ученика. Однако, если в партии обычно доминировал Козо, то разговор целиком принадлежал более молодому и агрессивному собеседнику. Старый профессор сделал последний ход и Икари раздраженно дернул щекой: он ненавидел проигрывать, даже если это дружеская партия в шогги.

- Скажи, Козо, твоя интуиция ничего тебе не говорит? Мне кажется, что мы что-то упускаем.
- Мы постоянно что-то упускаем, но пока я вижу только одну проблему: твоего сына. Либо признай, что он часть твоей семьи, либо относись как к солдату, но не игнорируй. Акаги умная девочка, но она слишком молода и занята на работе. Отнесись серьезнее к его воспитанию. - Пожилой человек слегка расслабился в кресле, пристально смотря на собеседника.
- Его воспитание - не моя забота. Главное, чтобы он не создавал мне проблем.
- То, что он сделал в ангаре - уже проблема.
- Пока меня это не тревожит: приборы зафиксировали контакт между Евой-01 и разумом пилота. А уж ей то точно по силам выжечь мозг парочке морд из охраны.
- Ева слишком сильна, Икари. Пробуждение произошло, но Берсерка мы, похоже, не увидим - твой сын крепко держит ее в руках.
- В свитках сказано лишь о том, что ярость Вестника Человечества сокрушит Вестника Воды, так что пока все верно.
- Пророчества туманны, Гендо. Хотя пока придраться не к чему, ты прав в одном: Третье Дитя превзошло первых двух. Следи за сыном, если кто и может изменить наше будущее, то только он.
- Третье Дитя уже сблизился с Рей. Ловушка захлопнулась, осталось только ждать...
- Что с SEELE? Как ты планируешь объяснить Лоренцу и остальным поведение Евы-01?
- Берсерк. Иуда не должен знать правду: предавший Бога, предаст и нас.

- Ты прав, как всегда. Мне все-же сложно поверить, что Они существуют. Это...
- Это лишь стимул работать лучше для нас. Показатель того, что наше знание неполно, а трактовка текстов искажена.
- Я откланяюсь, Гендо, у меня через час встреча с премьером.
- Помню, идите, учитель.
- Никогда бы не подумал, что ты все еще помнишь, кто привел тебя в большой мир. - С легким сарказмом пробурчал Фуюцуки, спускаясь из Верхней догмы в приемную. Гендо лишь усмехнулся в сложенные замком руки.

Разнообразные обследования и тесты продолжались почти до самого вечера. Рицко оказалась отмороженным маньяком от науки: меня почти разобрали по клеточкам, но к счастью, собрали обратно. Даже не смотря на все эти неприятные процедуры, к концу дня мы даже перешли на ты, периодически подкалывая друг друга. За Мисато она очень сильно дулась на меня, но обещала подумать, как нас помирить. Мои фокусы Акаги изучала минут двадцать, поразившись такому странному, по ее мнению, феномену контроля АТ-поля. Не знаю, что в этом странного? Она ведь сама говорила, что это поле и есть основа жизни - то что отличает живое от неживого, и имеется даже у бактерий. Так чему тогда удивляться? Если бы не многочисленные анализы крови, от которых мои руки стали походить на конечности наркомана со стажем, заборы мочи и весьма болезненные для меня УЗИ, от которых у меня болела голова, можно было бы считать, что я отлично провел время: своеобразное чувство юмора моей новой знакомой, подкрепленное недюжинным интеллектом и живым разумом, порождало порой крайне смешные и абсурдные вещи. А еще, Рицко оказалась большой любительницей кошек, но как ее котэ не померло от голода с таким режимом работы его хозяйки, я не понимаю.

Предаваясь воспоминаниям, я неспешно брел среди заброшенных и недостроенных высоток к себе в квартиру. Плановое обследование я прошел, следующее только через месяц, так что можно расслабиться. Перед тем, как ехать домой, я решил заглянуть в магазин, так что рюкзак с продуктами оттягивал плечо, в другой руке я нес коробку с набором посуды и сковородой. Плеер висел на поясе, а новые наушники, купленные по дороге домой, звучали просто великолепно: я смог поймать Аобу и одолжить у него несколько кассет с нормальной музыкой, вместо унылого нытья, которое обычно крутил Синдзи. Бодрые гитарные аккорды с жесткими барабанами оттеняли голос очередной восходящей звезды японского рока неопределенного пола, поющей об ужасах Второго удара. Закатное солнце чертило гротескные длинные тени от моей фигуры на розовом асфальте, заставляя жмурится от бьющего в лицо света.

Зайдя в черный проем подъезда и поднявшись на четыре этажа по лестнице, я зашел в свою квартиру. Аянами в ней не было, а коробка с книгами, лежащая возле комода исчезла тоже. Холодильник был опустошен, а кусочки мяса и помидоров, педантично извлеченные из пиццы, лежали в пустой коробке. Разобрав сумки и разложив по местам продукты, я заглянув в соседнюю квартиру, увидел Рей, увлеченно читающую какую-то книгу. Вокруг девушки всю кровать занимали открытые учебники и кучки тетрадей. Решив не отвлекать Аянами от столь увлекательного занятия, я вернулся к себе домой, а чтобы не маяться бездельем, начал жарить картошку. Вдруг дверь открылась и в квартиру зашла Рей, с крайне странным выражением лица, если это определение вообще применимо к ее мимике. Спрашиваю, сбрасывая

очищенную от кожуры картофелину в миску с водой:

- Рей, привет! Что-то случилось, я могу помочь?

- Я пришла поблагодарить тебя за предоставленную тобой информацию, но у меня все еще недостаточно данных. - Она очень быстро учится.

- Да ладно, мне не сложно, я слушаю. - Во взгляде моей собеседницы что-то изменилось, и у меня появилось смутное ощущение, что я что-то упускаю.

- Инцест является стандартной практикой в семьях, или есть исключения? - Так вот откуда мое предчувствие: я забыл про то, что в этой коробке кроме нот, художественной литературы, учебников и конспектов, был хентай. Много, томиков этак 10 откровенного порева, и брошюрка сексуального просвещения, выданная в школе всем, кто старше тринадцати. Я даже боюсь прогнозировать, в какую безумную смесь может вылиться Рей, принципиально лишенная морали и знаний о человеческом обществе, и откровенных извращений вроде "Моих Развратных Сестричек" или чего-то в этом роде. Я надеялся, что проблема решится сама собой, но, похоже, только усугубил ее течение.

- Нет, большинством это порицается, но при этом является самой распространенной сексуальной девиацией. - Все не так плохо, как я думал...

- Почему?

- Я не знаю, это слишком сложный вопрос... Люди боятся своих желаний, потому что они показывают их истинную суть. А их пугает то, чем они являются...

- Ты боишься меня? - Аянами просто мастер неудобных вопросов.

- Немного: себя я боюсь гораздо больше. Мне приятно, когда ты рядом. - Мы в ответе за тех, кого приручили. Так уж вышло, что я своим интересом приручил Рей и мне действительно хорошо рядом с ней.

Собеседница замерла, сосредоточенно наблюдая за малейшими изменениями во мне, пристально глядя на меня. Ненавижу, когда меня изучают так пристально - мне начинает казаться, что меня хотят в чем-то обвинить. Проходит минута, и я уже едва сдерживаюсь, чтобы не ударить по ее открытому разуму - мне почти физически больно от ее взгляда.

- Рей, что такое? - Подхожу ближе, стараясь разорвать столь мучительный для меня зрительный контакт и сгладить неловкость ситуации. Вдруг Аянами буквально бросается вперед и ее тоненькая ручка с нечеловеческой силой обнимает меня. Мягкие, сухие и тонкие губы находят мои в неловкой попытке поцеловать. Нежно целую их, переставая сдерживать себя и сомневаться. Огромный рубиновый глаз смотрит в упор расширенным от страсти зрачком, полным безумного желания и страха. Она такая робкая: неуверенность сквозит в каждом движении, только придавая очарования. Наши с ней отношения вряд-ли будут долгими: она изменится, и костыль в моем лице потеряет для нее смысл, но эти месяцы будут крайне занятными. Рей так увлеклась, что уже вторую минуту не дышит, потеряв себя в водовороте чувств. Пытаюсь вырваться из ее объятий, но моих сил не хватает даже чтобы отстраниться: в бытие сверхчеловеком есть и определенные плюсы. Выдыхаю ей в рот и девочка конвульсивно вдыхает, после чего слегка отстраняется и начинает дышать. Посылаю мысль: "Дыши носом, или отпусти меня. Я не получу удовольствия, если ты умрешь в моих объятьях!". Мои руки блуждают по ее бедрам, животу, груди, массируя, возбуждая и даря наслаждение: я

не скуплюсь, стараясь по максимум использовать свой дар. Не знаю, сколько времени прошло, прежде чем Рей отстранилась от меня и вскрикнула, выгибаясь в оргазме. От переизбытка ощущений Аянами даже потеряла сознание и пришлось нести ее к кровати. Придя в себя через минуту, девушка решила продолжить. Дальнейшее я помню слегка смутно: мы как-то перебрались в соседнюю квартиру и оказались уже в ее кровати. Повсюду был запах девушки: терпкий, с привкусом крови, лекарств и желания. Сколько продолжались наши безумные ласки, поцелуи и прикосновения, я не могу сказать, но Рей постепенно затихла, и не выпуская меня из объятий уснула. Осознание того, что произошло, пришло после: Гендо этого просто так на тормозах не спустит, так что у меня намечаются большие проблемы. Не знаю, что будет дальше, не знаю, куда и к чему все это приведет, ясно одно - намечается очень большой переполох.

Рицко тупо смотрела на экран, транслирующий картинку из квартиры Первого Дитя. То, что она увидела, просто не могло происходить, потому что не могло происходить никогда. Это ведь невозможно, невозможно, что Рей сама проявляла инициативу а не исполняла приказ, тем более в такой пикантной и неизвестной для нее теме, как близкие отношения. Но реальности, похоже, было плевать на все теории и предположения. Выронив сигарету, ученая решила просто плюнуть на этих Икари, клонов, призраков прошлого, поехать домой и немного развлечься, благо все необходимое для этого у нее было. Но червячок внутри не давал ей покоя: как и любой девушке, ей было неприятно, что опять выбирают не ее. Набрав номер такси, Акаги заказала машину к лифтам на поверхности и отправилась переодеваться. Сегодня впервые за очень долгое время у нее будет действительно хороший вечер.

Командующий сидел в своем рабочем кабинете в Верхней Догме и просматривал отчет о состоянии Первого Евангелиона, как вдруг лифт загудел, и из стены вышел невзрачный человек, одетый в повседневную форму НЕРВа. Положив на стол флеш-карту, человек сказал: "Это срочно." После чего, не сказав больше ни слова, снова буквально растворился в интерьере. Аккуратно подцепив белоснежной перчаткой маленький кусочек кремния, Гендо вставил его в гнездо считывателя.

Над столом развернулся голографический экран, показывая двух молодых людей, наслаждающихся друг-другом. Сцепив зубы, мужчина досмотрел запись до конца, после чего легким движением руки свернул экран. "Юй, как ты могла, ты второй раз выбираешь сына." - Тяжелый голос эхом отразился от стен огромного пустого помещения. - "Жаль, но мне придется действовать жестко. Цель слишком важна." Главным оружием Икари Гендо был его мозг, и его лезвие всегда было острым. Нажав кнопку коммуникатора, он сказал в микрофон: "Вызовите ко мне полковника Фуюцуки и начальника четвертого отдела, капитана Тоширо. Да, это срочно. Они уже спят? Так поднимите их из кроватей!" Отпустив кнопку, Главнокомандующий лишь зло усмехнулся в сложенные замком руки и пробормотал: "Все только начинается."

Глава 5. Затишье перед бурей.

Пробуждение было резким: что-то попало в нос и вызвало неудержимое желание чихнуть. Левую руку я не чувствовал совсем, а на плече лежало что-то увесистое. Открыв глаза, я увидел занимательную картину: Аянами перебралась на мое плечо и сейчас тихо сопела, периодически вздрагивая и прижимаясь ко мне. Неужели она так и не выпустила меня из объятий за всю ночь? Ведь ей наверняка мешали сломанные ребра... Высвободив из-под одеяла правую руку, я попытался аккуратно достать прядь волос, которую вдохнул во сне. Задание было провалено, и после нескольких попыток сдержаться, я громогласно чихнул.

Лежащая рядом девушка дернулась и открыла один глаз - второй был надежно скрыт повязкой.

- С добрым утром, Синдзи. - В голосе Рей легкий оттенок нежности. Для нее это огромный прогресс.

- И тебе доброго утра, Аянами, как самочувствие? - Надеюсь, я вчера не навредил ей своей неосторожностью...

- Функциональность правого глаза, грудной клетки и правой руки нарушены. Болевой синдром в пределах допустимого при таких повреждениях. - Если бы она еще и говорить нормально научилась, не используя к себе столь безликие термины...

- Рад, что все в порядке. Я очень волновался, чтобы ты вчера себе ничего не повредила. - Никак не привыкну, что простая забота так удивляет девушку. Крепко обняв меня здоровой рукой, она спросила:

- Я все правильно делаю?

- Если ты делаешь то, что приносит тебе удовольствие, тогда да. - Сколько же силы в этом маленьком теле?

- Я поняла. - Выпустив меня из объятий, Рей аккуратно встала с кровати и вышла из комнаты. Левая рука ужасно затекла: стоило Аянами убрать голову, как будто тысячи иголок разом вонзились в конечность. Я едва успел сдержать стон, когда кровь огненной волной рванула в онемевшую руку. Отключив нервные окончания, принялся растирать поврежденную часть тела, чтобы она побыстрее восстановилась. Вернувшись с кухни Аянами с кружкой воды в руке пристально наблюдает за моими манипуляциями, пытаясь уловить их смысл.

Осознание проблемы Рей встало в полный рост: ведь она почти ничего не знает об окружающем мире, и при этом мыслит крайне причудливым образом, что крайне затрудняет общение. У неё даже логика мышления другая, абсолютно чуждая обычным людям. Это даже не шизофрения, а что-то совершенно другое: она вполне способна решить сложнейшую логическую задачу или найти связь между двумя, казалось бы, совершенно чуждыми событиями, но онигири с омлетом загоняют ее мозг в аут, не говоря уже про простой утренний разговор. Вот и сейчас Рей в сидит в глубокой задумчивости и почти не реагирует на внешний мир, уйдя в свои мысли. Вздыхнув, встаю и иду мыть руки - как бы мне не хотелось понежиться в кровати подольше, но нужно делать дела.

Наскоро позавтракав лапшой пока Аянами моется в душе, я подготовил все препараты, необходимые для перевязки. Процедура проходила как и в прошлый раз, однако скорость регенерации была поразительна: мелкие ссадины уже почти зажили, а гематома стала заметно меньше. И если позавчера кроме жалости тело не вызывало других чувств ничего, то сегодня я понял оригинального Синдзи из аниме, который от такого зрелища потерял не только дар речи, а и равновесие: стройное тело, нежная и шелковистая кожа, белая как алебастр. Под кожей едва видны тоненькие прожилки вен, лишь оттеняющие неестественную бледность. Добавим к этому маленькую упругую грудь с аккуратными сосками, узкую талию и ровные ножки, и мы получим, наверное, самую красивую девушку, которую я когда-либо видел.

Впечатление портили несколько маленьких шрамов, но их почти не было видно.

Встряхнувшись, я перевел взгляд со всего этого великолепия на унылую коробку с баночками и поспешил закончить перевязку. Увлеченный внутренней борьбой с желанием прямо здесь и сейчас изнасиловать девушку, я потерял концентрацию: обезболивание мигом слетело, а Рей тихонько застонала от боли. Этот тихий сдавленный всхлип мгновенно отрезвил меня,

напомнив что у нас не эротические игры, а перевязка. Завязывая бинт на бедре, спрашиваю:

- Рей, у тебя на сегодня какие планы? Просто у нас мало одежды, да и в квартиры нужно кое-что докупить.

- В 12-00 у меня плановое обследование у доктора Акаги. Я не испытываю недостатка в одежде. - Сказала девушка с оттенком удивления, доставая из комода очередной комплект школьной формы. Вся полка была забита однотипными сине-белыми свертками: их там было штук тридцать...

- Аянами, кроме этой, тебе нужна еще одежда. В обществе не принято ходить в школьной форме никуда, кроме учебных заведений. - Как ей объяснить, что одежда нужна не только для того, чтобы прикрывать тело от холода, и потому что так ходят другие?

- Разве планируется посещение заведений, требующих определенный дресс-код? - Желания убиться об стену становилось просто нестерпимым...

- Рей, я просто хочу, чтобы у тебя было больше красивых вещей. Согласись, что в ресторан идти в школьной форме будет крайне глупо. - Надеюсь, что Аянами не заметила ноток раздражения в моем голосе... Постояв минуту, проверяя, не жмет ли ей нигде и, видимо, удовлетворившись моей работой, девушка начала одеваться. Кажется теперь молчание будет гораздо длиннее: вы даже не представляете, как же я устал отвечать на вопросы. Надеюсь, что постепенно перманентный фейспалм у меня прекратится и я смогу вздохнуть спокойнее. Хотя, чего я жалуясь? Главное, что мне скучно не будет! Замечаю, что ей одной рукой сложно застегивать блузку и подхожу помочь:

- Давай я застегну пуговицы, тебе ведь сложно.

- Я могу справиться и сама... - Милее зрелища, чем растерянная Рей в застегнутой на две пуговицы блузке, я еще не видел: на бесстрастном лице большие растерянные красные глаза, синие волосы в полнейшем беспорядке, и криво застегнутая полупрозрачная рубашка на голое тело - полнейшая милота. Застегнув на девушке все пуговицы и поправив блузку, иду одеваться сам. Сегодня будет длинный день...

В Токио-3 сегодня было достаточно пусто: мало кто хотел жить в городе, который был готов подвергнуться разрушению в любую секунду. Но персоналу НЕРВа и ключевых служб было некуда бежать, а потому улицы хоть и не были полны народу, но пустынными их назвать было нельзя. Шокированная от такого количества внимания к своей персоне, Рей прижалась ко мне и старалась слиться с окружающей средой и не отвечать. Учитывая крайне нестандартную внешность, школьную форму и общую зажатость, получалось у нее это крайне плохо. Путем нехитрых расспросов я узнал еще одну страничку из биографии моей спутницы: Аянами никогда не выходила в город. Она даже не знала никаких маршрутов, кроме как из школы домой, и из дома в НЕРВ. В чем-то я понимал девушку, испытывающую такой дискомфорт в толпе: даже меня начинали бесить пристальные взгляды прохожих. Все, кто замечал Аянами, не оставались равнодушными: либо впадали в ступор от умиления, либо отворачивались, лишь бы не видеть.

Постепенно Рей осваивалась, но все еще слегка боязливо прижималась ко мне, удивленная таким вниманием к своей персоне. Внешность девушки сыграла с нами злую шутку не только на улице: нам пришлось облазить весь город, прежде чем мы смогли подобрать что-то пристойное из одежды. И проблема даже не в самих вещах, а в их цвете. Проблема состояла в том, что волосы Аянами совершенно непередаваемого сине-серебристого цвета, что в

совокупности с ярко красной радужкой почти не оставляло шансов найти подходящее сочетание цветов. Консультанты просто сбивались с ног, предлагая популярные, но абсолютно глупо смотрящиеся вещи всех оттенков зеленого и бежевого, завоевавшие японский рынок после Второго Удара. В конце концов, в каком-то заштатном магазинчике мы смогли найти несколько подходящих вещей: синее платье, расшитое металлическими нитями, пару новых блузок и теплый махровый халат, в котором не холодно после душа. Рей очень устала от постоянного внимания толпы, и чтобы немного отдохнуть от суеты и людей, я предложил ей посидеть в кафе-мороженом, находящимся на первом этаже торгового центра. Покупки уже были отправлены домой службой доставки, чтобы не возиться с сумками. Решив, что посещение такого ресторанчика будет чем-то новым для моей спутницы, а спокойная атмосфера не будет угнетающе действовать на и так утомленную психику Рей, я настойчиво повернул в сторону яркой вывески.

Внутри заведения было уютно: маленькие столики на двоих, стулья с мягкими спинками и пастельного цвета стены. Компания молодых студентов составила несколько столиков в углу помещения и тихо наслаждалась подаваемым лакомством, лишь изредка врываясь тихими приглушенными смешками. За холодильником, выполненным в форме прозрачной барной стойки, стоял молодой парень европейской наружности. Однако на японском он говорил почти без акцента, причем крайне вежливо. Заказав две порции фисташкового мороженого, я вернулся к занятому нами столику и принялся за лакомство. Съев несколько ложек, замечаю что Рей даже не притронулась к своей порции, и лишь внимательно следит за моими действиями. Решаю немножко похулиганить: взяв ложкой немного вкусностей, прошу девушку открыть рот, после чего отправляю туда мороженку. Девочка послушно глотает вкусняшку, и спрашивает:

- Что это?

- Фисташковое мороженое. Замороженная смесь из молока, сахара и яичного белка. Тебе понравилось?

- Да, это приятно. - Взяв чайную ложку, Аянами начинает быстро есть сладость, почти не жуя.

- Не простудись, оно очень холодное. - Моя младшая сестренка тоже очень любила мороженое, пока была жива.

- Я не подвержена инфекционным заболеваниям. - Постоянно забываю о том, что она не хрупкая девушка, а искусственно созданная химера: просто не могу смотреть на нее, как на монстра. Вдруг наши аварийные телефоны синхронно зазвонили. Неужели и правда в бой? Я уже скучаю за тем безумным ощущением всемогущества Евангелиона. С предвкушением беру трубку:

- Алло! Да, это Икари Синдзи. - В трубке ответил грубый мужской голос.

- Сообщите ваше местоположение, чтобы мы могли вас забрать. Доктор Акаги вызывает для проведения имитационного синхротеста. - Вот и птица обломинго прилетела... Сообщаю охранникам адрес кафе, предварительно спросив его у бармена, и получаю ответ: "Будем через семь минут, ожидайте." Рей ушла в себя, анализируя сегодняшний день. Интересно, к каким выводам она придет в этот раз?

Ехали мы недолго, наверное минут пять. Нас с Рей разделили сразу, рассадив по разным машинам, а в Геофронте я ее уже не видел. В раздевалке возле ангара, куда меня привели, стояла и краснела низенькая и слегка полноватая девушка типично японской наружности.

Представившись Майей Ибуки, она стесняясь, протянула мне сине-белое нечто, похожее на мечту фетишистки: контактный комбинезон, так вот ты какой. На это обтягивающее порождение больной фантазии возле сердца крепились две пластины, помеченные красными крестами - автоматическая аптечка, как я понимаю. Девушка ушла, а я принялся раздеваться, аккуратно складывая одежду в шкафчик с надписью "Третье Дитя". Надевалось это недоразумение неожиданно легко, а после нажатия кнопки на запястье очень плотно обтянуло тело. Нацепив нейроконтакты на голову и глянув в зеркало на получившуюся мечту престарелой любительницы мальчиков посвежее, крикнул, что я готов. Охранник, стоявший за дверью, провел меня к капсуле, периодически подозрительно косясь на мою странную форму одежды. Контактный комбинезон абсолютно не защищал тело от холода, а ноги чувствовали малейшую неровность рифленого металлического пола, так что относительно короткая дорога до капсулы получилась изрядной пыткой. Поднявшись по лестнице, забрался в капсулу и откинулся на мягкий ложемент. Бронированная створка закрылась, отрезая меня от окружающего мира. Устроившись в кресле поудобнее, я расслабился и приготовился к синхронизации, стараясь смягчить неприятные ощущения от того, что в мой разум пытаются пробить дыру. Вообще, отмокание в LCL для меня - крайне бесполезное занятие, ведь в контакт с людьми я вхожу и без всякого оборудования. Хотя это не так безопасно, как через переходник, в виде системы А-10, но при этом гораздо полнее и быстрее. Внутреннее пространство начало потихоньку заполняться жидкостью, медленно обволакивающей мое тело. В голове размеренно текли мысли вперемешку с докладами мостика, готовящего программу проведения синхротеста. Аккуратно сливаясь с Евангелионом, я старался провести синхронизацию без рывков и насилия над своим мозгом, постепенно погружаясь в ничто. Однако когда я очнулся уже в новом теле, то чуть не заорал от боли: это был не здоровый и полный сил Первый, а искалеченный огрызок: у него отсутствовали левая рука полностью, правая кисть и обе ноги, а глаза заменены устройствами, которые эмулировали сигналы сетчатки в нервные стволы. Ощущать себя искалеченным огрызком было отвратительно, а так как никаких особых заданий мне на эту синхронизацию не давали, то мне оставалось только два часа бессмысленно отмокать в крови Второго Ангела. Делать мне нечего: ученые заняты сами собой, увлеченно фиксируя параметры мысленного трафика между мной и Евой, так что я решил разобраться с той мешаниной, в которую превратилась моя память в результате моего же косяка. Каждый вдох из-за LCL был медленный и плавный, минимум раздражителей, за исключением боли того Евангелиона, к которому я подключен, но ее легко игнорировать, ведь он - это не я. Закрыв глаза, погружаюсь в воспоминания того, кем я был до смерти...

Лица своих родителей и сестры я помню отчетливо, такими, какими они были в последний наш общий ужин. До этого злосчастливого вечера моя жизнь ничем не отличалась от жизни других подростков: учился в школе, гулял, ездил с отцом и его друзьями на рыбалку - обычная жизнь обычного ребенка. Но в один момент рухнуло все: у сестры случился на ровном месте анафилактический шок, а надеяться, что скорая быстро приедет в пригород было бессмысленно. Схватив девочку, они сели в авто, а на следующее утро я уже ехал на опознание двух искореженных и обгоревших кусков мяса: тело сестры так и не нашли. Описывать то, что я тогда чувствовал - бессмысленно. Мне уже было четырнадцать, а потому в детдом принудительно отправить меня не могли. Старшие родственники были против брака моих родителей, и помощи от них ждать было бессмысленно. Так я и начал свою взрослую жизнь.

Продав нашу трехкомнатную квартиру, похоронил родителей, купил маленькую гостинку и устроился в магазин электроники подсобником, продолжая учебу в школе. Друзей особо у меня не было, а ночами мне снился один и тот-же сон: обгоревшее тело с обезображенным и обгоревшим до костей лицом, еще несколько часов назад бывшее моей матерью. С самого раннего детства я открыл в себе способность ощущать то, что чувствуют другие люди, и оставшись один, я начал развивать это в себе. Потом была встреча с Викой: бурный и безумный

роман, закончившийся трагично. К девятнадцати годам я стал сильнее, чем многие из тех, кого я знал и у кого учился. И тут, когда я был на втором курсе в университете, грянула война. Одна из тех бесполезных войн, которые ведутся из-за денег и для того, чтобы власть имущих запомнили после их смерти. В один осенний день всех студентов нашего факультета собрали на стадионе и сообщили, что нас призывают на фронт.

Нас гнали толпой по снегу с помощью дубинок к поездам, стоящим на вокзале, утрамбовывая в пустые теплушки так, что люди могли только стоять. Когда мы прибыли на передовую, была уже ночь. Нас покормили каким-то варевом и выдали каждому по старенькому АКМ, пролежавшему в смазке лет шестьдесят и по четыре рожка патронов, помнящих еще мою прабабушку, хотя по всем каналам кричали о том, что армия обеспечена по высшему разряду и не имеет нужды ни в чем. Спали мы в грязных блиндажах, в которых воняло немытыми телами и страхом. Свой первый бой я помню смутно: кто-то кричал, все бежали вперед, периодически запинаясь о коряги и трупы тех, кому не повезло. Потом все слилось в кровавую круговерть, и я отключился. Очнулся я весь в крови в окопе, избивая треснувшим прикладом труп врага. Вокруг всюду были разбросаны ошметки тел, а растаявший снег на дне окопа была перемешан с кровью. Сослуживцы рассказывали, что я ворвался в траншею, и когда кончились патроны, просто порвал голыми руками несколько человек, однако сам я ничего не помнил. Когда меня впервые отпустили на неделю в отпуск, я узнал что мою девушку изнасиловали и избили пьяные танкисты, которых расквартировали на первом этаже общежития.

Я был с ней рядом, когда она умирала в реанимации от заражения крови, из-за того, что всей моей зарплаты за пол года не хватило на курс антибиотиков, безумно подскочивших в цене. Потом я попытался отомстить этим уродам, но мне настоятельно посоветовали этого не делать, если я хочу жить. Естественно, никакого наказания убудки не понесли, но ходили слухи, что вся их рота сгорела при штурме Донского плацдарма. Блогеры пытались раздуть мою историю в масштабный скандал, но введенное военное положение не особо располагает к свободе слова. Я тогда чуть с ума не сошел от постоянных интервью, прессинга военных и нескольких попыток отправить меня вслед за ней. Но человек - живучая тварь, а потому я смог это пережить, и даже не сойти с ума.

Потом были еще три долгих года войны: сплошной ужас, безумие и грязь. Слухи о моей отмороженности ходили по всему батальону. Несколько раз наша часть уходила на пополнение личного состава, я четыре раз был ранен, но мои способности помогли мне выжить и выполнить задачу даже в самых адских мясорубках. Свой смысл жизни и основу своей личности я создал в битвах, упиваясь кровью врагов. Однако в обычной жизни я мало отличался от других: старался шутить, смеялся со всеми и всячески поддерживал имидж своего парня. Однако я ненавидел людей - тупых, пустых и истощенных. Они были слишком жизнерадостны, слишком веселы, хоть я и понимал, что весь их смех - не более чем маска, которой они защищаются от мира. Что на войне люди выгорают, и ничего кроме ненависти и пустоты у них не остается. А потом была та злосчастная зачистка хрущевки, в которой какой-то враг пробил мой щит ножом. Противника я тогда убил, рану заштопали, но мое тело начало умирать. Медленно начали отказывать мышцы на ногах: я слабел с каждым днем. На всякую хитрую попу найдется и клизма винтом - нашелся винт и на меня. Естественно, после такого меня комиссовали, списав мое состояние на психосоматику и повесив на грудь пару медалек, как компенсацию за всё, что мне довелось пережить.

Вот так я и остался один, с умирающим телом в разрушенной войной стране. Почти два года я пытался найти способ спастись, однако все мои умения оказались тщетны, а знания - мусор. Когда накатывала хандра я просто включал аниме, и часами пялился в экран, забывая голову, лишь бы не выть от бессилия и одиночества. Решив разобраться в том, что же меня убивает, я

начал свое паломничество по библиотекам, музеям и интернету, в поисках хоть каких-то крупиц знания.

В результате нашел я и ту дрянь, которая меня убивала, и способ от нее спастись. Однако прошло уже слишком много времени, и я был обречен. Так я решил сменить приоритеты, выбрав целью не выживание, а сохранение своей личности после смерти тела. Когда я уже совсем отчаялся, то перечитывая один из старых текстов нашел ритуал, который совершали смертельно раненные в бою воины. Сначала я счел его бредом, и чуть было не повесился от безысходности. Но утопающий хватается и за соломинку, а потому я решился на это безумие. Потом была долгая подготовка, осложненная тем, что ноги отказали совсем, а руки не могли удержать ничего, что было бы тяжелее книги, без помощи телекинеза. Однако я справился со всеми условностями, напился в стельку, сжег все ценное, что у меня оставалось и после того, как опохмелился, на следующий день я проткнул свое сердце. Однако или я что-то не учел, или воин из меня был так себе, но получилось не совсем так, как должно было. Однако же депрессивно-спокойная натура Синдзи таки смогла хоть немного унять мое безумие и помогла вернуть контроль над своим разумом. В жизни Икари-младшего было банально больше хороших событий и приятных воспоминаний, чем у меня. Но когда я увидел Рей в бинтах - это было слишком для моего измученного сознания.

Я осознаю, что поступаю неверно, но иначе просто не могу: после всего, что произошло за несколько последних дней, она стала важна мне. И я постараюсь ее защитить, как умею. Радует одно - способности Синдзи гораздо сильнее тех, которые были у меня в прошлом теле. И потому, если я не перегорю во время тренировок, то перспективы мои в этом теле огромны. Размеренные мысли прервал резкий обрыв синхронизации и по связи мне сообщили о прекращении синхротеста. Уровень LCL пошел на убыль, кожу омерзительно стянуло подсыхающей коркой, а спазм, вызванный автодоком для очистки моих легких от жидкости, скрутил меня в непрекращающемся кашле. В конце концов последние капли розовой жижи вышли из меня вместе с полупереваренными остатками мороженого и лапши. Воздух стал для меня долгожданным сладостным спасением, дурманящим голову. Встаю и, пошатываясь, бреду в душ, стараясь добраться туда как можно быстрее - ощущение подсыхающей корки на коже отвратительно.

Сняв пропитанный LCL комбинезон, я нежился под теплыми струями душа, восстанавливая душевное равновесие. Разворошенные мысли постепенно возвращались к своему неспешному течению, а теплая вода смывала неприятные ощущения от крови Лилит на коже. Сквозь шум воды пробилось пиликанье электронного замка, а на границе восприятия появляется комок неуверенности и смущения. Выключаю воду, одеваюсь и выхожу к незваному гостю. Вечно смущенная ассистентка Акаги, краснея, переминается с ноги на ногу, пряча нижнюю часть лица за толстой картонной папкой крайне совкового вида. Передав мне этого канцелярского монстра, девушка быстро и запинаясь в словах сообщает что с завтрашнего дня я учусь в средней школе 707, в классе 2-А, а эту папку буду должен передать директору лично в руки перед началом учебного дня. Развернувшись, Мая убегает прочь, на ходу оправдываясь, что ее ждет начальница. Тормознув Ибуки возле двери, спрашиваю про Аянами, и получив неутешительный ответ, узнаю что ей предстоят долгие процедуры, так что раньше, чем в шесть вечера ее не отпустят. Мысленно обругав Акаги за неукротимое желание расчлнять во имя науки, иду к остановке монорельса, идущего на поверхность: минимум три часа в моем распоряжении. Нужно еще докупить домой электронику и постельное белье.

Сначала консультант в магазине отнесся ко мне крайне скептически, но вызванный менеджер и фамилия в пропуске НЕРВа его просто перекосили - кто такой Икари в Токио-3 знали очень хорошо. А потому все перепроверили по двадцать раз, запаковали и пообещали доставить к моему приезду домой. Закупившись всем необходимым, я купил себе два добротных ножа: без

них ощущал себя голым. Закончив шоппинг, вызвал такси и расслабленно откинулся на сиденье: предстояло самое приятное - распаковка подарков.

Квартиры очень изменились, став гораздо более обжитыми и уютными. На моем новом диване сидели четверо мужиков в зеленых робах и курили. Все было распаковано, собрано и протерто от пыли: старую койку сменил комфортный двухспальный диван, напротив кровати висел на кронштейне телевизор, место комода занял просторный шкаф, а Проводив работяг и накинув каждому по небольшой плате за качественную работу, я протер линолеум и поставил вариться картошку и яйца на "мимозу". Длинный и мягкий ворс ковра приятно ласкал утомленные за день ступни, снимая усталость. Пока все варилось, я нарезал овощной салат с оливками. Едва все успел - я заканчивал сервировку стола, как Рей зашла в квартиру.

Открыв дверь, она замерла на пороге, и удивленно смотрела на изменившийся интерьер. Я закончил расставлять блюда с нарезкой сыра, подошел к недоуменно замершей девочке и аккуратно посадил ее за стол, чтобы не причинить боль, после чего протер спиртовой салфеткой руки, подал ложку и насыпал картофельного пюре в тарелки. Наконец придя в себя, Аянами спросила:

- Синдзи, что случилось? Я не могу проанализировать происходящее. У меня недостаточно данных: твои действия похожи на ритуал свидания, но он подразумевает ужин в ресторане, и не подразумевает смену интерьера в квартире девушки, обычно происходящую при ремонте. - Обожаю ее вопросы, они настолько абсурдны в своей логичности. Кажется, мне опять придется туго... Вздыхнув, рассказываю все, что происходило со мной за день, пока Рей пробует приготовленную мной еду и таскает сырную нарезку. Аянами слушает молча, иногда переспрашивая некоторые моменты, которые ей были непонятны. Когда я закончил свой рассказ и в смешанных чувствах откинулся на спинку стула, девушка немного промолчала и сказала:

- Я согласна. - Теперь была моя очередь тупить...

- На что ты согласна? - Её логика меня убьет. Бросив на меня один из своих непонятных взглядов, девушка сказала:

- Я согласна быть с тобой, пока твоя смерть не разлучит нас. - Немного наклонив голову вправо, девушка пристально смотрит на меня, пытаюсь понять мою реакцию. Смысл фразы дошел до меня не сразу, ведь никто никогда не говорил мне таких слов. Судорожно пытаюсь вдохнуть, непослушными пальцами расстегивая ставший тесным воротник рубашки и проталкивая в измученные легкие резко ставший вязким воздух. Резко вдохнув, я рывком прихожу в себя. Аянами стоит, наклонившись надо мной и недоуменно смотрит в мои глаза. Ее маленькая ручка нервно подрагивает, выдавая истинное состояние ее хозяйки. Тихий голос разрывает тишину:

- Я не соответствую твоим критериям спутницы жизни? Какие-то условия не соблюдены? - Стараюсь как можно нежнее взять ее руки в свои, чтобы хоть немного успокоить, ведь Рей сейчас гораздо хуже, чем мне

- Все хорошо, просто обычно женщины не говорят так открыто. Ты отлично подходишь мне. Обычно общество порицает открытое проявление чувств.

- Это не эффективно. - Садится ко мне на колени и целует. Нежно, неуверенно, боясь сделать что-то не так, но с огромным желанием. Успокаивающе глажу ее, чувствуя как страх сменяется страстью и эйфорией. Аккуратно прекращаю поцелуй и предлагаю поесть.

Пюре остыло а "мимоза" нагрелась, но после всего произошедшего мне было наплевать на вкус. Смотрю на девушку, машинально запихивая еду в рот. Рей встает и уходит куда-то. Несколько минут спустя хлопает входная дверь и включается душ. Мне тоже определенно следует помыться нормально, а не под эрзац поливалкой, лишь по недосмотру названной душем. Дверь в свою квартиру я никогда не закрывал, ведь ночью я сплю чутко, а защита на двери, выведенная моей кровью всегда предупредит меня о нежеланных гостях. Помывшись, вышел из ванной и лег на предварительно разложенный диван. Не помню, когда успел разложить его и заправить, но думать о такой глупости мне просто лень. Закрыв глаза, устало откинулся на подушку, как вдруг услышал тихий скрип дверных петель, два шлепка босых ног по линолеуму и шелест ковра. Тонкое тело скользит под одеяло, с легким стуком задевая гипсом за быльце. Поймав в объятия Аянами, нежно притягиваю к себе, стараясь не повредить ребра. В ней от силы килограмм сорок.

Поцелуй перетекает в ласки, запах ее тела пьянит, а каждый вдох огнем разливается по телу, устремляясь в пах. Аккуратно переворачиваю Рей на спину и постепенно продвигаясь к самым нежным частям моей девушки. Понимаю, что если мы сейчас продолжим, то повредим Рей только начавшие заживать ребра. А потому усилием воли отстраняюсь от желанного цветка и стараюсь снизить накал страстей, чтобы не наделать глупостей, которые повлекут последствия для здоровья Аянами: со сломанными ребрами не шутят. Переворачиваюсь на спину и получаю еще один странный взгляд. Девушка опирается здоровой рукой мне в грудь и смотря прямо в глаза говорит: "Не волнуйся, Синдзи, мое состояние не мешает твоему удовольствию." И опускается к моему животу, наметив себе определенную цель. Как же она быстро учится! От ее поцелуя меня будто пробивает током, но за первым поцелуем следует второй, а потом еще... Дальнейшее я помню смутно, вроде кричал что-то, но что и на каком языке, хоть убей, не вспомню. Безумие страсти идет на спад, и я, не в силах себя контролировать, проваливаюсь в сон.

Глава 6. Мертвые не плачут.

Писк будильника ворвался в голову внезапно, развеивая блаженное ощущение покоя и защищенности. Чертова школа, мало мне ее в прошлой жизни было! Ненавижу толпы детей, злые, галдящие, завистливые и лживые. Однако это суровая реальность, и от нее никуда не денешься. Хотя можно попытаться хоть немного скрасить столь печальное утро, а раз вчера был такой приятный вечер у меня, то пора отплатить взаимностью. Если бы не моя привычка усиливать ощущения во время физической близости, то мне было бы очень сложно. Девушка возбуждалась легко, но вот доставить ей действительно сильное удовольствие оказалось весьма проблематично. Однако через несколько минут ее крик наслаждения эхом пронесся по пустым коридорам здания. Свободный от наложенной на ночь повязки глаз постепенно приобретает осмысленное выражение - Аянами медленно приходит в себя. Вылезать из-под одеяла не хотелось совершенно, но это было необходимо. Рей зевнула и сказала:

-С добрым утром, Синдзи. - Я впервые не прикладываю усилий, чтобы понять, что она нежна ко мне.

-И тебя, Рей. Сегодня наш больничный закончился, давай собираться. - Она кивнула и осторожно обняла меня, показывая что она рядом.

Холодная вода сбивает последние остатки сонливости, пробуждая ватное после сна тело, прочищая голову и даря ясность мыслям. Девушка, шлепая босыми ногами по кафелю, уже

ушла на кухню, а я продолжаю тупо смотреть на свое отражение в зеркале. Все слишком хорошо, слишком гладко: или я чего-то не понял в поведении Гендо, или он готовит какую-то масштабную провокацию. Поведение Аянами выбивается из его плана, меня он контролировать не способен, а потому я для него - враг. Что делать в этой ситуации - не имею ни малейшего понятия. А что-то делать надо - и вариантов тут несколько: или искать союзников, недовольных поведением Командующего и бороться, или сворачивать свою активность, неспешно дожидаясь Комплементации. Но зачем мне престол Бога, если его не с кем будет делить? Да и сам механизм этого масштабного ритуала мне не понятен до конца. Это в мультике было всеобщее счастье и обретение полноты, но мультик и реальность отличаются слишком сильно. А потому полагаться на столь "надежный" источник я не буду. Эх, залезть бы к Гендо в голову... Но это вряд-ли возможно. Если у этого тела такие сильные врожденные способности, то его отец вряд-ли так прост, а потому ни к чему хорошему это не приведет. Ладно, нужно встряхнуться: умываюсь повторно холодной водой и иду на кухню к Аянами.

Девушка сидит за столом и ест вчерашний салат, слегка растерянно поглядывая в тарелку. Заварив нам обоим чай, я разогрел себе пюре с сыром: надо же хоть что-то поесть. Поев и почистив зубы, пошел собираться в школу: мне предстояло учиться в том-же классе, что и Рей. Девушка числилась в нем уже семестр, изредка появляясь на уроках, по понятным причинам пропуская почти все занятия. Дальше оттягивать столь неприятный момент уже нельзя и потому собрав волю в кулак, начинаю одеваться.

Рюкзак оттягивал плечи, а портфель Аянами - правую руку, сама она идет слева, как и положено по этикету. Внешность моей спутницы как магнит притягивала внимание, порождая множество неодобрительных, негодующих и умиленных взглядов. Даже я от такого количества внимания чувствовал себя не в своей тарелке, что уж говорить про девочку - она закрылась и шла молча, напряженная до предела. А потому мне остается только продолжить свои размышления о будущем. Пока нет Аски, меня вряд-ли убьют, скорее всего будут шантажировать через Рей, или просто ее убьют, стерев память. Она стала очень близка мне, но ее смерть не необратима, однако восстановление памяти гораздо более сложное задание. Надеюсь, что защитить девушку от всего этого ужаса будет в моих силах. Более экстремальные меры, вроде физических пыток, вряд-ли применят - их понимание механизмов синхронизации далеко от истины, а потому слишком ломать мою психику они поостерегутся, так как пилот им все-таки нужен. От этого и будем отталкиваться.

Мои невеселые мысли были прерваны тихим голосом Рей: "Мы пришли." Прощаюсь с девушкой, и иду в сторону кабинета директора. Постучав, вхожу и здороваюсь и ожидаю, пока тучный японец прочтет все, что сказано в папке. Перевернув последний листок, мужчина поднимает глаза и спрашивает:

-Я должен знать что-то, кроме занесенного в эту папку? - То, что мой отец большая шишка, имеет и свои плюсы.

-Нет, кроме того, что моя посещаемость будет нерегулярной в связи с тренировками. - Пожилой мужчина степенно кивает, продолжая изучать бумаги

- Позволю себе еще один нескромный вопрос, юноша. Ваша фамилия Икари, вы однофамилец Командующего? - Видимо он раз и навсегда желает уточнить мою позицию в социальной иерархии.

- Нет, сын. - Лицо искажается в раблепной улыбке. Ненавижу всю эту иерархическую схему, но она великолепно работает.

- Особые пожелания будут? - Вот это сервис!

- Определите в класс, в котором учится Аянами Рей. - Решаю перестраховаться на случай, если вдруг что-то не так понял.

- Уже сделано. Вам на второй этаж и в кабинет 21. Это 2-А класс. Поспешите, урок скоро начнется. - Однако эта система имеет и свои плюсы: вряд-ли в любой другой стране к обычному школьнику директор обращался как к начальнику. Аккуратно закрыв дверь директорской, глянул на часы в холле и неспешно пошел вверх по лестнице. Найдя нужный класс, оперся на стену и стал ждать учителя. Низенький и сухой старичок со старомодным кожаным портфелем появился точно в 9-00. Заметив меня он сказал: "А, это ты новенький? Директор Мацуда сообщил о тебе. Проходи, будем знакомится" Прохожу в класс вслед за ним, слушаю приветствие, которое ведет низенькая и бойкая девочка, вся в веснушках и с двумя косичками - наверное, она и есть староста класса. Пока утихает шум, пишу на доске свое имя и представляюсь: "Меня зовут Икари Синдзи. Я извращенец, чернокнижник и сволочь. Позаботьтесь обо мне." Что прекрасно в Японии: можно соблюдая формальный этикет, творить подчас самые безумные вещи, не нарушая де-юре, но бесчинствуя де-факто. Под дружный гогот класса, провожаемый неодобрительным взглядом учителя, я нахожу свободное место за Аянами и иду туда. Жаль, что мы сидим за партами-одиночками, иначе можно было бы забить на урок и просто наслаждаться друг-другом. Проходя мимо Рей, касаюсь ее плеча рукой. Девушка ловит мою руку, немного задерживает в ладони, прижимает к щеке и отпускает. Смех в классе будто выключили, а учитель молчит, но его неодобрение ощутимо уже физически.

Сажусь, включаю школьный ноутбук и подключаюсь к локалке класса. Чат взрывается сообщениями: основная тема - наши с Рей взаимоотношения и причина моего перевода в класс. Игнорирую все, пытаюсь расслышать тихое бормотание преподавателя, но непрерывный стук клавиш и писк оповещений забивает все. После мучительного урока и более ста проигнорированных сообщений наступает не менее отвратительная перемена. Сразу после звонка галдящая толпа подростков затапливает наши с Аянами парты. Девочки лезут вперед, задают вопросы, толкаются, пытаюсь занять место поближе. Едва сдерживаюсь, чтобы не ударить им всем по мозгам. Вдруг Рей тихо говорит: "Если вас интересует, насколько мы близки с Синдзи - то мы живем вместе." Класс настиг шок, в очередной раз за день. Надеюсь, их мозги смогут его пережить. Вдруг толпа заволновалась и через нее проломился высокий бугай гоповатой наружности, с лицом, не обезображенным интеллектом. За ним в образовавшуюся пустоту втиснулся тощий тип в очках и с камерой, похожий на крысу. Громила останавливается возле моей парты и берет меня за грудки:

- Слыш, новенький, пошли, побазарить надо. - Воу, это сейчас такие гопники пошли?

- Чего тебе надо, жертва лишней хромосомы?

- Мне папа сказал, что из-за тебя погибла моя сестра! Это ведь ты пилотировал того бешеного робота! - Охренеть, теперь в этом клубке появился еще и труп маленькой девочки. Где-то явственно отсвечивали очки-хамелеоны

- Парень, я тебя впервые вижу. И если тебе не нужны проблемы, то просто отвали от меня. - Лицо гопника искажает гримаса ярости, а мозги пытаются переварить то, что он услышал. Вдруг девичий визг ворвался в уши, а пацан инстинктивно пригнул голову: "Судзухара!!! Ты что творишь, мало того, что на уроки не ходишь, так еще и новенького задираешь!!!"

Гопник отпустил мою рубашку и повернулся к той самой девочке с косичками: " Слыш,

староста, он и эта красноглазая кукла пилоты того огромного робота. И они убили мою сестру! Я этого так не оставлю." После этого он повернулся ко мне и сказал: "Я знаю, где вы живете, так что мы еще встретимся." После чего развернулся и ушел в закат, расталкивая толпу. Чудак с камерой тихонько шепнул мне на ухо: "Папа Тодзи работает в НЕРВ, а потому он много знает. Судзухара очень зол на тебя, и я бы на твоём месте свалил подальше." После чего этот крысакун растворяется в толпе. Класс, шокированный в третий раз, просто разбрелся кучками по помещению, обсуждая свежие сплетни. Пару раз я замечал этого хрена с камерой, который метался от одной группки к другой и что-то им рассказывал. То, что Гендо слил меня этим кретинам стало для меня неприятной неожиданностью. Хрен бы с Судзухарой, но вот его отец мне явно не дает покоя. Была ли мертвая девочка, или ее сделали уже потом - мне это уже не важно. Гопники в Японии - не то что в странах бывшего СССР. Если в СНГ это просто уличная шпана из опустившихся людей, то в Японии - обычно члены группировок под крылом крупных корпораций: они хорошо организованы, имеют отличную крышу и представляют немалую угрозу для того, кто перешел им дорогу. Логично, что подобные личности есть и у НЕРВа. Хреновый расклад получается, хотя уличные абреки - это не полиция и не армия, а потому все не так плохо.

Уроки сегодня заканчиваются в половину третьего, а большинство учащихся расходится в четыре из-за кружков и спорта. Помогаю Рей собрать портфель, одеваю рюкзак на спину и мы выходим из класса. Путь домой ничем не отличается от пути в школу, только людей на улицах города было гораздо меньше - большинство усердно трудились. Проходя пустынный сквер недалеко от дома, я заметил компанию из шести человек, собравшуюся возле одной из скамеек. Трое сидели на лавочке, еще три человека стояли рядом, пили пиво и неспешно о чем-то говорили. Вдруг один из сидящих показал на нас пальцем и ощущение, идущее от них, изменилось: кажется, это за нами. Совершенно некстати, что я оставил ножи дома: сейчас они бы мнегодились, но что есть, то есть. Шепнул Рей: "Если что прячься за дерево и беги к людям." Она лишь кивнула - хорошо, когда не задают лишних вопросов. Потихоньку начинаю формировать щит, и тут слышу очень характерный звук загоняемых в магазин дробовика патронов. Резко все становится очень плохо: ясно одно - мне нужно перебить этих бугаев пока не умру. Бегать наперегонки с шестью амбалами с дробовиком наперевес - дохлый номер. Рей столько не выдержит со сломанными ребрами. Сильно толкаю девушку за первое попавшееся дерево, прикрывая ее щитом, и кричу: "Беги!!"

Выстрел, заряд дроби влетает в щит, пара дробинок попадают мне в руку, но это не страшно. Главное, что девушка в безопасности, а потому пора немного потанцевать! Разворачиваюсь, падая и уходя в кувырок, дробь пролетает над моим правым плечом. Осталось четыре выстрела и метров тридцать дистанции. Восприятие уже разогнано до предела: мышцы звенят, а картинка выцвела, став черно-белой. Шаг вперед и влево, выстрел, осыпь краем цепляет щит, ускоряюсь, почти бегу через обжигающий кисель воздуха, горячим свинцом вливающегося в легкие на каждом вдохе. Шаг вправо, корпус влево, шаг влево, корпус вправо, осыпь пролетает левее, опять частично цепляя щит. Сердце пропускает удар, но я все еще способен сражаться. Один из врагов бросает в меня нож: перехватываю его в полете, инерция закручивает меня вокруг оси, пригибаюсь и заряд дроби пролетает выше, не цепляя щит. Нож отправлен в нападающего с дробовиком, он успевает выстрелить, заряд проламывает щит и бьет в грудь, но теряет почти всю энергию и только царапает кожу. Стрелок заваливается назад с ножом в горле а до противников остается метра четыре. Перед глазами начинают плясать черные точки - верный признак того, что силы на исходе. Остается только молиться, чтобы их хватило. Пропускаю боккен над собой, подшаг, и энергетический удар пробивает печень противника, вырывая солидный комок плоти из спины мужчины. Ладонь будет ныть еще неделю, но это небольшая цена. Меняю направление движения, схватившись за ремень еще стоящего на ногах трупа, уворачиваясь от удара битой. Ловлю взгляд третьего и останавливаю его сердце.

Пропускаю удар ножом, и чтобы не умереть, жертвую левой рукой. Лезвие скользит по костям, боль затапливает сознание. Нападающий с ножом отводит руку для второго удара, ловлю его взгляд, и скрюченный как в столбняке труп падает на асфальт. Могучий удар в поясницу швыряет меня вперед, выдергиваю нож из мертвых пальцев и бросаю его назад, туда, откуда пришелся удар. Нечеловеческий вой известил, что я попал. Едва понимая, где нахожусь, встаю на подрагивающие ноги и оборачиваюсь. Щуплый высокий японец зажимает рану в паху, из которой сильными толчками рвется наружу яркая кровь: я зацепил артерию и он уже труп. А шестой, чем-то неуловимо похожий на гопника из школы, смотрит на меня, заряжая дробовик. На последних остатках воли вламываюсь в его разум, посылая единственный приказ: "Умри!" И мужчина с остекленевшими глазами направляет дробовик на свой подбородок и нажимает на спуск. С облегчением падаю на колени, боль затапливает разум, и я падаю во тьму.

Очнулся я уже в капсуле Евы-01: LCL щипала раны а в голове звенело. Тело переполняла дурная энергия, печень болела, а во рту горечь смешивалась с кровавым вкусом контактной жидкости. Судя по всему меня накачали боевыми стимуляторами - та еще гадость, способная заставить сражаться даже искалеченный огрызок. Один раз в прошлой жизни мне доводилось пробовать подобную дрянь: все, что могло болеть, болело потом еще неделю. Попробовав пошевелиться, понял что привязан к ложементу. Вдруг голоэкранный связи ожил, проецируя на LCL вид кабинета Командующего, и его хозяина, сидящего за столом. Лицо спрятано за зеркальными очками, руки в белоснежных перчатках сложены в замок, закрывающий губы. По его мимике ничего понять не представляется возможным, а отсутствие прямой видимости сводит к нулю мои возможности эмпатии. Фуюцуки стоит за ним с подчеркнuto безучастным выражением лица: кажется, он не шибко доволен происходящим. Ровный, довольный до омерзения голос Командующего говорит: "Икари Синдзи, вы обвиняетесь в убийстве шести сотрудников второго отдела военно-исследовательского института НЕРВ, находящихся при исполнении, попытке дезертирства и государственной измене. Я сожалею, что поспособствовал рождению на свет столь недостойного члена общества. На данный момент тебя просто нечем заменить, а потому приговор военного трибунала будет приведен в исполнение тогда, когда вопрос нападения Ангелов будет окончательно решен. Сейчас ты поднимешься наверх и убьешь Ангела, а потом будешь помещен в изолятор до следующего боя. И если ты хочешь еще хоть раз увидеть Аянами Рей - не делай глупостей." После его слов молот синхронизации ударил по измученному разуму.

Прослушав краткий и лаконичный предбоевой инструктаж, состоящий в основном из слов "предположительно", "возможно" и "вероятно". Естественно, что реально полезных данных там было дай бог ноль целых одна сотая. Из оружия у меня опять в распоряжении был только прог-нож в плечевом пилоне и мои собственные мозги. Ангел выглядел отвратительно: огромное летающее фиолетовое дилдо с множеством маленьких, постоянно шевелящихся ножек на животе и двумя толстыми и длинными светящимися тентаклями. Сие чудо довольно бодро летело на меня, разнося здания в хлам своими хлыстами, и тотально игнорируя огонь батарей стационарной обороны города. Абсолютно нелепая и бессмысленная летающая хуйня, порожденная больной инопланетной фантазией. Бросаюсь на него, создавая максимально плотные щиты на запястьях. Враг вовремя замечает меня и решает атаковать. Щупальца бессильно бьют по темно-оранжевым восьмиугольникам, сотканным из моей воли и энергии Евы, я же ускоряюсь еще сильнее и вгоняю прог-нож в ядро этой хрени. Щупальца несколько раз раскаленными бичами проходятся по спине, но через десять секунд агония прекращается, и лезвие прог-ножа ломается под весом многотонной машины. С противником, сражающимся гибким оружием, тактика боя только одна: быть как можно ближе к нему. Туша заваливается на бок, я разворачиваюсь и иду назад к катапульте, откидываюсь на стартовый стол, после чего разрываю синхронизацию.

Когда я выхожу, меня встречают два отделения штурмовиков в полной броне и с автоматами - сопротивляться бесполезно, будь я даже здоров, полон сил, в своем теле и обвешан амулетами как новогодняя елка гирляндами. Покорно даю защелкнуть на себе наручники и понуро следую к месту своего заключения. Внутри царит абсолютная каша из мыслей и обрывков образов, хаотичная и изменчивая. То, что Гендо настолько сволочь я предсказать не мог. Ясно одно: то, что я проиграл по всем статьям. И если буду дергаться, то меня просто убьют, и плевать Икари на меня и на мою уникальность. Небось слепит себе клона меня и будет над ним издеваться еще похлеще, чем над Рей. Аянами тоже скорее всего убьют и сотрут память, так что даже если мы сможем сбежать, это будет агония. Которая продлится до того момента, пока они не поймут что 50BMG я не в состоянии остановить никогда и ни при каких обстоятельствах. Дальше меня даже убивать будет не надо: достаточно хлопнуть Рей, воскресить и приказать ей выйти в эфир. Я после этого сам, как дурак, попрусь ее спасать, и все - принимай готовенького.

Воображение рисовало нереальные схемы, мозг пытался что-то просчитать, но сейчас мне было ясно одно - если мне не поможет кто-то извне, то все мои планы пойдут прахом. А пока мне нужно отдохнуть как следует. Проверив на прочность стены своей тюрьмы, я пристроил израненное тело на койку и постарался уснуть. Когда я проснусь, мне будет очень-очень плохо, но если сейчас не спать, то я вообще не проснусь. Примостившись на металлической койке, я забылся сном, полным боли и кошмаров.

Седой, но не потерявший военную выправку мужчина стоял и смотрел на огромное человекоподобное существо, распятое на кресте, и прибитое к нему для надежности гигантским копьём странной формы. У существа было огромное рыхлое тело, очертаниями подобное человеческому, но ниже пояса были не гигантские ноги, а множество обычных человеческих конечностей. По этим, относительно крохотным ногам периодически пробегали конвульсии, во время которых из ран существа начинала струиться розоватая жидкость, стекая в огромный бассейн. За спиной седого на каталке лежала обнаженная синеволосяя девочка с одной рукой в гипсе, привязанная к кровати ремнями. Возле каталки стоял человек в щегольском мундире, очках хамелеонах, держащий в руке, одетой в белую шелковую перчатку Глок-17 с гушителем. Полковник Фууюцуки не оборачиваясь сказал:

- Тебе не кажется, Гендо, что ты зашел слишком далеко? Душа Юй в Еве-01, так может пусть все так и будет? Я стар, Икари, и ты с каждым годом не становишься моложе. Мы оба знаем, что смерть - не конец существования, и что за чертой каждый получит, что он заслужил. Если ты боишься смерти - слейся с Евой-01, и будешь вечно жив в вашем с Юй мире. Ничья жизнь не стоит того, что ты делаешь. Это же твой сын, твои люди, даже Аянами можно назвать твоей дочерью...

- Козо, ты смотришь на все слишком однобоко. Мне не нужна Юй - мне нужно кое-что более ценное. Престол Бога, в этом и состоит моя настоящая цель. А истинному Богу не нужен никто, он полноценен, и не нуждается ни в чем. Я знаю твою маленькую тайну, старый учитель, так что не бойся, Юй я отдам тебе. Ради того, кто столько сделал для меня, я могу пожертвовать столь малым. - Щелчок затвора, и оружие смотрит в висок, защищенный лишь прядью волос цвета неба. Девочка что-то шепчет одними губами, закрыв глаза. Выстрел, на мгновение тонкая фигура окутывается оранжевым маревом, но оно исчезает, не в силах сдержать пулю. Даже приглушенный саундмодератором звук гулко отдается в огромном зале, а волосы Аянами окрашиваются кровью. Пара конвульсий, и тело затихает, пачкая содержимым и без того не самый чистый пол. Старый седой человек лишь судорожно сжимает руки, холодно кланяется, и уходит, стараясь не смотреть на обнаженное мертвое тело. Слизнув капельку крови с

белоснежной перчатки, Главнокомандующий Икари Гендо снимает с пояса рацию внутренней связи и говорит: "Рицко, спустись в Комнату Воскрешения, и подготовь оборудование для стирания памяти. Что? Да, для полного стирания. Язык и письмо? Она быстро учится." Положив трубку, мужчина расстегивает ремни, сталкивает тело девочки в бассейн, где оно начинает исчезать, и толкая каталку перед собой, уходит прочь.

Глава 7. Взаперти.

Рей, ошалело моргая, лежала на ложементе в баке LCL. Девушка попыталась вспомнить, что с ней произошло и как она здесь очутилась, но память подсовывала лишь разрозненные фрагменты, а мысли путались. Тело едва слушалось: судороги волнами пробегали по мышцам, не давая расслабиться, а конечности периодически подергивались, усиливая боль в и без того ноющих мышцах. Через мутную жидкость проступило смутно знакомое лицо, ремни притянули тело плотнее к ложементу и сознание погасло, затапливаемое нестерпимым огнем, сжигающим каждую клеточку ее тела.

Я проснулся в своей камере от боли: голову будто сдавили раскаленными клещами. Сдерживая вой, скатился с нар на холодный бетонный пол и открыл глаза. Безжизненный потолок, панель светодиодного освещения, металлическая койка, прибитая к стене и раковина с унитазом в углу. Аккуратно, стараясь не потревожить раны, я встал с бетона и с кряхтением рухнул обратно на нары. Первые несколько минут мне казалось, что я умру, но постепенно мне становилось легче: головная боль уходила, а желание выблевать свою печень превращалось в зверский голод. Оглядев себя, заметил свежие повязки на предплечье и кисти: пока я спал, меня перевязали, наверняка накачав какой-то дрянью - печень не справляется со всей той гадостью, что в меня вкололи, от того меня и тошнит. Поняв, что немедленная смерть мне не грозит, я постарался принять максимально комфортную позу и задумался, благо поводов для размышления у меня был целый вагон.

Черт, как я мог так ошибиться? Ведь с самого моего появления тут было ясно, что Гендо коварный и абсолютно беспринципный ублюдок. Неужели я действительно разучился подавлять в себе глупую подростковую истеричность, и теперь буду вести себя как малолетнее школие? Хотя, я что так, что эдак не смогу в одиночку сражаться с такой громадной системой, как NERV. Ведь моя неуязвимость, как у Шварцнеггера, сценарием не предусмотрена: не убьют, так закидают мясом, свяжут, а когда поймут, что прямые пытки бесполезны, начнут мучить тех, к кому я неравнодушен. Осознание своей слабости давило не хуже бетонной плиты: я же не герой глупого американского фильма, который решает все проблемы человечества одной левой, параллельно стреляя правой рукой из старушки маадьюс по толпам наступающих вьетнамцев! Чтобы сорвать злость, бью когтями по окованной металлом стене в надежде на то, что сил ее пробить мне хватит. Однако и тут облом: рвущая сердце боль и призрачные лезвия исчезают, не пройдя и на сантиметр вглубь, а пальцы больно скребут по металлу. Осознаю, что у меня сердце быстрее станет, чем я отсюда выберусь. Остается только ждать, а если совсем будет хреново - буду угрожать самоубийством, может что и выгорит...

За несколько часов до описанных выше событий...

Старый полковник и профессор генетики сидел в своем маленьком кабинете, перебирая дрожащими пальцами камушки для игры в шогги. То, что его молодой ученик ставит цель превыше всего, он знал давно, и был согласен с таким раскладом. "Смерть легка как перышко,

долг тяжел как гора" - это высказывание как нельзя лучше отражало суть его воспитания в семье потомственных военных. Но цель, к которой стремился Икари Гендо, повергла полковника в шок: насколько нужно быть безумным, чтобы желать престола Творца? И потому Козо Фууюцуки решил, что бесчестье для него, как для солдата, предавшего своего командира - ничто в сравнении с жизнями миллионов тех, кто пережил Второй Удар, вызванный ошибкой в расчетах доктора Кацураги. Вздохнув, постаревший разом на десяток лет старый человек достал из верхнего ящика небольшую черную коробку, положил ее на стол и поднял трубку телефона внутренней связи: "Алло, это лаборатория 417? Благодарю, Майя, позови к телефону доктора Акаги. Она занята настройкой оборудования? Передай ей, пусть немедленно пройдет в мой кабинет. Да, это приказ." Положив трубку, он подключил прибор к розетке, подождал, пока загорится зеленый светодиод и нажал на кнопку. Громкий щелчок, запах озона, и несколько маленьких дымков сообщили о том, что вся незащищенная электроника вышла из строя. Проверив телефон, и убедившись, что он работает, мужчина откинулся на спинку стула и принялся ожидать визита ученой. Когда уставшая девушка с кругами под глазами раздраженно открыла дверь, хозяин кабинета дружелюбно улыбнулся и сказал: "Нам нужно обсудить кое-что важное, это касается не только нас с вами. Не волнуйтесь так, в моем кабинете какое-то время мы можем говорить спокойно."

От прочтения очередного варианта толкования пророчества Икари Гендо отвлек подрагивающий голос его секретарши:

- Командующий, к вам доктор Акаги Рицуко с докладом. Настаивает на срочной аудиенции. - Миловидная девушка всегда слегка нервничала, когда ей было необходимо неожиданно нарушить покой шефа.

- Хорошо, сейчас я свободен, пусть войдет. - Получив согласие, ученая глубоко вдохнула и, подавляя улыбку, переступила порог лифта. Несколько секунд, и она уже в огромном мрачном кабинете. Разом накотившие воспоминания заставили Акаги вздрогнуть: она пережила множество неприятных минут в этих стенах и сейчас эти видения разом заполнили сознание, заставляя дрожать колени. Отогнав мрачные мысли привычным усилием воли, женщина уверенно шагнула из света лифта в полумрак помещения, сжимая папку сфабрированных МАГИ отчетов и графиков, которые должны будут послужить ключом к ее свободе от кошмара, в который превратил ее жизнь один безумец.

Изолятор NERV, камера Икари Синдзи.

Из медитации меня вырвал грубый окрик охранника: "Встать! Руки за голову, лицом к стене!" Скрипя зубами от боли в левой руке, выполняю приказ. Руки выворачивают и наручники защелкиваются на запястьях. Несколько ударов по ребрам скрючивают меня так, что я вижу только носки своих ботинок и едва могу дышать. В такой позе меня и ведут в неизвестном направлении. Рана на руке болит, поясницу от неудобной позы начинает ломить, я периодически спотыкаюсь, но конвоиры меня тащат вперед, не давая даже восстановить равновесие. Я едва понимал где нахожусь, с каждым шагом все глубже погружаясь в эдакий болезненный транс. После очередного лифта яркий свет сменился полумраком и светящимися линиями на полу: кажется, мы пришли. Жаль, что я не вижу лица того, кто стал причиной всего этого безумия: сил после медитации у меня достаточно для того, чтобы отправить его к праотцам.

Ощущался Икари Гендо как кусок пустоты, а голос выражал вселенское презрение: "Вам

смягчены условия содержания с одиночной камеры на домашний арест: вы переезжаете к вашему опекуну. Все перемещения вне места проживания только с моей санкции и в сопровождении конвоя. Перемещения внутри дома санкционирует доктор Акаги. Любые контакты с кем-либо без разрешения опекуна запрещены." После такой тирады в поле моего зрения появились ноги в лакированных туфельках, правый рукав рубашки расстегивают ловкие пальцы; по оголенной коже прошлись ватой со спиртом, после чего последовала резкая боль и наручники сняли. Аккуратно разгибаюсь, скрипя зубами от боли в мышцах и стараясь не потревожить ноющие ребра, параллельно начиная готовить свой разум к единственному удару, который, я надеюсь, сможет пробить его защиту.

Осматривая себя, замечаю на правой руке широкий силиконовый браслет с металлическим утолщением, на котором в такт биению моего сердца моргает маленькая красная точка светодиода. Заметив мой интерес к этому устройству, Гендо с плохо скрываемым торжеством продолжил: "При попытке выкинуть какой-то из твоих фокусов это устройство впрыснет в твою кровь транквилизатор, который отключит твое сознание примерно через пятнадцать секунд. А если ты выйдешь за пределы дома без моего разрешения, ослушаешься моего приказа или попытаешься снять браслет - умрешь. А теперь уведите его." За пятнадцать секунд я могу многое натворить, только дайте мне волю. Но сейчас если я попытаюсь дернуться, меня гарантированно убьют: почти два десятка охранников стояли возле стен, держа оружие наготове, а сам Икари демонстративно выложил на стол Глок-17 с глушителем.

На обратном пути конвой обращался со мной аккуратнее: лишь изредка подталкивали прикладами в спину. Дошел, лишь поддерживая себя накопленной за время медитации энергией. Мне срочно нужно нормально поесть и хорошо поспать, а еще придумать, как добраться до Гендо за пятнадцать секунд. Но с деятельного настроения меня сбили мысли о Аянами: никакой информации о ней я не имел с момента, как оттолкнул ее в сторону, спасая от нападения. Я даже не знаю, сколько дней прошло с момента нападения: в изоляторе меня кормили всего два раза, а свет не выключался никогда. После десяти минут езды в окружении мордovorотов мы оказались в уютном спальном районе, состоящем из частных домиков, окруженных зелеными насаждениями. Покатавшись немного по улицам, авто остановилось возле непримечательного забора. Калитку открыла сама Рицуко в пушистом свитере и джинсах. Заметив мое плачевное состояние, девушка сказала охране: "Можете идти, спасибо за работу." Старший в конвое лишь молча козырнул, солдаты споро запрыгнули в хамви и укатили прочь, а я в ступоре уставился на открытую дверь: я не знал, идти мне внутрь или прямо сейчас валить прочь. Однако от Акаги ощущалось что угодно, только не враждебность.

Вечерело, в доме зажегся свет, уличные фонари начали потихоньку разгораться, а я, наверное, минут двадцать тупо стоял и смотрел на это великолепие. Слишком большим был контраст между камерой-одиночкой и уютным маленьким коттеджем на окраине. Из ступора меня вывели слова ученой:

- Пошли в дом, ты ведь не хочешь торчать на улице всю ночь? - Логично, черт возьми. Однако Акаги вполне могла знать, что же случилось с синеволосой девушкой.

- Что с Рей? Она жива? - Лицо Рицуко слегка скривилось, выражая неодобрение.

- Ты бы о себе побеспокоился, герой! Все в порядке с ней, она внутри, только осторожнее: мне пришлось стереть ей память, но она должны все вспомнить при виде тебя. - Не успев дослушать фразу, бегу внутрь, чтобы побыстрее увидеть ее: я слишком привык к ней за те несколько дней, которые мы были вместе.

Первое, что я увидел в гостиной: два огромных рубиновых глаза, с безразличием смотрящие на

меня. Девушка сидит на кровати, уставившись в пустоту безучастным взглядом. Вдруг безразличие сменилось узнаванием, Рей бросается ко мне и ее маленькое тело падает вперед, скрученное судорогой. Пятнадцать секунд до отключки, говорите? Надеюсь, что успею: я даже обязан успеть. Ускоряю восприятие до предела: волна энергии проносится по телу, смывая боль и усталость, заливая мышцы дурной силой. В правой руке начинает зарождаться легкий болезненный холодок: препарат уже в крови. Замедляю сердце до минимума, чтобы выиграть пару лишних секунд и успеваю поймать Аянами до того, как ее тело коснулось пола. Рвущее мышцы усилие и мы падаем на диван. Рей совсем плохо: сердце девочки бьется неритмично, взгляд пустой и безумный, дыхания нет. Я чувствую, что времени у меня совсем мало: холод медленно плывет вверх по руке, парализуя мышцы. Остается только один способ понять, что случилось: ловлю ее взгляд и падаю в багровую тьму.

Разгадка оказалась проста: она вспомнила свою смерть, и ее разум не выдержал такого испытания, решив что она мертва, а тело отреагировало на это решение. Холод дошел уже до плеча, правой рукой двигать становилось все труднее. Решаюсь на безумие, осознавая, что это единственный шанс сохранить ту Рей, которую я знаю. Легкий энергетический удар в грудь, и фибрилляция после нескольких хаотических сокращений сменяется на ровный пульс - потеря сознания потихоньку перетекает в сон и я могу позаботиться немного о себе. Холод добрался уже до подбородка, и черт его знает, что будет, если не вколоть противоядие: дышать становилось все труднее. Девушка у меня на руках засыпает, я замедляю восприятие, и едва успеваю прохрипеть: "Антидот!" Дальше все провалилось во тьму.

Пришел в себя я на том-же диване. Мысли текли как в киселе, тело было деревянным и едва слушалось. Медленно открываю глаза и вижу огромное мутное бело-сине-зеленое пятно. Муть ушла и пятно медленно трансформировалось в два взволнованных женских лица. Внутри бушевала буря из эмоций: я одновременно плакал от горя и хотел поделиться своим счастьем с остальными. Еще не осознавая себя до конца пробормотал: "Какой интересный глюк... Неужели Гендо настолько меня любит, что засунул в гарем из влюбчивой безумной ученой и Второго Ангела, который по недоразумению выглядит как моя покойная мать. Блядь, я не знаю, хорошо мне или хуево: похоже Комплементация таки удалась, и я всего-лишь оргазмирующая лужа LCL." После моих слов Акаги отшатнулась, и с ужасом во взгляде начала медленно отходить назад. Рей лишь молча смотрела на меня, а из глаз капали слезы - кисель из головы как ветром сдуло. Сев на диване по-турецки, я раздосадованно хлопнул себя по лбу, и удивленно уставился на перехваченную в сантиметре от лица руку. Холодный голос девушки отстраненно прокомментировал: "Никогда не причиняй себе боль." Переведя взгляд на опекуницу, замечаю, что она смотрит на нас поверх ствола маленького дамского револьвера, и одними губами повторяет вопрос: "Что ты такое?" Отвертеться без объяснений не получится, да и Рицуко в таком состоянии, что может наделать глупостей. Версию для тех, кому я не до конца доверяю, я подготовил еще в больнице: ловлю ее взгляд и устанавливаю контакт. Мысль-фраза: "Я Икари Синдзи." А за ней образы аниме, сохранившиеся в моей памяти. Ученая от шока падает на колени и хватается за голову: когда впервые получаешь столько информации разом это больно, как удар битой по голове. Через минуту глаза Акаги открылись, а взгляд прояснился. Упреждая ее вопросы, отвечаю:

- Это была серия видений, после каждого я открывал в себе что-то новое. Последнее было в поезде в Токио-3. - Рицуко задумчиво присела на стул и принялась нашаривать в карманах пачку сигарет.

- Кажется, мою Нобелевку можно просто выкинуть в мусор. - Интересно, насколько глубоким был бы ее шок, узнай она правду?

- Я бы не был настолько критичным, но не могу не согласиться с этим.
- В тебе нет ни грамма уважения к старшим. Слушай, ты сам хоть знаешь, почему так произошло?
- Единственное, что я знаю, так это то, что добром вся эта авантюра Гендо не закончится. - Аккуратно обнимаю Рей второй рукой: правую она все еще не отпускала. Акаги уходит в себя, лишь неодобрительно поглядывая в нашу сторону. В конце концов она не выдержала:
- Скажи, как тебе не противно с этой куклой? - Услышав это слово, Рей сжала мою руку, которую не отпускала с момента перехвата, настолько сильно, что у меня затрещали кости.
- Она не кукла, и ты это знаешь не хуже меня. И не нужно шуток про Эдипов комплекс: Фрейда я читал. Мне хорошо с ней рядом, а больше меня мало что волнует.
- Ты необычайно умен и критичен для подростка: если закрыть глаза, мне кажется что ты тридцатилетний циник, которому плевать на все, кроме самого себя. Ладно, хватит об этом: теперь мне многое стало понятно... Видишь на браслете маленькое отверстие сбоку? Вставь туда что-нибудь металлическое - браслет отключится, пока предмет будет там. В моей квартире нет камер и жучков, а потому можете вести себя свободно. Ваши комнаты в конце коридора, но, думаю, что спать вы все-равно будете вместе - закройте жалюзи, чтобы наружка не видела. Более обстоятельно поговорим завтра. - Киваю, что понял и пытаюсь встать. Аянами в конце разговора отпустила таки мою руку и куда-то ушла. Адская смесь из множества химических препаратов в крови привела к печальным последствиям - мышцы едва слушались, голова нещадно болела, и я ощущал себя так, будто у меня кислота вместо крови. Спросив, где душ, поплелся мыться. Встретив по пути Рей, погладил ее по мокрым волосам и закрыл дверь в ванную комнату. Когда закончил мыться, то едва стоял на ногах, а потому завернулся в полотенце и побрел искать кровать. В голове мутилось: я смутно понимал где нахожусь. Наткнувшись на первую попавшуюся постель, упал на нее, и уснул, терзаемый усталостью и волнами боли. Отключившись, я не заметил, как маленькое гибкое тело юркнуло под одеяло и прижалось ко мне.

Закончив расчеты, усталая ученая побрела в душ. Включив воду, Рицуко блаженно развалилась в ванной, наслаждаясь ощущением теплых струй, текущих по телу. Вода успокаивала мысли и снимала напряжение с уставшей спины. Слишком много на нее свалилось в последнее время, слишком тяжело осознавать то, что все ее знания не помогут ей выбрать правильный путь. Устало облокотившись на стену, девушка закрыла глаза. Память подкинула момент, когда ее новый жилец рванулся к Рей. Вот стоит понурый, уставший подросток в черных брюках и заляпанной засохшей кровью рубашке, и вдруг он размазывается в черно-белую тень, которая превращается в два тела на диване. Парень замирает на пару секунд, смотря в безумные глаза той, которую только-что поймал в нескольких сантиметрах от пола. Вдруг парень бьет кончиками пальцев в грудь Аянами. Девушку на его коленях выгибает, но он не разрывает контакт взглядов. Секунд через пятнадцать Рей постепенно расслабляется и начинает равномерно дышать, а сам он, прохрипев: "Антидот!", заваливается назад и теряет сознание.

Сама Рицуко неоднократно наблюдала за тем, как он демонстрирует свои способности, но вот так в упор и настолько полно, она увидела их только сегодня. И это не шло ни в какие сравнения с теми мелкими фокусами вроде метания монеток в мишень и перетаскивание ее вместе со стулом без помощи рук, которые он демонстрировал в лаборатории. А потом Акаги и сама ощутила на себе, каково это: осознание того, что ее разум для него был открытой книгой злило и пугало ее одновременно. Однако поступки странного подростка вызывали скорее уважение, чем отвращение. Мысли начали путаться, и уставшая женщина открыла слив и

устало поднялась на ватных после купания ног. Проверив, хорошо ли она закрыла все краны и тщательно вытеревшись полотенцем, Акаги выключила свет в о всем доме, дошла до двери своей комнаты, привычно сделала четыре шага до кровати, способной уместить человек пять, залезла под одеяло и уснула, едва коснувшись подушки.

Впервые с тех пор, как я пришел в себя в поезде, мне удалось выспаться. Печень болела, мышцы ломило, но это были мелочи. Я в мягкой уютной кровати, Рей жива и обнимает меня: все хорошо и можно не подрываться как по тревоге. Если я просыпаюсь сам, без будильника или сирены тревоги, то прихожу в себя еще минут пять, стараясь растянуть томную негу дремы подольше. Медленно открываю глаза и вижу перед собой чьи-то белые волосы, пахнущие табаком. Удивление трансформировалось в слова:

- Рей, ты когда успела волосы покрасить? И почему от тебя табаком несет? - Холодный голос откуда-то справа сказал:

- Синдзи, я не способна произвольно изменять пигментацию волосяного покрова. - И, помолчав недолго, добавил. - Эта кровать пахнет доктором Акаги. - Недовольный голос самой Акаги сонно пробурчал: "Гендо, отстань, я не собираюсь тебя ублажать, и куклу свою фригидную забери." Сонный мой мозг понимал, что что-то не так, но что конкретно тут происходит, осознать отказывался. Аянами педантично поправила ученую: "Доктор Акаги, у вас устаревшие данные: я способна к получению оргазма." Повернувшись к Рей, хотел спросить, причем тут Рицко, но вместо ответа получил поцелуй от синеволосой няши. За спиной кто-то завозился, я попытался развернуться, но она держала меня крепко, и не потревожив раненую руку, я бы не вывернулся. Заметив мое неудобство, девушка отстраняется и смотрит куда-то за мое плечо, после чего с едва слышимым удивлением спрашивает: "Вы хотите присоединиться?" Оборачиваюсь и вижу саму Рицко, в шоке смотрящую на нас. Подавляю инстинктивную реакцию напасть и спрашиваю:

- Доктор Акаги, а что вы тут делаете? - Что тут произошло, пока я спал?!

- Интересно, что же я делаю в своей кровати в своем доме?

- Че-ерт! Кажется, я вчера с больных глаз кровать перепутал... - Э-э, я это вслух сказал?

- Тебя не учили, что перед тем, как залезть к девушке в постель, нужно ей подарить веник цветов и романтический ужин устроить? Тем-более если ты туда еще и другую девушку притащил, даже если она искусственная. - Интересно, эти шутки закончатся хоть когда-нибудь?

- Аянами вполне себе настоящая.

- Хмм, думай как хочешь, ужин это не отменяет. А теперь отвернись, я хоть пижаму одену. - Слегка ошарашенный, отворачиваюсь к стене. Рей ушла в душ и колкость Акаги пропустила мимо ушей. Рицко пошла на кухню ставить чай, а я, натянув трусы, остался в одиночестве валяться в огромной кровати. Из душа вышла синевласка с накинутым на плечи полотенцем и пошла одеваться, а поспешил занять ванную комнату, пока она свободна.

Когда я привел себя в порядок и перевязался, Акаги уже заварила чай и поджарила нам тостов. Рей в школьной блузке на голое тело сидела за столом и следуя всем правилам этикета завтракала. Рицко откинулась на спинку стула и курила, после каждой затяжки прихлебывая кофе из чашки с кошкой. Пожелав всем приятного аппетита, я плюхнулся на свободный стул и

принялся пить чай. Хозяйка дома допила кофе, потушила недокуренную сигарету и сказала:

- У нас всех есть одна проблема, и зовут ее Икари Гендо. Этот ублюдок совсем рехнулся и захотел стать Богом. Фуюцуки помог тебя вытащить из тюрьмы, и сейчас мы думаем, что делать дальше. Ты пока особо не высовывайся, отдыхай и выздоравливай, мы постараемся разобраться сами. - Мне бы хотелось в это верить...

- Рицко, это все очень хорошо, но я хочу знать, что вы там собрались делать. В конце-концов это касается меня лично. - Судя по растерянному взгляду, все пока плохо.

- Я сама не знаю, что полковник собирается делать, и почему его переключило. Раньше он закрывал глаза на все, что творил его ученик, да что там закрывал, сам первый вперед лез. Подозреваю, что это связано с последними событиями, и мне он просто что-то не говорит. Сегодня я загружу эту ситуацию в МАГИ, надеюсь что это поможет мне понять, что будет дальше.

- Это было бы отлично. В изоляторе мне не очень то понравилось.

- Вообще, все было бы гораздо проще, если бы ты использовал свои способности на Гендо. Если тебе что-то для этого нужно, то я постараюсь это организовать.

- Спасибо тебе, Рицко, я постараюсь не подвести, если подвернется хороший случай. Мне нужна пара дней для отдыха и восстановления, а потом мы более подробно поговорим об этом: то, чем меня напичкали, очень плохо сказалось на моем организме.

- То, что твое сердце выдержало такую ядерную смесь, это вообще чудо. В ближайший месяц для тебя даже простые антибиотики будут смертельным ядом. Ладно, я на работу, постараюсь вернуться пораньше.

- Удачного дня. - Девушка встала из-за стола и пошла одеваться. Возле двери в комнату она обернулась и сказала: "С тебя ужин, как я вернусь!" Пошуршав вещами в шкафу, она забежала на кухню в одном лифчике и юбке, схватила со стола пачку сигарет и убежала обратно. Я же заварил вторую кружку чая и расслаблялся на мягком кресле в углу: надо же и отдыхать. Шуршание вещей и перестук баночек с косметикой в комнате продолжался еще минут пятнадцать. Второй раз девушка вышла из комнаты уже одетая и с красивым макияжем. Честно говоря у меня случился шок: я конечно знал, что у Акаги хорошие задатки, но то, что она НАСТОЛЬКО красивая, для меня оказалось открытием. Смесь европейских и японских черт, точно выверенный макияж и достаточно вызывающая одежда преобразили девушку капитально. Остановившись возле двери, Рицко бросила на меня мечтательно-непонятный взгляд и нажала кнопку открытия электронного замка, от ее взгляда у меня засосало под ложечкой. Элегантно поправив сумочку, ученая переступила порог, и не оборачиваясь, пошла прочь из дома. Автоматическая дверь с шипением закрылась, оставляя нас с Аянами наедине.

Рей опять мылась в душе: не знаю почему, но она обожала воду, и ощущения от прикосновений к своей коже. И даже в холодном душе иногда проводила по несколько часов. Ничем объяснить эту странность я не мог. Развалившись на кресле, потягивая теплый чай из кружки и слушая музыку на плеере, я впервые за долгие годы был счастлив: мои проблемы решаются без меня. Боль в мышцах медленно уходила, сменяясь приятной усталостью. Выключив музыку, я поискал на полках чего бы почитать, наткнулся на анатомическое пособие и погрузился в чтение. Шипение воды прекратилось и мокрые ступни Рей пошлепали по линолеуму: она со спокойной методичностью изучала новый дом. Сначала я чувствовал ее в комнате Акаги, потом она осматривала наши комнаты и кухню, наверняка запоминая расположение каждой вещи до

миллиметра. Я сам не заметил, как провалился в полудрему, а книга упала на колени. Легкий шелест двери, невесомые шаги: Аянами принялась за гостиную. Она обходит комнату против часовой стрелки, шелест соприкасающейся с предметами интерьера маленькой ладошки, но вдруг все затихло. Открыв глаза наблюдаю странную картину: девочка держит в руках когтеточку и сосредоточенно вертит ее в руках, пытаюсь что-то в ней найти. Подавляю смешок, но сдавленный хрюк все-же вырвался из моего рта. Рей, повернувшись ко мне, спросила: "К какому типу лабораторного оборудования относится этот прибор?" И тут плотину моего терпения прорвало: я ржал как безумный наверное минут пять, периодически что-то пытаюсь сказать. Девушка недоуменно смотрела на меня, от смеха свалившегося с кресла. Холодный и растерянный голос был как ушат воды на голову: "Чему ты радуешься, Синдзи?" Встав, отряхнулся от кошачьих волос, в изобилии находящихся на ковре и подошел к ней:

- Рей, это не лабораторное оборудование, это просто кошачья игрушка.

- Доктор Акаги держит кошку?

- Да, кажется ее завтра должны доставить из ветлечебницы.

- Понятно. - Рей слишком задумчива и печальна, это меня пугает. Вчера я по неосторожности в угаре наговорил всякого, надеюсь что это не из-за этого. Ведь после моих слов она будто сникла...

- Аянами, что тебя беспокоит? Ты будто чего-то боишься. Если что-то не так, ты всегда можешь сказать мне.

- Почему ты не ненавидишь меня? Ты говорил что знаешь кто я, из чего меня создали. Остальные боятся меня: я чувствую их страх и злобу. Они ненавидят меня за то, что я другая. - Слезы в рубиновых глазах, полотенце и дурацкая когтеточка лежат у ее ног на полу, а тонкие пальцы комкают рубашку на моей спине. Я еще не видел ее настолько взволнованной и растерянной.

- Ты хочешь знать кто я? Хочешь узнать, откуда я знаю столько?

- Ты же говорил это доктору Акаги.

- Это была ложь. Хочешь видеть мою жизнь? - В ответ я услышал лишь тихое, почти неразличимое "Да".

- Хорошо, смотри. - Глаза в глаза, голубая сталь в рубиновый закат. Одни мысли, одни чувства, одна память на двоих. Рей нерешительно дрожит, боясь заглянуть туда, где ее ждут ответы на все вопросы.

Неуверенность сменяется любопытством, и моя память начинает раскрываться перед ней: первые буквы, прочтенные мной, улыбающиеся лица родителей на моем четырехлетии, чужие эмоции захлестывающие ее разум до краев. Потом была первая линейка в школе и первая драка. Маленький мальчик подходит к отцу и говорит: "Тому дяде больно и жить не хочется, а от тебя тепло." Первая медитация и тренировки, незнакомая музыка, которую тут никогда не услышат, и города, навеки погребенные под водой или запекшиеся радиоактивным тринититом. Смерть родителей, отдающаяся болью и теперь. Горе потери, годы одиночества, первая любовь и первый поцелуй. Вика, стучащая в дверь моей гостинки в поисках убежища, бурная ночь со сломанной кроватью и выстрелами, гремящими за окном. Потом война, боль, мертвые друзья, разорванные и превращенные в ошметки и я, оглушенный, стоящий в кровавой грязи и внутренностях, с кровью текущей из носа и рта. Бесконечные бои,

умирающая Вика, и тот злополучный удар. Чудом уцелевшая гостинка, все усиливающаяся ноющая боль и клик мышкой, означающий старт аниме.

Она сама, точнее ее рисованный вариант, падение Синдзи в полуразрушенной квартире и ее улыбка в раскаленной капсуле после победы над Рамиилом. Потом шестнадцатый Ангел и слезы, едва видимые в LCL, смерть Каору Нагисы, семнадцатого Ангела. Стрельба в NERV, начало Комплементации: "Синдзи зовет меня." Огромная фигура с черными провалами вместо глаз, отрубленная голова, безумно смотрящая в никуда. Моя подготовка к ритуалу, отточенный нож, пробивающий сердце и пробуждение в поезде. Призрак, висящий в пустоте над асфальтом и бой в ангаре Геофронта.

- Ну вот, Рей, теперь ты знаешь кто я. И у тебя есть повод меня ненавидеть. - Ее губы беззвучно шевелятся, тело покрылось мурашками, а тонкие пальчики бессильно дрожат. Аккуратно поднимаю ее, помогая себе телекинезом, чтобы не нагружать раненную руку и несу ее на диван. Аянами безропотно принимает от меня одеяло, которым я укрываю ей ноги. Глянув на настенные часы, замечаю что мы почти два часа провели в моей памяти.

Устало откидываюсь на спинку дивана: руки дрожат а сердце колотится как бешеное. "Надеюсь она поймет, надеюсь она поймет, надеюсь она поймет - как мантру повторяю эти слова." Полные слез рубиновые глаза вдруг появляются перед моим лицом. Тихий сдавленный шепот-сипение, так непохожее на ее обычный голос:

- Почему? Любишь... Неужели? Картинка, я лишь картинка? - Ее губы дрожат, когда я накрываю их своими. Два тела, две души, так боящиеся друг-друга. Волосы Рей, мягкие, непослушные, голубой шелк в моих пальцах. Горячее тело в ледяной скорлупе, которая дала трещину. Отрываюсь, выныривая из омута страсти и желаний:

- Нет, ты живая. Теплая, настоящая и нужная. Я люблю тебя, и так будет пока я жив. - Аянами отвечает, плача как умеет только она: без всхлипов и истерик. Слезы просто текут по ее щекам, а голос слегка дрожит.

- Мне еще никогда не было так больно. Наверное меня никто не любил. Но эта боль приносит мне радость. - Обнимаю ее покрепче, стараясь помочь унять ту бурю, бушующую в душе у девочки. Постепенно она успокаивается, расслабляясь у меня на руках. Первый шок прошел, и любознательность взяла вверх: Рей встала и пошла к библиотеке Рицко, сказав мне, что обязательно поймет, как так вышло, что я оказался здесь. Обложившись книгами, девушка принялась искать в них ответы на свои вопросы. Надеюсь, что это не приведет ни к чему плохому. Вспоминаю про свой долг перед самой Рицко, и по памяти набираю номер службы доставки: нужно заказать продукты и сладости для романтического ужина. Обещания нужно исполнять, даже если ты не знаешь, к чему это тебе приведет: кто не рискует, тот не пьет шампанское. Прошерстив кухню, подготовил все для приготовления еды и даже успел немного помедитировать, прежде чем в дверь позвонил курьер. Аянами отключилась от всего вокруг, сидя нагишом на полу в куче книг, с поразительной быстротой перелистывая страницы. Забрав заказ и расплатившись, пошел заниматься делом. Перекусив пиццей, пытаюсь выманить Рей из библиотеки с помощью ее любимых кальмаров в кляре, но она прочно погрязла в дебрях науки и на внешние раздражители не реагировала, отвечая только "нет", "потом" и "не хочу". Спрятав готовую еду в холодильник до лучших времен, принялся за приготовление романтического ужина. Через пять часов кулинарных мучений и насилия над личностью все было готово. Мне как человеку непривычному, сервировать всё это по правилам было очень тяжело, но я справился. Шампанское остывало в холодильнике, а розы вяли на столе в вазочке, найденной на шкафу. Свеча в подсвечнике-кошке стояла на по центру стола, готовые блюда ждали своего часа в микроволновке, а куча грязной посуды отправилась в посудомоечную машину, утробно

урчащую возле раковины. Поставив будильник, чтобы проснуться ко времени прихода Рицко, я рассказал Рей что и как можно есть, после чего завалился поспать: мне срочно нужно отдохнуть, а из Аянами сейчас я и слова не вытащу...

Глава 8. Sic semper tyrannis.

Меня разбудило чье-то прикосновение к плечу: в ночной тьме бледное лицо Аянами было ярким пятном на фоне мрака. Моргнув, по привычке подстраиваю зрение: если посветить мне сейчас в глаза, то зрачки будут как у обдолбанного. Меня так даже пару раз патруль останавливал: думали что я под кайфом. Из воспоминаний меня вырвал голос Рей:

- С добрым утром, Синдзи. Доктор Акаги пришла два часа назад и не выходит из душа: это связано с подготовкой к свиданию с тобой? - Нежные пальцы холодком скользят по плечу, вызывая мурашки. Как у нее получается так ярко и нежно прикоснуться ко мне? Вроде и прикосновение легкое, а ощущений вагон.

- С добрым, Аянами, хотя уже вечер. Странно... Свиданию? Хм, если ужин втроем в домашней обстановке можно назвать свиданием, то да. Наверное что-то случилось.

- Я не изучала психологию, но я плачу, когда мне больно. - Стоп, это мне не нравится.

- Акаги что, плакала? Надеюсь, это не из-за Гендо.

- На ее лице я видела слезы.

- Рей, спасибо что разбудила. Сейчас я постараюсь вытащить ее из душа и поговорить. - Ладонь сжали тонкие пальцы, а рубиновые глаза заглянули в мои, ища что-то внутри моего разума.

- Мне непонятны некоторые мои желания и эмоции. - Кажется меня опять ждет незабываемый разговор. Интересно, зачем я все это делаю? Чем меня она так привлекла, что теперь я творю какую-то дичь, вместо того, чтобы заняться действительно полезными вещами?

- Это срочно, или может потерпеть пока я вытащу наш гениальный мозг из ее пробирки?

- Доктор Акаги слишком велика, чтобы поместится в химической посуде. - Ответ на мой вопрос пришел сам: тем, что она нуждается во мне. Я нужен ей, нужен для того, чтобы провести ее в мир людей. Помочь ей понять себя и других. А мне просто нужно быть кому-то необходимым: я хочу, чтобы меня любили, мне понравилось ощущать, что во мне нуждаются. Интересно, чем я лучше Гендо? Он использует ее, чтобы стать Богом, а я использую ее, чтобы чувствовать себя Богом. Интересно, это делает меня преступником?

- Это образное выражение, означающее принудительное извлечение человека из зоны комфорта. Так ты сможешь подождать?

- Мое состояние не критично. Ей больно.

- Рицко? Да, я чувствую. Надеюсь она будет меня слушать... - С невеселыми мыслями я натянул футболку, брошенную возле дивана, и побрел в ванную.

Дверь была закрыта на замок, а через шум воды периодически доносились всхлипы: Акаги жива, и это уже хорошо. Попытки докричатся были бесплодны: похоже, что девушка меня не

слышит. Несколько раз громко врезав в дверь кулаком, ответа я не добился, а ощущение девушки начало потихоньку размываться. Она там что, умереть решила? Еще стук - никакой реакции. Ломать дверь это дикость, но ведь что-то делать нужно. Интересно, я смогу отодвинуть щеколду через дверь? Тут главная проблема не в том, что щеколда тяжелая, или что сложно сделать это точно, а в том, чтобы понять, где заканчивается держатель, и начинается щеколда. После пары бесплодных попыток я плюнул на все и полупрозрачное лезвие с легким звоном разрезало тонкий металл. Пинок ногой довершил остальное, и путь был свободен.

Обнаженная Рицуко лежала в кровавой воде, которая переливалась через край. Скальпель валялся рядом, выпавший из непослушных рук. Черт, да когда все это уже кончится!!! Я устал тут всех спасать! Хорошо еще, что только вены порезала, не докопалась до артерии: спасать тогда уже некого было бы. Перевожу кран на холодную воду и усилием воли выдергиваю ее руки из ванны, перекрывая вскрытые вены. Я успел вовремя: еще несколько минут, и все было бы кончено, а так есть шанс, что Акаги выживет. Аккуратно помогая себе телекинезом, чтобы не нагружать раненую руку, поднимаю бессознательное тело из кровавой воды и иду прочь из ванной. Черт, только бы не отрубиться от такого: в девушке килограмм сорок-пятьдесят, в прошлом теле вообще такая масса была моим пределом, да и дольше нескольких минут я такие фокусы вытворять не мог. А сейчас держу ученую на весу, только контролирую правой рукой ее положение в пространстве. Красная жидкость стекает с бессознательного тела, открывая синяки и кровоподтеки, ярко выделяющиеся на бледной от кровопотери коже. Сил хватило не только на Акаги: сцепив зубы, я смог усилием воли открыть дверь. А коридоре стояла Рей, с легким удивлением смотря на эту картину:

- Аянами, вызывай скорую, Акаги вскрыла себе вены!

- Зачем ее спасать, если она хочет уйти? - О, ну вот опять...

- Потому, что она - наш шанс на победу. А еще только она знает, как воскресить тебя.

- Хорошо. - Я пока постараюсь понять что случилось. - До приезда скорой еще около десяти минут, надеюсь, что успею. Все тело ученой в синяках, несколько ссадин на ребрах и в паху довершают печальную картину. Все это выглядело так, будто ее тело использовали как мешок для отработки ударов. Хлесткая пощечина заставила Акаги открыть глаза и я погрузился в затуманенный кровопотерей разум женщины.

За несколько часов до описанных выше событий. Научный отдел, лаборатория статистического анализа и моделирования, кабинет 417.

Акаги Рицуко развалилась в кресле, затянувшись тонкой ментоловой сигаретой. Дорогой табак щекотал гортань, оседая мятной свежестью во рту. Удачное стечение обстоятельств и ее ум, вместе с мудростью и опытом Фуюцуки, помогли им хотя-бы приблизительно понять сложившуюся в настоящем ситуацию. Самое страшное в этой ситуации было то, что они почти ничего не могли изменить: победы над ангелами были предсказаны, будущее расписано, и пока все предсказания, написанные на призрачных листах, проецируемых куском обсидиана, сбывались. Однако самое страшное было в конце: человечество и было восемнадцатым ангелом, а для рождения Бога все ангелы должны пасть. Тринадцать Душ настолько крепко держат в руках власть над миром, что предотвратить все то, что будет происходить, почти нереально. Только если найти и физически устранить их всех, вернув власть в руки ООН. Но был и еще один момент: реального местоположения и возможностей Тринадцати никто не

знал, хотя их самих знали все, кто хоть раз открывал Новый Завет. Однако возможность изменить хоть что-то была, одно это уже давало сил бороться. Ученая легким толчком ноги в черной лакированной туфельке подкатилась к кофеварке и с наслаждением отхлебнула горячий ароматный кофе, до краев заполнявший чашку. Рабочий день уже подходил к концу, а сердце наполнялось предвкушением сегодняшнего вечера. Вдруг дверь с шипением открылась и раздался голос, который она ненавидела:

- Доктор Акаги, почему проигнорировали мой вызов и не отчитались лично о последних двух днях своей деятельности? - Дернувшись от слова "отчет" и собрав волю в кулак, Рицуко обернулась:

- Я направила свою ассистентку Ибуки к вам с отчетом. Или она вас не удовлетворила? - С презрением посмотрев на Икари Гендо, девушка встала, и, демонстративно отхлебнув из кофейной кружки, сделала шаг к шкафу с одеждой, намереваясь сменить лабораторный халат на элегантный пиджак. Вдруг удар в низ живота отбрасывает тонкое тело обратно на стул. По бедрам текли струйки мочи, пачкая кружевное белье, новую юбку и любимое кресло. Кружка матери с жалобным звоном превратилась в фарфоровые осколки, заливая темно-коричневым напитком белую лабораторную плитку. Пульсирующая боль разливалась по телу, туманя разум. Еще удар, и скрюченное в приступе кашля женское тело выпадает вперед из кресла, на одних рефлексах падая на четвереньки. Резкий рывок, и пуговицы блузки с треском разлетаются по лаборатории, а змейка юбки следует за блузкой, обнажая дрожащее тело. Мокрая ткань трусиков больно впивается в самые нежные части тела, вынуждая подняться на ноги. Ровный, полный звенящей ненависти голос над самым ухом: "Ты жива, пока выполняешь мои приказы: еще одна ошибка, и ты станешь бесполезна. Даже тот факт, что сосешь ты лучше твоей матери, не поможет тебе выжить. Понятно?" Дальнейшее я не смотрел, вывалившись в реальность от звонка в дверь.

Дом Акаги Рицуко, вечер.

Девушку увезли в госпиталь в полубессознательном состоянии, а я с дикой головной болью развалился на полу, не имея сил даже встать. Эмаль ванной навсегда приобрела розоватый цвет, а внутри меня что-то оборвалось: в очередной раз чуть не умер тот, кому равнодушна моя жизнь. Как же я устал видеть смерть... На плечо легла рука Аянами:

- Тебе больно, Синдзи? - Хоть она сейчас рядом. Интересно, насколько долго это продлится? Когда моя слабость, глупость или самовлюбленность оборвет ее жизнь? Через сколько циклов откажет сложное экспериментальное оборудование, возвращающее душу в ее тело?

- Больно... Я устал: слишком тяжело выносить все происходящее вокруг.

- Что я должна делать?

- Для чего?

- Чтобы ты жил. Твое существование приносит мне радость.

- Тогда почему ты сама боишься?

- Я боюсь того времени, когда Командующий скажет, что мне пора исполнить то, для чего я сотворена.

- Рей, я сделаю все, чтобы не допустить этого. - Слезы, опять слезы...
- Тебя же нельзя заменить. Зачем ты будешь рисковать собой?
- Потому что я так хочу. Потому что я у меня есть шанс и потому что единственное, что я умею, это убивать.
- Ты хочешь... А чего хочу я? И что такое хотеть?
- Это когда ты испытываешь желание совершить что-то.
- Я хочу узнать, буду ли я нужна тебе после того, как доктор Акаги выздоровеет?
- Почему ты вообще подумала, что я перестану любить тебя из-за Рикко? - Молчание было мне ответом. Это был самый длинный диалог за все время нашего общения. С кряхтением встав, я дотащил свое тело до кресла и принялся обдумывать дальнейшие действия. Гендо сошел с ума, и если его не осадить, не показать ему, что он не всемогущий и не бог, то творящиеся безумства продолжаться. И тогда изменить уже будет нельзя ничего. Люди имеют свойство ломаться, если их слишком прессовать. А со сломанным человеком можно творить любые, даже самые ужасные вещи: Аянами тому яркий пример. По всем моим прикидкам мне нужно действовать: повалить Гендо по полу, показать что он сам не в безопасности и рассказать что можно делать, а что делать нельзя. Иначе он убьет Акаги, сломает Фуюцуки, а потом придет и мой черед. Боль отступает, но усталость берет свое: мне нужно отдохнуть, завтра трудный день. Открыв глаза, залюбовался: Рей лежала на диване, заливаемая лунным светом. Изгибы обнаженного тела отливали серебром на темно-зеленом бархате обивки, а сосредоточенный взгляд изучал какую-то книгу. То, что обычному человеку света хватало бы лишь на то, чтобы не спотыкаться о мебель, ее не смущало абсолютно. Она должна знать:
- Аянами, завтра я иду к Гендо: мне нужно с ним о многом поговорить. Миром это не кончится, а потому будь осторожна.
- Я иду с тобой. Я буду защищать тебя.
- Не надо: я сам справлюсь, а от тебя там будет мало толку, да и ты не любишь кровь. Пойми, мне некогда будет обращать внимание на то, кого я убиваю. Не хочу осознавать, что стал причиной твоей боли.
- Та, что во мне, знает что делать, если ты не вернешься.
- Ты хочешь сказать, что уничтожишь этот мир, если я умру? - Стоп, она что, в полной мере осознает свою природу... Теперь понятна ее отрешенность...
- Я не хочу снова чувствовать ту боль, что была во мне до тебя.
- Не надо, даже если я уйду, прошлое будет в тебе. Неужели ты готова потерять всякую память обо мне только-ммм-м... - Договорить не успеваю: мои губы накрывают тонкими и жаждущими губами. Пьянящий поцелуй резко прекращается вопросом, заданным сбивающимся голосом: "Ты хочешь стать со мной одним целым? Слиться и телом и душой?" Вместо ответа продолжаю поцелуй, снимая с себя испачканную кровью рубашку и отшвыривая прочь. Штаны и трусы отправляются следом, а два сплетенных тела падают на диван, еще влажный от воды, смешанной с кровью. Наши чувства, наши желания, наши мысли и тела сплелись - сложно понять, где чьи. Пелена страсти захлестывает с головой, отнимая волю, даря наслаждение. Нежная кожа под пальцами, сотни легких касаний и вырвавшиеся из-под контроля ее сила,

ураганом пронесшаяся по комнате, сметая бумаги со столов и звеня химической посудой в шкафах. Даже обычный секс устанавливал очень прочную эмоциональную связь между людьми, что же произошло в гостиной между нами в эту ночь, понять я не смог. Возможно ее не совсем человеческая природа как-то повлияла на нас, возможно она что-то сделала специально. Гадать я не буду, а Аянами не скажет: сама ничего не помнит. Пришел в себя я на кровати в одной из наших комнат, ласкающий языком нежный животик, покрытый едва заметным пушком, который отливал синевой. Капельки крови, смешанные с семенем, покрывали простынь, а девушка находилась в нирване, едва понимая, где находится и что с ней происходит. Мою спину весьма густо покрывали царапины, а раны на левой руке затянулись. Чудны дела твои, Господи, даже если ты лишь маленькая синеволосяя девочка. Бездумные глаза с расширенными зрачками смотрели в потолок, а капелька пота стекала по ключице. Попытавшись пошевелить рукой, к своему ужасу заметил как левая рука Аянами в точности повторила мое движение. И тут в голове я услышал ее голос: "Не бойся, теперь мы вместе. Ты никогда не умрешь для меня." Голос пропал, а Рей потихоньку начала приходить в себя. Сначала мне было дико ощущать как мое тело пытается двигаться против моей воли, чувствовать легкую боль внутри и остаточные спазмы удовольствия, но потихоньку мы начинали понимать где чье тело, и где чей разум.

Если это и есть Комплементация, то я ее не хочу вдвойне. Я это я, и заниматься сексом с оставшимися тремя миллиардами людей я не желаю ни в какую. Кажется, это единение было тем, чего хотел Гендо, для чего он и заварил всю эту кашу. Остаточный фон ее разума, легкое невесомое касание, обещающее любовь и преданность, ощущалось во мне. Перегруженный впечатлениями, я дремал, положив голову на живот Аянами, вслушиваясь в стук ее сердца. Терпкий запах любви убаюкивал, а тонкие пальчики нежно массировали голову, снимая усталость и расслабляя. Но сон так и не шел: слишком много вопросов в моей голове требовали ответа. У меня полностью отсутствовал план того, что мне нужно делать. Прорываться к Гендо с боем от входа бессмысленно: выдохнусь, не дойдя до конца. Положить конвой я смогу, особенно после такой хорошей подзарядки. Принудить секретаршу открыть мне двери лифта проще простого. А с Гендо я уж думаю, справлюсь. Оружие там прятать негде, максимум пистолет в столе, а такая мелочь не опасна для меня. Только если это не какой-нибудь медвежий револьвер вроде S&W 500 Magnum или Целиски, который и атакующего слона заставит сесть на задницу, но это уже экзотика. В Геофронт же попасть можно под предлогом обследования у психолога после неудавшегося самоубийства: сомневаюсь, что мне откажут. Госпиталь внутри штаба находится всего лишь уровнем ниже чем Верхняя Догма. Остается лишь перебить конвой так, чтобы тревогу не подняли раньше времени. Думаю, что это в принципе выполнимо. Кабинеты врачей и пункт первой помощи размещен возле мостика, а казармы охраны и посты расположены в основной своей массе возле входов и выходов из пирамиды, что дает мне колоссальное преимущество по времени, а автоматические турели не способны адекватно вести цель, которая перемещается быстрее бегущего человека. Просматривая в памяти план Геофронта, все больше убеждаюсь в реальности своих замыслов. Бежать охране из караулок внизу минут десять, с учетом всех пересадок по лифтам и пробежкам по лестницам. Плюс вооружиться еще пара минут: на постах они стоят только с Глоками, а все серьезное у них в пирамидах. Пока их тебе откроют, пока ты оружие достанешь, пока зарядишь. И тревогу ведь поднимут не сразу, а когда обнаружат трупы. Форса получается приличная: минут двадцать. Вопросы появлялись вместе с ответами: что с Гендо делать? Убить не вариант: не уйду живым. Тупые дуболомы из охраны положат, ведь приказ отменить будет некому. Только если Фуюцуки разберется в ситуации и успеет отдать приказ. А потом второй вопрос: что делать с Тринадцатью? Гендо их устраивает, так как пока им по пути. Козо они не доверяют от слова совсем, а потому могут прислать любого человека, хоть даже одного из своих. И тогда уже не попляшешь. А убедить Гендо невозможно: проще головой лобовую броню танка пробить. Он ведь фанатик, да еще и с великой целью, а потому все методы хороши. Хотя,

садисты обычно весьма трусливы и очень ценят свою жизнь. Это не правило, но чаще всего случается именно так. Шантаж - возможно, но только чем? У него ведь и нет ничего, только его цель и злоба. Разве что как Акаги, лишить его клонов Рей, но тогда она сама становится уязвима, и я сам себя подставляю. Черт, я даже не знаю, чего он боится, и о чем думает! О каком шантаже может идти речь?! Совсем уже мозги протухли! Вломиться в голову, отправить на больничную койку, а там пусть у Фуюцуки голова болит, что делать. Я не стратег, и такими организациями управлять не умею, так к чему мои философствования? Завтра будет день, и завтра буду решать: утро вечера мудренее. С такими мыслями я и отключился, провалившись в пелену снов. Завтра нас с Рей ждал очень тяжелый день...

Солнечный свет пробивался через жалюзи, вырывая из сна. Мягкая постель обволакивала тело, спина нещадно чесалась, а глаза слезились от яркого спросонья света. Воспоминания вчерашнего дня смешивались со снами, складываясь в бредовую картинку. Тряхнув головой от особо нелепого видения, я проснулся окончательно. Из ванной комнаты доносился шум воды: наверное Аянами моется с утра пораньше. Будильник на тумбочке показывал 8:17, за окном трещали цикады и тихо гудел кондиционер в прихожей. Сейчас сесть бы с чашечкой ледяного мятного чая на веранду и тихонько покачиваться в кресле, наслаждаясь свежестью и теплом, а не устраивать кровавую баню из, в принципе, невиновных людей, ради того чтобы защититься от одного беспринципного ублюдка. Ворс ковра приятно ласкал голые пальцы ног, против воли вызывая улыбку. Рей мылась в душе, смешно морща нос от воды, попавшей на лицо. Интересно, осужденные на казнь тоже стараются подметить каждую деталь в свой последний день? Девушка ушла, накинув на плечи полотенце, уступив мне ванную комнату. Аянами настолько молчалива и неприхотлива, что ее иногда даже не замечаешь: вроде и есть человек, и нет его, а без нее так пусто внутри...

Весь завтрак состоял из несладкого чая и плитки шоколада: никогда не ешь, если предстоит бой. Пара длинных гвоздей с откушенной шляпкой под пряжку ремня: вдруг металлоискателем обыщут. Тело и разум полны энергии действовать, все вокруг кажется медленным и ярким, и хочется кричать. Кажется, пора звонить охране. Тянусь к телефону, как меня останавливает тонкая девичья рука:

- Я иду с тобой.

- Аянами, мы же все вчера обсуждали: ты ничего не сможешь сделать, только умрешь. А Акаги сейчас в реанимации.

- Я должна быть рядом. - И что? Может ты еще и жить должна за меня? У меня есть шанс выжить, у тебя его нет. Кажется, мы все обсудили?

- Я могу помочь. - Интересно, чем же?

- Я знаю, но тогда мне придется защищать еще и тебя, что добром не кончится. Давай ты останешься на медицинском уровне и просто подождешь меня там?

- Хорошо.

- Пора звонить...

Начальник конвоя был жутко недоволен и зол, но после звонка куда-то, одобрил поездку. Через пятнадцать минут басовито урчащий двигателем хамви с шестью мордоротами подкатил к

калитке дома. Слегка дрожащими руками я закрепил скрепку на силиконе браслета, чтобы отключить его в Геофронте. Дома держал его отключенным, но у охраны наверняка есть что-то, что фиксирует его работоспособность, а поднимать тревогу раньше времени я не имею права. В душном и тесном салоне, забитом обвешанными оружием солдатами поездка никак не могла быть комфортной: чей-то приклад упирался мне в печень, а подсумок с магазинами нещадно давил в левый бок. Нас с Рей разделили: меня посадили в кузов, а ее в кабину. Мои конвоиры расслабленно травили анекдоты, лишь изредка поглядывая на меня: видимо они уверились, что в браслете я безопасен. Их самоуверенность и станет их могилой.

Стерильное освещение штаб-квартиры почти не давало теней: светодиодные панели заливали все безжизненным белым светом. Нас с Рей вели по бесконечным уровням и переходам пирамиды, взяв в коробочку, лишь только периодически останавливаясь на постах охраны возле лифтов, и на пересечении крупных коридоров. Одета в школьную форму девушка размерено шагала впереди, я шел сзади, сложив руки на груди и постепенно превращал скрепку в причудливой формы проволоку, которая уж точно не сорвется и не включит браслет в самую неподходящую секунду. Момент истины приближался: до поворота к кабинетам врачей оставалось метров десять, и мне уже давно пора было бы начать.

Глубоко вдохнув, я закрываю глаза и прекращаю сдерживать то, что рвется наружу. Шаг, и мир выцветает до черно-белого кино, замедляясь и превращаясь в карикатурную картинку самого себя. Рей медленно поворачивается ко мне: наверняка ощутила, что что-то изменилось. Сотканые из воли шесть узких клинков пробивают затылки охранников, перерезая спинной мозг и останавливая сердца: тренированного человека недостаточно убить, ему нужно еще и не дать шанса убить тебя в ответ. Я иду вперед, через обжигающий кожу ветер, в который превращается на таком ускорении воздух. Каждый шаг как победа над собой и над окружающим тебя миром. Еще не осознавшие своей смерти охранники пытаются повернуть внезапно одеревеневшие тела и поднять непослушные руки. Цвета постепенно начинают снова заполнять зрение: слишком много сил забирает такое ускорение. Трупы медленно валятся кто куда в разных позах, а Аянами с удивлением и страхом смотрит на меня, стоящего перед ней:

- Жди меня неподалеку отсюда, хорошенько спрячься и не вылезай никуда. Если что-то пойдет не так, беги к Фууюцуки. Когда у меня все получится, ты узнаешь об этом. - Слегка приобнимаю ее и шепотом продолжаю: "Я обязательно вернусь". Девушка лишь молча кивает и уходит куда-то вглубь технических коридоров. Пистолет и подсумок с двумя обоймами к нему, послушные моей воле, прыгают в руку. Слегка ускорившись, иду к лестнице.

Низкий рев сирены оповестил о том, что тела нашли: игра началась. Панель на потолке открылась, освобождая турель. Блеклое марево щита окутывает тщедушную фигуру подростка, два пистолетных выстрела и обломки техники лишь бессильно свисают с потолка. Иду дальше, выжимая из тщедушного подросткового тела все, на что оно способно: воздух жжет легкие, глаза слезятся, а сердце колотится об ребра, едва выдерживая нагрузку. Терпи, друг, легче уже не будет! Два охранника с МП5 выкатываются из перпендикулярного коридора, открывая огонь на подавление. Щит держит, еще два выстрела и люди, лишившись мозгов, заваливаются на спины. Фрагментирующиеся пули это страшная вещь: никогда не видел, чтобы 9x18 пара отрывал людям головы. У нас я таких даже не видел: наверное какая-то новая разработка. Тела конвульсивно подергиваются, заливая кровью пол и хрипя в агонии. Переступаю через них, отмечая, что кроссовки придется выкинуть: пористая подошва хорошо впитывает кровь. На лестнице снижаю темп, чтобы не выдохнуться раньше времени: слишком много я уже потратил сил, чтобы позволять себе и дальше играть в терминатора. Правда, есть еще одно средство, но это уже на тот случай, если у меня будет выбор между смертью и им.

Медленно бреду по лестнице, восстанавливая дыхание и приходя в себя. Сердце начинает

утихать, а боль, разрывающая легкие, уходит. Поправив слегка сбившуюся скрепку, я продолжил идти вверх. Еще один пролет, и я уже в Верхней Догме. Лезть туда без информации о происходящем - самоубийство. За дверью я ощутил человек пятнадцать, наспех организовывающих что-то вроде баррикад из столов и тумбочек. Столешницы в штаб-квартире обычно были из весьма толстого мрамора на металлической подложке: наверное именно для таких случаев. Вот и все: гранат у меня нет, МП5 я бы не потянул в ускорении, а ломится с глоком и двумя стальными гвоздями на толпу вооруженных людей в лоб это глупость. И, если мне не изменяет память, то в охране Гендо была парочка штурмовиков в полной броне, которым стрельба из глока что горох о стену. Либо я решаюсь на прорыв, либо мне конец: через десять минут охрана будет тут, и тогда все летит к чертям.

Когда поступил сигнал тревоги, персонал Верхней Догмы был на своих рабочих местах. Ежемесячные тренировки и учения крепко засели в их головах, а потом у каждый знал свое место и свои обязанности. Мужчины деловито тащили столы, перегораживая единственный проход к кабинету Командующего, пехотинцы в тяжелой броне сменили стволы на штурмовых винтовках, прикрепили сошки и заменили магазины на барабанные, превращая автоматы в ручные пулеметы: они будут костяком обороны. Остальные люди дрожащими руками заряжали пистолеты и пистолет-пулеметы, вспоминая правила обращения с оружием и надеясь, что их минует сия чаша. Две автоматические турели выпали из потолка: операторы заняли места за пунктами управления, готовые к нападению, проверяя состояние установок и количество боезапаса. Все суетились, понимая, что времени у них в обрез, секретарша плакала, размазывая по лицу макияж: она и не думала, что на ее теплой должности ей придется применить оружие...

Долго задерживаться нельзя, иначе меня просто зажмут и расстреляют. Охрана внизу наверняка уже вооружилась и, нацепив броню, бежит сюда. Закрыв глаза, отрешаюсь от реальности, погружаясь в себя: ни оружие, ни физическая сила мне сейчас не помогут. За дверью огоньками ощущаются люди: испуганные, дрожащие и решительные. Пятнадцать человек, из которых двое уверенных в себе и готовых убивать, двое сосредоточенно-напряженных, а остальные готовы на все, лишь бы убежать подальше. Даже тех четверых слишком много на одного меня, а потому пришло время для того самого средства. Два лезвия распарывают запястья, открывая крови дорогу: так гораздо легче, но это лишь временное облегчение. Кровь не бесконечна, и это самый большой ее недостаток. Розоватый пузырь щита окутывает мою фигуру, две бордовых ниточки тянутся к нему из разорванных вен. Мир тает в серой дымке, выгорая, оставляя лишь призрачный туман вместо стен и горящие факелами огоньки человеческих "Я".

Шаг, другой, и я вхожу в коридор, а выгоревшая и запекшаяся кровь оседает коричневым пеплом за мной. Шаг в сторону, призрачными дымками расцветают стволы, направленные в мою сторону. Шквал пуль проносится совсем рядом, цепляя щит только краем, превращая дверь в ошметки. Стволы медленно поворачиваются вверх и вправо, выбрасывая стрелянные гильзы. Первыми стреляют пистолеты-пулеметы, потом автоматы и пистолеты. Несколько пуль из второго зала попадают в щит: кровь облачками медленно осыпается на пол. Два гвоздя, разогнанные почти до скорости звука, пробивают лицевые щитки двух солдат с ручными пулеметами, а кровавое лезвие вспарывает шею мужчине в форме уборщика, судорожно сжимающего свой УЗИ. Ножи, которыми были вооружены солдаты, прыгают в руки: чем меньше я трачу сил, тем дольше протяну. Черт, как же мне больно! Хочется свернуться в комок

и завывать, спрятаться от этого ужаса и ненависти, льющихся от умирающих людей: агония всегда ужасна, особенно когда ты чувствуешь ее вдвойне ярко. Вламываюсь в толпу, просто нанося удары по всему, что ощущаю вокруг: друзей тут нет.

Вдруг натываюсь на знакомое лицо: секретарша Икари, выронив маленький дамский револьвер, сжалась в углу. Турели продолжают стрелять, периодически попадая в щит, но на них у меня сейчас нет времени, хоть каждое попадание отнимает силы, столь необходимые для того, чтобы победить. Метнув нож в убегающего служащего и пришилив его к двери, я подхожу к девушке и рывком поднимаю ее, заглядывая в глаза. Нет времени разбираться и щадить ее разум, а потому я грубо вламываюсь: тело начинает дергаться в конвульсиях боли, но нужная информация у меня. Бьющееся в эпилептическом припадке тело падает на пол, а я чувствую, что мне осталось очень мало времени, прежде чем я отключусь. Кнопка вызова лифта, замаскированная под корпус селектора, срабатывает как положено, и кабинка уносит меня вверх: на встречу, ради которой сегодня погибли столь многие.

Впервые за очень много времени Икари Гендо не знал что делать: он никак не мог предвидеть того, что обычная психологическая ломка вызовет настолько масштабные последствия. Его сын оказался гораздо сильнее, чем он мог ожидать, а его действия слишком непредсказуемы. И, чтобы выжить, он должен будет использовать то, что тщательно скрывал от всех. Тех, кто обладал силой, отличной от обычных людей, в Японии ограничивали в правах издревле. Будучи буракумином, Гендо Рокубунги пришлось взять фамилию жены, американской японки, чтобы иметь возможность выйти в люди. Кажется, ему придется снова раскрыть себя. Заготовленные на подобный случай листы пергамента с символами разлетелись по кабинету, занимая свои места. Проверив, все ли части находятся на своих местах, и убедившись что все нормально, Гендо расслабился. Сегодня ему предстоит показать, что европейцы ничего не знают о магии. Закрыв глаза и откинувшись на спинку стула, ему оставалось только ждать.

Звонок лифта оповестил меня, что я на месте. Двери открылись, давая мне дорогу в кабинет. Легкая дымка, невидимая обычному глазу, витала в зале, вытекая из ярких огоньков, раскиданных по стенам, потолку и полу. Укрепив защиту до предела, я шагнул внутрь, собирая всю энергию для одного единственного удара: если я смогу взять его разум под контроль, я победил. Ускорятся нужды не было: он не выглядел тем, кто способен хоть на что-то в рукопашном бою. Туман начал медленно сгущаться вокруг защиты, с каждым шагом все сильнее облепляя кровавый кокон. Мой враг медленно встал со стула и сделал шаг навстречу. Черт, это что-то новенькое: защиту будто сжимали в стальных тисках, я чувствовал онемение в пальцах и легкое головокружение, говорящее о том, что я отключусь буквально через минут пять. Попытавшись сделать шаг вперед, я понял что двигаться вперед уже не могу.

Однако внутри щита я все еще был единоличным хозяином, и мой разум был свободен. Сев на стол, с неприкрытым торжеством в голосе Гендо начал говорить:

- Ты знаешь, в чем твоя единственная ошибка? Ты сделал все правильно, кроме одного - ты решил мне перечить. Обязанность сына - быть послушным своему родителю, и поддерживать его во всяких начинаниях. Ты же всегда сопротивлялся мне. Еще в самом раннем детстве ты желал самостоятельности, а Юй потакала тебе. Я думал, что твое своеволие угаснет, если ты проживешь немного в одиночестве и осознаешь, что такое, когда тебя все ненавидят. Но нет, вместо того, чтобы стать мне верным помощником в жизни и послушным инструментом в моем

плане, ты рушишь все. Ты перенял непочтительность и желание ломать заведенный столетиями порядок от своей матери, но не получил от нее разум, который помог бы тебе смирить свою гордыню. Даже хорошо, что она навеки заперта в Еве, исполняя мою волю. Я же хочу единственного: чтобы в мир вернулась рука Бога, восстанавливая справедливость и направляя мир в будущее. Старики из Тринадцати думают категориями позапрошлого тысячелетия, уверенные в том, что человечеству необходимо счастье и добрый Бог. Нет, не мир нужен этому миру, но меч.

- Да, я не думал, Гендо, что все так плохо с твоей головой...

- Ты борешься, все еще борешься, готовый отдать всю свою кровь, лишь бы все было так, как ты хочешь. Это похвально, но это мешает МНЕ! А потому тебе остается только стоять и ждать, пока твоя защита падет, и твое тело станет делать то, что хочу я. И не важно, хочешь ты того, или нет. - Отрешившись от его болтовни, я старался нащупать лазейку в той гадости, которая облепила мою защиту и мешала мне совершить то, что я задумал. Постепенно я продавливал эту мерзкую хмарь, пытавшуюся забраться в любую дырку и переделать все под себя. Ощущения тела начали медленно размываться: у меня не больше пары минут. Снимаю защиту и эта дрянь радостно рванула ко мне, размазавшись в пространстве. Ускорившись до предела, замечаю неоднородность в медленно плывущем к моему лицу облаке и ловлю насмешливо-торжествующий взгляд Икари Гендо. Рывок, и вся защита его разума рушится, пропуская меня в глубины этой клоаки. "Отключи защиту кабинета и вызови Фуюцуки!" - мысль-приказ, и хмарь рассыпается на кусочки, втягиваясь в листки на стенах. Не теряя зрительного контакта я следую за ним, едва переставляя ноги. Пол укрывает пепел от сгоревшей крови и рассыпающиеся от легкого дуновения моего дыхания листки пергамента. Тело Командующего как сомнабула переставляет ноги, и безжизненным голосом произносит в селектор: "Отбой тревоги, Фуюцуки и Аянами срочно в мой кабинет." Перед тем, как потерять сознание, я стараюсь разрушить как можно больше, вырывая целые пласты памяти и знаний из разума Командующего: не хочу повторения того ужаса, что сопровождал меня в последние недели: мне хватило. Сознание уже мутилось, я плохо понимал где я и что со мной, но отпустить Гендо даже сейчас было бы опрометчиво: процесс разрушения только начался, а потому он все еще опасен. Вдруг звонок лифта сообщил мне, что я тут уже не один. Что-то сине-белое метнулось ко мне, а сознание заполонила тьма.

Полковник Фуюцуки сидел в своем кабинете, когда объявили тревогу в Верхней Догме. Вдохнув, старый солдат открыл оружейный шкаф и достал свою старенькую М4, подаренную генералом Паркинсом, командующим японским гарнизоном Армии ООН, в бытность того бригадным генералом армии США, попавшим на его операционный стол после пули ушлого китайского снайпера. За спасение жизни Джефф тогда подарил ему эту винтовку и ящик настоящего виски, после Удара превратившегося в великую ценность. Скривившись от боли в колене, пожилой человек крепче зашнуровал ботинки и нацепил подсумки с магазинами. "Интересно, что там опять произошло?" - Подумал Козо, застегивая крепления легкого бронжилета и подпрыгивая несколько раз, чтобы проверить, все ли закреплено нормально. Удовлетворившись тем, как все сидит, и обрадовавшись, что годы бумажной работы не сильно сказались на нем, готовый к бою полковник снял штурмовую винтовку с предохранителя и сделал шаг к двери.

Но дверь открылась сама, пропуская встревоженную синеволосяную девочку:

- Рей, ты что делаешь в Геофронте? Вы же с Синдзи под домашним арестом!

- Синдзи нужна помощь. - Лицо военного потеряло всякий намек на небрежность, став фарфоровой маской. Поставив автомат на предохранитель, военный спросил:

- Где он и что с ним? На него совершено нападение? Его взяли в заложники?

- Он устранил конвой и направился в Верхнюю Догму. Я решила, что вы можете помочь.

- О, черт, долбаный придурок! Сын своего отца! Бегом за мной, надеюсь что мы успеем! - Картина, открывшаяся им на выходе с лестничной клетки, поражала воображение: два тела в полной экипировке с искореженными лицами, несомненно мертвые, обезглавленный уборщик, забрызганные кровью стены коридора, несколько выпотрошенных, но все еще живых людей, с безумными взглядами, пытающиеся засунуть разорванные внутренности обратно на свое место. Некоторые уже умерли, неестественно развалившись в лужах крови. Вся в рвоте скорчилась секретарша, смотря безумными глазами в потолок, под которым струился дымок от сгоревшей изоляции. Мертвые лежали на полу, а кто-то из персонала, прибитый ножом к двери, лихорадочно пытался снять со столъ экзотической булавки, но лишь расширял рану, периодически оскальзываясь на собственной крови. Запах дерьма и внутренностей смешивался с пороховой гарью и дымом от сгоревшей электроники.

Увидев эту картину, Рей побледнела и сжала руки, комкая подол юбки, а Фуюцуки только крикнул и ускорил шаг, лишь холодный пот выступил на его лбу. Пол покрывали хлопья засохшей крови, сворачивающие в приемную кабинета Икари Гендо. Вызвав лифт, Козо прислонился к стене и повторно снял автомат с предохранителя. "Надеюсь, мне не придется выбирать, кого убить: сына, или отца.", - подумал полковник, шагая в лифт. В кабинете Командующего весь пол устилали рассыпавшиеся в пыль кусочки пергамента. Козо уже видел нечто похожее: когда они убежали из Антарктиды на быстроходной яхте, спасаясь от Удара, все суденышко было облеплено похожими бумагами, а Гендо, мертвенно бледный, сидел и рисовал символы, макая кисточку в свою кровь. Законченная бумага занимала свое место в причудливом рисунке и приклеивалась так плотно, что ее было невозможно оторвать. И потом, когда они пришли в сознание после Удара, этим пеплом был усеян весь корабль, а Икари светился, как новый пятак. Сейчас же все было иначе: пустой взгляд его бывшего ученика, пускавшего слюни на щегольский пиджак, и его сын, бледный и истекающий кровью, стоял на коленях, оперев дрожащие руки в стол, но продолжал упорно сверлить взглядом безумное тело своего отца.

Аянами кинулась к Синдзи, и, сорвав с себя рубашку, начала перевязывать кровоточащие руки парня, обмякшего в ее руках. Подойдя к столу, полковник нажал кнопку громкоговорителя и сказал: "В связи с ранением Командующего, я, Козо Фуюцуки, временно беру на себя его полномочия. Нападение террористов предотвращено героическим действием персонала и сына главнокомандующего, Икари Синдзи. Отбой тревоги, и немедленно пришлите медицинскую бригаду в Верхнюю Догму!" Начиналась новая эпоха: у всего человечества появился шанс пережить этот катаклизм. Но сколько же работы придется еще совершить, чтобы этот шанс стал реальностью?

Глава 9. Долгожданный покой.

Осознание того, что я жив, пришло ко мне вместе с болью в разрезанных предплечьях. Со стоном открыв глаза, я ослеп от льющегося из окна желтоватого света. Рефлекторно дернувшись, я понял что едва могу двигаться. Деревянное тело едва слушалось: даже моргать было больно. Однако то, что я не в тюремном лазарете, жив, и меня лечат, является

подтверждением успеха моей авантюры. Понимание этого факта успокоило меня настолько, что я не заметил, как уснул. Следующее пробуждение было куда более приятным: мое тело крепко обнимали, а чье-то дыхание щекотало шею. Слабость давила к кровати, но чувствовал я себя гораздо бодрее, чем в прошлый раз: тело постепенно начинало откликаться на мои приказы, а раны зудели. Памятуя свой прошлый опыт, глаза я открывал медленно, чтобы не ослепнуть. Однако в палате было достаточно темно, лишь только выкрученная на минимум панель освещения заливала слабым бледным светом помещение. Аянами спала рядом, наверное умаялась за день. Предплечья ныли и чесались, не давая мне лежать спокойно. Чтобы хоть как-то избавиться себя от этого ощущения, я попытался почесаться, но своими движениями разбудил девушку. Рей проснулась резко, как будто и не спала:

- Я рада, что ты очнулся. - Она изменилась, пока я был в отключке.

- Привет, Аянами, ты что делаешь в реанимации и что с тобой? - Неужели девушка так волновалась, что смогла договориться с врачами и попасть ко мне?!

- Мне разрешили присутствовать в твоей палате. - Только сейчас замечая, насколько она бледная и изможденная: заплаканные глаза, следы недосыпа на лице, бледная кожа и потухший взгляд.

- Нельзя же так волноваться, я же не неделю в коме провалялся. Максимум пару дней в отключке, это ведь не страшно: со всеми хоть раз в жизни, да случается...

- Сейчас среда, семнадцатое сентября: ты был без сознания девятнадцать дней.

- О черт!! Надеюсь я ничего важного не пропустил?

- Нет: через неделю должна состояться реактивация Евы-00. Новым Командующим назначен Козо Фууюкуки: Икари Гендо находится на излечении в психоневрологическом диспансере. Доктор Акаги три дня назад выздоровела и приступила к своим обязанностям. Мое состояние постепенно улучшается.

- Значит все прошло хорошо... - Последние сомнения в успехе моей авантюры развеялись.

- Мне сказали позвать врача, если ты придешь в себя. - Девушка встала, поправила примявшийся подол юбки и нетвердым шагом вышла из палаты: да она же едва на ногах держится. Неужели я настолько выложился, что чуть не умер, или это последствия того, что я не до конца восстановился перед боем? За стеной слышался торопливый стук каблуков и в палату ворвалась Рицуко с совершенно безумным взглядом. Плюхнувшись на стул, стоящий возле койки, женщина поправила халат и начала меня отчитывать:

- Ты идиот! Зачем ты поперся на верную смерть, если знал, что шансы мизерные?! Тебе жить надоело?! Ты знаешь, что тебя от ИВЛ хотели отключить, я едва смогла уговорить заведующего реанимационным отделением дать тебе еще десять дней!

- Ты чего кричишь? Я жив, со мной все хорошо, а ты сама чуть не умерла, пришлось дверь выбивать. Нечего было себе вены резать: я не люблю, когда красивые девушки истекают кровью.

- И ты решил последовать моему примеру? Кстати, то что с тобой все хорошо, это не твоя заслуга: ты умудрился почти два литра крови потерять за 15 минут. И тебе ничья кровь кроме Аянами не подошла. Хорошо что это вовремя поняли, а то угробили бы тебя окончательно. Ладно, отдыхай, не буду тебя тревожить пустой болтовней. - Девушка встала со стула и пошла

прочь из палаты. Замерев на секунду возле выхода, она не оборачиваясь и едва слышно спросила: "Ведь ты из-за меня это все сделал?" Не дожидаясь ответа, Акаги переступила порог и быстрым шагом направилась прочь. А через несколько минут вернулась Рей с медсестрой, мне поставили капельницу и я провалился в дрему, пока тонкие прохладные пальцы ласкали мою ладонь...

В больнице я провалялся еще три дня. Препараты железа колоть мне перестали, прописали какие-то таблетки и кучу витаминов, а перед выпиской сняли швы на руках. Отныне мне придется ходить в рубашках с длинными рукавами: руки покрывала причудливая сеть шрамов, в точности повторявшая узор вен, синеющих под кожей. Багровые рубцы, просвечивающие синевой, выглядели отвратительно, заставляя коситься прохожих. Свежий ветер кружил голову, а от яркого света у меня по-прежнему болели глаза, но в остальном я чувствовал себя терпимо, учитывая то, что я выжил то лишь чудом. У этого чуда были красные глаза, синие волосы и оно очаровательно залипало, когда сталкивалось с неизвестным. Запрыгнув в электричку, я расслабленно плюхнулся на сиденье и закрыл глаза: после такого я еще месяц буду вялым, как овощ. Занятый борьбой со сном, я чуть не проехал собственную остановку, потеряв связь с реальностью. Из дремы меня вырвал механический голос: "Ускорьте посадку, двери закрываются. Следующая станция - "Парк цветущих вишен". Приятной поездки!" Как ужаленный я подскочил со своего места и понесся к выходу, расталкивая толпу. Вывалившись на перрон через полузакрывшиеся двери, я чуть не потерял сознание: в моем состоянии подобные пробежки недопустимы. Облокотившись на столб, я медленно приходил в себя, ведь отсюда до дома Акаги идти еще с пару километров: жилые пригороды Токио-3 занимают огромную площадь, постепенно перетекая в фермы и поля. Как только ноги перестали подгибаться, а мухи перед глазами улетели в теплые края, я закинул джинсовый пиджак на плечо и пошагал прочь со станции. Дом Акаги встретил меня разрухой: грязные вещи разбросаны по всей квартире, котэ деловито перебирался между этим непотребством, периодически обнюхивая и поправляя горки по своему разумению. Коробка с кошачьим кормом была перевернута на бок и вскрыта, отдельные куски корма разбросаны по светлому кафелю кухни. Бардак дополняла куча пивных банок характерного бронзового цвета и множество коробок из-под пиццы. Огромный промышленный холодильник с магнитиком в виде пингвинчика Тукса, знакомого каждому сисадмину, наполнял помещение громким и противным гулом. Включив режим шерлока, я стоял посреди всего этого разгрома, шевеля тугими от анемии мозгами: Аянами так нагадить просто физически не могла, Акаги ревностно поддерживает чистоту, а пиво не пьет вообще: только вино или шампанское. Вот только Кацураги мне не хватало...

Дверь в комнату Рей была открыта, являя мне спящую в майке и шортах на голое тело Мисато. Наверное, она приехала, когда узнала про состояние подруги. По трезвому рассуждению, оставаться мне тут опасно: хрен его знает, что она отчудит, а я не в том состоянии, чтобы защищаться. Тихо пройдя в свою комнату, я начал собирать те немногие вещи, которые были сюда доставлены вместе с нами. Сборы не заняли много времени и сил: закинуть комплект школьной формы девушки, несколько пар белья и свою одежду не обременительно даже для такой развалины, как я сейчас. Пока я копался, Мисато спала как убитая, не реагируя на окружающий мир. Закончив свои дела, я тихонько устроился на диване в гостиной и включил музыку, ожидая Рей. Из легкой дремоты под спокойную музыку меня выдернули легкие прикосновения к плечу: Аянами вернулась из города. Кинув взгляд на сумки, она спросила:

- Куда мы переезжаем?

- Обратно в наш дом, надеюсь что наши вещи там целы.

- Это из-за капитана Кацураги? - В логике девушке не откажешь...
- Да, не думаю что она сможет адекватно реагировать на мое присутствие.
- За десять дней ее проживания в в доме Акаги я не слышала от нее негативных реплик в твой адрес.
- О мертвых либо хорошо, либо никак, Аянами.
- Но ведь ты жив, почему ты так говоришь?
- Тогда это не было очевидным фактом. Выбери несколько книг, которые мы возьмем к нам, чтобы тебе не было скучно, и мы пойдем. - Рей будто отдалилась от меня... Неужели это из-за Гендо? Нужно будет спросить у нее, когда мы переедем. Вызванное такси уже через несколько минут стояло возле калитки, а девушка несла в руках увесистую стопку книг с кучей желтых закладок с пометками, известными только ей одной. Я же закинул наши пожитки в багажник и сел на заднее сиденье. Путь предстоял долгий: квартал, в котором мы раньше жили, находился на другом конце города. Водитель, улыбочивый пожилой японец, решил видимо немного поболтать:
- Какая вы чудесная молодая пара! Я так рад за вас: я вряд-ли согласился бы брать на себя такую ответственность в вашем возрасте. Семья и дети это очень важная часть жизни, и то, что вы решились на такой шаг так рано, впечатляет. В конце концов, это хорошо, что молодежь думает о будущем... - Пока я думал как объяснить ему сложившуюся ситуацию, Аянами ответила:
- Мы родственники и я не могу иметь детей. - Таксист поперхнулся словами, только удивленно переводил взгляд в зеркале с меня на мою соседку.
- Странная нынче молодежь пошла... И зачем вы переезжаете на вольные хлеба, да еще и вместе? - Рей снова ответила первой:
- Потому, что я хочу быть с ним рядом. - Водитель даже ничего не ответил, решив не отвлекаться на разговор со столь странными попутчиками.
- В нашем квартале ничего не поменялось, за исключением того, что мусора стало меньше, а пыли значительно больше. В подъезде явно кто-то убирал, но это не особо повлияло на чистоту: запах мочи и прокисшего пива уже въелся в бетон на пару сантиметров. Квартиры встретили нас в том-же состоянии, в котором мы их покинули: ничего не пропало, все вещи были на своих местах, присыпанные небольшим слоем пыли. Еда в холодильниках протухла и распространяла омерзительный запах, чем вызвала немедленное желание ее выкинуть к такой-то матери. Решив не мучить себя я просто вышвырнул мусорный пакет в окно и проветрил помещения: сил бегать через квартал к ближайшему мусорному баку у меня не было, камер тут отродясь нет, а собаки и такое готовы сожрать. Пока я возился с пропавшими продуктами и мыл кастрюли, Рей уже успела разложить вещи и лежала на кровати, смотря в пустоту. Вытерев руки полотенцем, я спросил:
- Что с тобой случилось? С тех пор, как я пришел в себя, ты сама не своя. Что-то произошло? Я чем-то тебя расстроил?
- Не бросай меня... - Кажется, ее нельзя оставлять одну...
- Почему я должен тебя бросить?

- Раньше я была нужна Командующему Икари для того, чтобы исполнить его план. Теперь я бесполезна, ведь его план рухнул, а больше я ни на что не пригодна.

- Ты нужна мне не для того, чтобы исполнять чей-то план: мне просто приятно рядом с тобой. Мне хорошо с тобой, и это единственная причина, по которой я хочу видеть тебя рядом с собой.

- Я бесплодна и не обладаю навыками готовки, не умею поддерживать порядок, а потому буду для тебя плохой женой.

- И что с того? Ты думаешь, что мне нужны от тебя дети и кухня? Готовить я и сам умею, а дети не приносят счастья: благодарности от них не дождешься, и единственное, что они тебе принесут, так это недосып и траты. Вообще, задумываться о будущем рановато: идет война, и мы можем погибнуть в любую минуту. Ты нужна мне потому, что ты заняла место в моем сердце. Я ощущаю себя нужным, забота о ком-то, и ради этого я живу. - Ложусь рядом с девушкой и слегка приобнимаю ее, стараясь не потревожить раны на руках. - Ты спасла мне жизнь, сама чуть не умерла, отдавая мне кровь, потом еще и заботилась о моей бессознательной тушке в больнице. Ты думаешь, что все потеряно? Серьезно?

- Я изучала людей, и твои требования к спутнице жизни кардинально отличаются от общепринятых. В твоём прошлом мире это было нормальным?

- Нет, там это было еще большим отклонением от нормы. Я люблю тебя. - В Японии не принято открыто говорить о своих чувствах и прямо отвечать на вопросы. Аянами, услышав эти слова, замерла на несколько секунд, смотря в никуда. Девушка погрузилась в свои мысли, наверняка обдумывая то, что я сказал. Разговор затих сам собой, а потому мне оставалось только нежиться в кровати под одеялом и наслаждаться заслуженным отдыхом. Те, кто всю жизнь провел за компьютером и никогда не выкладывался на полную, не ощутят то блаженство, пропитывающее каждую клеточку твоего тела, когда ты просто лежишь и отдыхаешь после того, как переступил черту своих возможностей. Я почти слеп и оглох без своих привычных способностей, наверное сейчас я даже муху своим щитом не удержу, но это того стоило. Впервые с тех пор, как я открыл глаза в поезде, я почувствовал себя в безопасности: Гендо в дурдоме, Аянами меня любит, Мисато хорошо пришили руку, а я выжил и не остался инвалидом. Открыв один глаз, я наблюдал за тем, как обнаженная синеволосая девочка обживалась в моей квартире. Пустой стол заселяли книги, гибкое белое тело периодически мелькало в полосках света, падающих из щелей тяжелых черных штор, будто исполняя причудливый танец. Однако, кроме приятных действий, нужно совершать и полезные: чужая память не хранится долго, если ее не превратить в свою. А потому нужно приступать к этой неприятной, но необходимой процедуре.

Как же я ненавижу оставаться наедине с собой: омерзительно осознавать, кем ты являешься внутри, под скорлупой из морали и привитых ценностей. Мы все психи и сумасшедшие твари, готовые убивать и жрать друг-друга, если нам это нужно, и тьма под веками - лишь бездна, полная чудовищ. Водоворот мыслей захлестывал меня, утягивая на дно, где жило то, с чем я не хотел бы встречаться. Чужая жизнь рваными лоскутами несется перед глазами, периодически сменяясь смутными и размытыми образами. Сотни событий сменяли друг-друга, образы менялись, а меня начало мутить. Потеряв концентрацию, я прервал просмотр и резко открыл глаза: голова опять болела, перед глазами все плыло, а из носа капала кровь. Неужели я умудрился перенапрячься, просто копаясь в своей голове? Обеспокоенная Рей склонилась надо мной с салфеткой, вытирая размазанную по лицу кровь. Заметив, что ее рука дрожит, я попытался ее успокоить:

- Все хорошо: я просто немного перестарался, это не страшно и скоро пройдет.

- Мне неприятен вид крови, особенно твоей: кровь - средоточие жизни, и мне больно видеть, как она тратится в пустую.

- Иногда это необходимая жертва, хотя сейчас я действительно глупо поступил: поймал бы инсульт, и быть мне до конца дней инвалидом. К сожалению, я не умею беречь себя, и это факт. Наверное я слишком долго сражался, чтобы снова начать себя ценить. Кровь свернулась, и головная боль постепенно отступала. Аянами забралась под одеяло и внимательно вглядывалась в мое лицо, пытаясь найти ответ на одной ей известный вопрос, а я переваривал то, что недавно увидел.

Гендо - гений, по другому и не скажешь. Начну с того, что он был бураку, и путь к счастливому будущему для него заказан: максимум - сантехником или грузчиком в пригородном квартале. Используя свои способности, он смог убедить приемную комиссию, поступил в Токийский университет и даже получил кредит на образование. В целом, тогда он был вполне нормальным парнем, хотя и со странностями, но в конце то концов, у кого их нет? Будучи изгоем, он вступился за девушку, которую начали травить, но сам попал в больницу, где тогда практиковал один из его преподавателей - Козо Фуюцуки. Икари Юй, та самая девушка, уже тогда была личной ученицей профессора и порекомендовала взять своего спасителя под покровительство, благо Гендо старался, как мог. Но увидев перед собой нечто большее, мой отец не согласился быть обычным профессором биофизики: ему нужно было гораздо больше. На его счастье, Икари Юй была дочкой секретаря SEELE, и используя ее влюбленность, а так-же свои таланты, он блестяще выступил перед советом и смог убедить Тринадцать назначить себя заместителем доктора Кацураги на время экспедиции в Антарктиду.

Через год исследований Фуюцуки приехал узнать, как продвигаются успехи его ученика, но застал лишь звуки сирен и суматоху: все уже пошло вразнос, и до взрыва оставались часы. Группа Кацураги предпринимала отчаянные попытки прервать зарождающуюся катастрофу, а Гендо тем временем собрал всю документацию, самые ценные образцы и в частном порядке покинул базу, забрав жену и учителя с собой. После Удара в море они подобрали спасательную капсулу с раненой Мисато Кацураги и привезли ее в Японию. На фоне разгорающейся катастрофы и начинающейся мировой войны Фуюцуки мобилизовался в армию, а Гендо по приказу и под покровительством Тринадцати принялся организовывать научно-исследовательский институт GENIRN. Перспективы, открывшиеся перед бывшим изгоем, вскружили голову: реальная, научно обоснованная возможность стать Богом мало кого оставит равнодушным. Правда, для этого нужно было всего лишь уничтожить человечество, проведя особым образом ритуал слияния Адама, найденного в Антарктиде, и Лилит, которую обнаружили под японским городком Хаконэ.

Юй тем временем забеременела и полностью отошла от науки, занявшись сыном и фактически бросив Икари Гендо на произвол судьбы. Это было последней каплей, сломавшей в нем остатки человечности и привело его к тому, что мы имеем сейчас. Властолюбивый, но добрый и отзывчивый Гендо Рокобунги умер, став холодным и недостижимым Командующим, которого мы все знали. Через год война закончилась, и Фуюцуки демобилизовался из армии. Осознав весь ужас действий своего бывшего ученика, он пригрозил, что разоблачит его деятельность в СМИ. Тогда Козо был народным героем, отличившемся на фронте и разработавшим несколько протоколов лечения, спасших немало жизней в операционной. Полковник периодически выступал на крупных телеканалах и планировал открыть частную клинику, но не смог сдержать любопытство, а потому принял приглашение к сотрудничеству, когда увидел масштабы работы и встретился со своей бывшей ученицей.

Через несколько лет Институт GENIRN процветал, защищенный от изменчивых ветров

послевоенной политики мощнейшим лобби на самом вершине властной пирамиды, а щедрый дождь инвестиций не давал пересохнуть денежному ручью, питавшему крайне дорогостоящие исследования. Но информация о негуманных экспериментах и опытах над людьми изредка просачивалась в прессу, несколько крупных скандалов, связанных с исчезновениями и смертями сотрудников пошатнули авторитет и репутацию организации: множество молодых и амбициозных специалистов уволилось, чтобы не рисковать собой, работы застопорились, а смерть Наоко Акаги стала той соломинкой, которая сломала хребет верблюду. Через два месяца Институт исследования эволюции GENIRN расформировали, а на его основе по приказу Тринадцати Душ и под патронажем ООН организовали NERV: полувоенную организацию, провозгласившую себя главным защитником человечества.

Декларируя необходимость защиты всех живущих от Третьего Удара, реальной задачей этого института стало проведение этого самого Третьего Удара по сценарию SEELE. В те переломные дни план Гендо сформировался окончательно, принимая облик стратегии. Часть молодых специалистов вернулась, привлеченная высокими зарплатами и полным соцпакетом: в те голодные годы это была неопишуемая роскошь, а на оставшиеся места набрали новых: NERV процветал. Получив в свои руки треть от мирового ВВП ежегодно, Икари Гендо превратился в самого влиятельного человека в мире. Даже члены Тринадцати по отдельности имели меньшую власть, связанные взаимными договоренностями, обещаниями и клятвами. Эксперименты над Аянами и евангелионами приносили множество информации, на основе сверхпрочных биологических тканей были разработаны и запущены в промышленное производство новые материалы, усовершенствована технология клонирования и даже разработаны, а после тестов успешно испытаны на Козо Фуюцуки омолаживающий препарат, превративший дряхлого изможденного старика с кучей болезней в молодого пожилого мужчину, на которого начали заглядываться молоденькие секретарши и лаборантки.

За всем этим научным элизием стоял Гендо, и все бы хорошо, но венцом этого должен был стать абсолютный конец всего человечества, принесенного в жертву для того, чтобы Командующий увековечил свое существование и мог создать свой мир. Возможно, это было бы правильным решением, но я ничего не собираюсь менять: в этом дивном новом мире не будет места для меня и для Рей, а потому он мне и нахрен не сдался. Ориентируюсь по своим ощущениям, нахожу губы Аянами и максимально нежно прикасаюсь к ним. Девушку пробивает дрожь и ее тело подается навстречу, отзываясь на мои прикосновения, а меня просто перестает что-либо интересовать кроме ее бледной и прохладной кожи, идущей мурашками под моими губами. Сначала робкие и неловкие ласки перетекают в безумие страсти, и все, кроме нашего удовольствия, перестает иметь хоть какое-то значение. Следующее утро встретило меня ярким светом солнца и осознанием того, что можно ничего не делать. Расслабившись, я крепко обнял недовольно пискливую во сне Аянами и решил еще немного подремать.

Впервые с тех далеких времен, когда были живы мои родители, я был счастлив. Я не знал, что ждет меня дальше - известное мне будущее рухнуло, как карточный домик. Ощущение нереальности и надуманности происходящего, периодически заставляющее меня сомневаться в реальности, ушло. Впереди меня ждала неизвестность, и я знал что она не будет заполнена одиночеством и пустотой. Скорее всего я не переживу этой безумной войны, спровоцированной сошедшими с ума учениками бога, возможно потеряю слишком многое, став подобием Гендо, но это потом, а пока мне нужно заказать еду: скоро проснется Рей, наверняка захочет есть, а в доме нет даже чая.

Растрепанный черноволосый подросток с исцарапанной спиной и слегка безумной улыбкой встал с кровати, поцеловал в плечо миниатюрную девушку с синими волосами и пошел в душ. Ему предстоит пережить множество счастливых и ужасных событий, но это будет уже его

история, которую он напишет сам, своими поступками и действиями. Позвонив в службу доставки еды, парень тихонько перенес стул из кухни и принялся наблюдать за спящей девушкой, ожидая момента, когда он сможет взглянуть в ее выразительные, ярко алые глаза.

Глава 10. Город в огне.

В блаженном расслаблении пролетело три дня, что позволило нам слегка прийти в норму: меня уже не качало при каждом подъеме с кресла или дивана, а бледность Аянами постепенно сходила на нет, сменяясь едва заметным румянцем. Эти несколько дней были лучшими в моей жизни: мы гуляли по городу, ели в кафешках и целовались до головокружения со звездочками перед глазами. Приходя вечерами домой, мы становились одним, теряясь в объятьях друг-друга, поглощенные страстью и безумием. Такая близость принесла и положительный результат: Рей постепенно оттаивала, становясь все более любопытной и не отходя от меня ни на шаг. Мои способности потихоньку восстанавливались, что не могло не радовать. Видимо поняв, что нам нужно побыть вместе, нас все дружно оставили в покое: единственный звонок был вчера от Акаги. Узнав, как у меня самочувствие и сказав, что Мисато поживет у нее, пока не придут бумаги из германского отделения и капитанша не станет на довольствие в Японии, девушка замялась и бросила трубку, так и не сказав больше ничего. А потом мы оделись и рванули с Аянами в парк, где гуляли, валялись на траве, слушали цикад и болтали ни о чем: а точнее я рассказывал истории из своего прошлого, а Рей внимательно слушала, лишь изредка задавая странные вопросы. В конце концов мы ввалились вечером домой, уставшие и грязные, залезли в душ, а потом перебрались на кровать...

Сегодняшнее утро началось омерзительно: будильник прозвенел всего через три часа после того, как мы заснули. Зная, что время отдыха столь коротко, мы старались урвать каждую секунду, чтобы насладиться друг-другом, в результате я нифига не выспался. Аянами проснулась легко, будто и не спала, а я едва продрал глаза и пополз в ванную обливаться контрастным душем: кофеин меня только усыпляет. Наскоро позавтракав и одевшись мы загрузились в автомобиль охраны и отправились в Геофронт: сегодня реактивация Евы-00. Неужели Фуюцуки таки озаботился, и у нас появилась нормальная охрана? Нас встретило четверо подвижных как ртуть мужчин в непримечательной и очень удобной даже на вид черной одежде, вооруженные НК МР7. Они разительно отличались от кретинов в пиджаках, чем внушали надежду на лучшее. Пока мы ехали, Аянами слегка нервничала, но стоило мне ее обнять, как весь страх куда-то улетучился, а девушка прижавшись ко мне, даже задремала. Несмотря на неудачи, реактивация была весьма будничной: порог синхронизации девушка прошла без всяких проблем, тесты нейросоединения показали уровень синхронизации в сорок один с половиной процента, а мне оставалось только отмокать в LCL, слушая то, как на мостике загружают в МАГИ сценарий стандартного синхротеста. Восстановленная на должности начальника оперативного отдела Мисато радостно гоняла техников в хвост и в гриву, если реальные параметры мышечного отклика и стабильность соединения были ниже ожидаемых, вызывая периодические фейспалмы у Акаги: бурная, но рутинная деятельность персонала Геофронта текла своим чередом. Беспольное отмокание в LCL вгоняло меня в уныние: зачем тратить два с половиной часа своей жизни для того, чтобы дать ученым замерить цифры, которые не имеют никакого смысла? Автоматически проходя программу синхротеста, я старался понять, к чему же привели мои действия.

Картина получалась очень хреновая: от того, что я устранил Гендо, ничего в длительной перспективе не поменялось. Старики все еще управляют миром и Фуюцуки на руководящей должности для них как кость в горле: об их планах осведомлен, умен, известен в Японии и

имеет огромный авторитет у подчиненных, основанный не на страхе, а на уважении. Перевербовать такого - непосильная задача: он достаточно стар, чтобы не опасаться за свою жизнь, имеет стойкие убеждения и четкую жизненную позицию. Следовательно, напрашивается логичный вариант, что его через некоторое время убьют, списав смерть или на старость, или на экстремистские группировки, вылезшие после Удара, как грибы после дождя. Подходящего лидера ему на замену из персонала НЕРВ-Япония я просто не вижу, ведь глава столь масштабной организации просто обязан знать ВСЮ правду, а целенаправленно уничтожать человечество может либо конченый мизантроп, либо отмороженный фанатик. И эта, уже незаурядная личность, должна обладать весьма развитым интеллектом, иметь лидерские качества и уметь управлять людьми, что превращает подбор кандидата на эту вакансию в крайне нетривиальную задачу, в сжатые сроки невыполнимую вовсе. И поэтому скорее всего одному из Тринадцати придется лично садиться в кресло командующего, ставя весь институт под плотный контроль SEELE. После этого осознание Комитетом того, что их марионетка не хочет им подчиняться, будет лишь вопросом времени, а время существования института НЕРВ после такого откровения будет исчисляться часами, а за наши жизни не дадут и ломаной копейки. И самое ужасное, что я и Аянами для SEELE - враги номер один. Само по себе существование Рей является прямой угрозой плану Тринадцати: Лилит, получавшая свободу воли, для них как ночной кошмар: она в конечном итоге выберет не тот сценарий, который нужен им, а какой она сама посчитает нужным, возвысив того, кого захочет. Когда все это произойдет? Через две недели из германского порта отходит АУГ, конвоирующая транспортник с Евой-02, тогда и ждать ревизора. Что можно успеть за это время - да ничего! Даже бюрократическая война бесполезна: в уставе НЕРВ прописано, что новый Командующий должен заверить своей подписью все приказы предыдущего: не заверенный новым руководителем приказ автоматически теряет силу. Фуюцуки может пытаться прогнуться под Тринадцать, продолжая путь Гендо, но из того что я знаю, если не уничтожить зародыш Адама и не убить Табриса до пришествия Зеруила, то Комплементация произойдет в любом случае: каждый убитый ангел сливается со своим предком, Адамом, усиливая его и ускоряя развитие. И даже если уничтожить зародыш, то это конца не остановит: можно будет лишь выбирать между тем, чтобы возглавить Ритуал, и тем, чтобы стать топливом для него, ведь другого не дано. Осознание задницы, в которую я сам себя загнал, свалилось как ком на голову: Гендо хоть и был мудилой, но прикрывал нас от истинных сумасшедших, стучащих кувалдой по взрывателю ядерной бомбы. Кадзи, я надеюсь, таки украл зародыш Адама, и выбора у него нет: возвращать украденную собственность назад смысла нет, своими силами прятать столь лакомую для ангелов цель он не сможет, а потому остается только везти в НЕРВ, в надежде на то, что там его усилия оценят по достоинству. И что мне делать в этой ситуации я просто не понимаю... Ведь бороться можно только с врагом, которого ты видишь и знаешь, битва с неизвестным противником обречена на поражение. Потому остается действовать постфактум, а это проигрышная стратегия. От невеселых мыслей меня отвлек рев сирены: спутник раннего обнаружения засек движущуюся аномалию АТ поля над Японским морем. Вот только Рамиила мне для пущего счастья и не хватало...

Естественно меня из капсулы Евы не выпустили, оставив мариноваться в LCL до окончательного выяснения того, что это за тварь и какими возможностями она обладает. Акаги, наверное, решила проигнорировать ту информацию, которой я поделился с ней, решив что она ненаучна: это ее право, но ее скептицизм в конечном итоге выйдет нам боком. Я не знаю, сколько еще нужно доказательств, чтобы это упорное существо поверило, что в этом мире происходит столько разной дряни которую невозможно объяснить вообще никаким образом? Сидеть в капсуле не имея возможности даже нормально пошевелиться было крайне скучно, а поговорить было не с кем. Связаться с Рей я не мог: она не будет участвовать в операции, а потому ее отправили в комнату отдыха, Мисато демонстративно меня игнорировала во всем, что не касалось исполнения ее прямых обязанностей, а Акаги была

занята анализом параметров аномалии, пытаюсь по ним определить возможности врага, так что мне приходилось сидеть и страдать от скуки. Мощь Евангелиона успокаивала, подавляя противные спазмы страха, поселившиеся в животе, хотя победить в этом бою в одиночку возможности у меня нет, да и выжить будет весьма проблематично. Надеюсь, что сейчас у меня будет свобода передвижения, и мне не придется изображать из себя гигантскую курицу-гриль в ИК духовке. Так что моя задача сводится к тому, чтобы просто убежать к лифтам вне досягаемости ангела. Вроде он не должен гнаться за мной, а что с ним делать потом - не моя головная боль. Акаги окончательно погрузилась в экран терминала, игнорируя все, происходящее вокруг, Кацураги легкомысленно крутилась в кресле, скрестив руки под внушительным бюстом, а остальной персонал мостика увяз в потоке данных, лишь перекидывая друг-другу флешки с отчетами. Вдруг Рицуко отлипла от монитора и сказала:

- Параметры аномалии зафиксированы: предлагаю уничтожение издалека с помощью энергетического оружия. Результаты предварительного анализа вы можете увидеть на экране.
- Мисато оживилась и мгновенно превратилась из взбалмошной девочки в боевого командира. Подкатившись на кресле к терминалу и набрав пару команд, Кацураги несколько минут изучала полученные данные после чего приказала готовиться к запуску:

- Предположения это хорошо, но проверить их необходимо. Сомневаюсь, что этот Ангел будет сильнее предыдущих, с которыми пилот Икари расправился играючи. Я хочу проверить, годен ли он хоть на что-то, кроме применения насилия против девушек! - Ничего отвечать на это я даже не стал. Разведку боем я считал действительно необходимой: эта реальность кардинально отличалась от аниме, и Ангелы могли принять совершенно иные формы и обладать непредсказуемыми возможностями. Предбоевой инструктаж как всегда был краток и до боли бесполезен: мы ничего не знаем о том, что тебя ждет, ангел предположительно обладает лучевым оружием и АТ-полем, которое способно обеспечить ему неуязвимость от всех существующих и большинства перспективных средств поражения. Постарайся спровоцировать его на применение оружия и прощупать его защиту. При угрозе жизни отступать к эвакуационному лифту под номером 17. После столь краткого напутствия Мисато прокричала: "Запуск!!"

Перегрузка вжала меня в ложемент, мир выцвел до черно-белого кино и адреналин хлестнул по нервам: мне просто нужно выжить. Коридоры шахты запуска закончились, выбрасывая многотонную махину под пасмурное осеннее небо. Я едва успел сформировать защиту, как всё вокруг залил слепящий свет, расплавленным металлом отдаваясь по коже через связь с Евангелионом. Попытавшись дернуться в сторону, понимаю, что все еще зафиксирован на стартовом столе, а связи с мостиком нет из-за помех от собственного щита. Безумно яркий свет проникал через закрытые веки, обжигая сетчатку красным огнем, наверное, так себя чувствуют те, кто попал под ядерный взрыв, но имел несчастье не умереть сразу. Насколько бы не был силен Евангелион, он не был рожден для того, чтобы быть живым щитом: я чувствовал, как он устает, как его нервы не выдерживают такой нагрузки, начиная потихоньку сдавать под напором беснующейся энергии. Надеюсь, что броня выдержит, а я не отключусь от болевого шока, ведь это реально единственный шанс спастись: за спиной формируются несколько лезвий, высвобождающих меня из плена захватов. Щит падает, лишенный на краткий миг подпитки, и меня бьет раскаленным добела тараном. Оглушенный, обожженный и потерявший ориентацию, я барахтаюсь в раскаленном сияющем аду, пытаюсь найти выход. Я пролетев в Еве километра полтора, и упав на землю, на одних рефлексх снова поднимаю защиту, но луч угасает: видимо у него тоже не бесконечные батарейки. Вокруг летающей призмы медленно начинает собираться светящийся ореол, постепенно ускоряющий свое вращение. Наверное, так он заряжается для следующего выстрела, который я точно не переживу: кабель расплавлен, батарей осталось на три минуты и я впервые почувствовал, что Евангелион

подошел к своему пределу: еще немного, и он бы умер, сгорев изнутри. Город превратился в фантасмагорический пейзаж из раскаленного добела бетона и луж расплавленного металла. Все, что могло гореть - горело, что не могло, то расплавленными лужами растекалось по запекшейся в стекло земле. Развернувшись, я рванул изо всех сил прочь из развалин, периодически оглядываясь. До площадки эвакуации, прикрытой базальтовым массивом, оставались считанные шаги, как Ангел выстрелил повторно. Меня швырнуло на скалы, а в спину будто уперли огромный раскаленный утюг и прижали что есть мочи. Пальцы Евы входили в раскаленный камень, как в масло, пока я полз, как придавленный жук, стараясь спрятаться в спасительную тень скалы. Не знаю, сколько продолжался этот ад, но мне удалось заползти за угол, где я и вырубился. Пришел в себя я уже в больнице, лежа в какой-то капсуле, заполненной LCL. Противно пискнув, она откачала жидкость и после нескольких мучительных рвотных спазмов я смог наконец-то вдохнуть прохладный воздух, показавшийся мне спасением. Зашипела дверь, и в палату зашла Рей и стала на колени возле конструкции, в которой я лежал, положив голову мне на грудь. Немного помолчав она спросила:

- Синдзи, тебе больно? - Нормально, ничего страшного: голова болит и пара ожогов на теле. Не нужно так волноваться за меня, я не хрустальный.

- Меня не пустили на мостик, когда ты был там, наверху. Капитан Кацураги запретила мне присутствовать в Командном Центре во время операции. Она злится из-за того, что ты защищал меня?

- Нет, она злится, потому что я не действую так, как она хочет. Это только мои предположения, но скорее всего так и есть.

- Почему люди так стремятся отобрать право выбора у других? Мне это не приносит удовольствия потому, что я не человек?

- Нет, Рей: чем больше один конкретный человек несчастен, тем больше он стремится реализовать себя. Но развиваться очень сложно, а потому людям гораздо проще унижать других, чем становится лучше самим.

- Это и есть причина всех войн? - Это очень сложный вопрос, я не знаю.

- Я постараюсь найти ответы. Сегодня в 18:30 начинается операция Ясима: в 19:00 мы должны быть готовы к синхронизации с Евангелионами, в 19:00 своим ходом выдвигаемся на огневую позицию, после чего ожидаем дальнейших указаний. Сейчас я принесу тебе поесть. - Девушка встала, поправила юбку и вышла. Давненько у меня не было столь безумного разговора, хотя, наверное я за это и люблю с ней говорить: ведь если смотреть со стороны, люди и правда смотрятся глупо, пытаюсь доказать другому свою важность. В Японии же право на свое мнение получают только начальники перед подчиненными, и потому мне, закоренелому индивидуалисту, не сойти с ума в этом мире рабов и господ весьма сложно. Рицуко, к моему счастью, таким не болела: ученый без собственного мнения бесполезен, а вот Кацураги, прошедшую суровую армейскую школу, явно бесило то, что я считаю себя личностью, а не частью толпы. И этот конфликт, боюсь, мне уже не погасить: я не изменюсь, да и она слишком закоренела в своей "правильности". Ладно, пока есть время, нужно отдохнуть перед боем, а грустные мысли можно и после думать, если это "после" вообще будет: ангел оказался гораздо сильнее и опаснее, чем я его представлял. Скоро придет Аянами, и я хочу просто побыть с ней, ведь есть шанс, что это для меня последний совместный вечер...

Я сидел на металлической платформе, приобняв Рей и смотрел в ночное небо, любуясь звездами через клочья черного дыма. В воздухе отчетливо пахло гарью, а хлопья пепла

причудливыми бабочками кружились в воздухе, оседая на пепельные от неверного света луны волосы моей любимой. Город горел, освещая отсветами пожаров фиолетовое тело ангела, кажущееся черным в дрожащем свете пламени: после моего появления он не успокоился, пока не разнес все, что хоть немного напоминало силуэтом Еву. Раскаленные добела куски зданий светились сквозь дым, превращая и без того впечатляющую картину в творение безумного сюрреалиста. Огромные озера расплавленного стекла стекались в воронку в центре, куда упирался сияющий луч, выходящий из нижней вершины октаэдра. Все слова уже сказаны, а потому оставалось только сидеть, обнимая такое маленькое теплое тело и верить в то, что это не последние минуты вместе. Огромные силуэты двух Евангелиионов возвышались по бокам платформы как изваяния древних богов, внушающие уверенность и дающие надежду. Порывы ветра, дующего в сторону раскаленного ада, дарили облегчение телу, чувствуящему жар от пожарища даже тут. Внизу, в сорока метрах под нами, суетились рабочие, протягивающие последние коммуникации и заливающие жидкий азот в контуры охлаждения сверхпроводников огромного ружья, бывшего в девичестве ускорителем антивещества в подшефной НЕРВу лаборатории. Из этой штуки мне и предстоит стрелять. Несколько дальше лежал огромный черный щит в полный рост Евы - днище от недостроенного шаттла, покрытое абляционной термозащитой последнего поколения. Если защитить его АТ-полем, то хватит секунд на 20: даже это было огромным достижением под таким бешеным напором энергии. Это хорошо, что фонарик ангела не светит в гамма-диапазоне: АТ-поле очень плохо держит проникающую радиацию. Послещита пойдет плавится броня Евы, которая долго не выдержит даже под такой защитой: слишком уж велика энергия в луче этого монстра. Надеюсь, что Аянами не будет мучиться слишком долго. Над площадкой взревела сирена, противным воем ввинтившись в мозг, Рей вздрогнула и тихим голосом сказала: "Синдзи, нам пора. Не волнуйся, я буду защищать тебя." Вместо ответа я прикоснулся губами к ее волосам, сдувая дыханием черные хлопья пепла, и пошел к капсуле. У меня было всего три попытки, причем первый выстрел наверняка будет провальным: никаких практических стрельб из такого оружия никогда не производилось, и все поправки были рассчитаны МАГИ только на голой теории, и будут подвергаться корректировке после выстрела. Однако до второго залпа щит должен выдержать. Привычный спазм, и омут синхронизации вымывает все мысли, кроме одной: "УБИВАТЬ!!" Приходить в себя тяжело: очень сложно не растворится в этой безграничной мощи, потеряв себя и слившись с идеалом. Но я нужен там, а потому приходится открывать глаза. Огромное тело Евы-01 слегка побаливало от ожогов, а новые листы брони сидели слегка криво, как впервые одетые кожаные туфли, но горящее огнем море энергии в груди и ощущение безумной мощи этой машины для убийства затмевало все неудобства. Мешала легкая скованность в спине: питающий кабель очень усложняет движение. В углу зрения появились два проекционных экрана видеосвязи: бесстрастное лицо Рей, слегка искаженное LCL, и злое лицо Мисато из КШМки, отдающей последние приказы техникам. Аянами занимала позицию чуть ниже и правее по склону, готовая в любую секунду защитить меня от выстрела Ангела, я же устраивался, стараясь поудобнее перехватить наскоро прицепленные к ускорителю рукоятки управления. После нескольких попыток подключение к системам Евы таки произошло: Ангел скачком приблизился, заслонив весь экран, а орудие через компьютерный интерфейс доложило о готовности к стрельбе, сформировав прицельную сетку, которую мне и следовало навести на Ангела. Снайперскую подготовку я никогда не проходил и стрелял из чего-то, кроме автоматов или пистолетов, из рук вон плохо, а потому уж никак не подходил для этой роли. Аянами же вообще не имела никакой огневой подготовки и ее уровень синхронизации и координация движений в Еве были слишком малы чтобы навести винтовку в цель, а не просто в сторону врага. Получив от Кацураги разрешение на открытие огня, я постарался успокоиться. Мир привычно выцвел, хаотичный танец отблесков на гранях врага превратился в неспешный плавный хоровод, а центральный маркер прицела лег на середину силуэта врага: именно там, по данным телеметрии искажений АТ-поля и находилось ядро ангела. Сетка немного сместилась влево и вниз, подстраиваясь под дистанцию до цели, я аккуратно довел прицел

обратно и немного подождал, успокаивая мандраж. Евангелиону почти не нужен воздух: при достаточном количестве энергии задержать дыхание на пару десятков минут для него не проблема, но моему телу воздух нужен гораздо чаще. Медленный выдох, перекрестие плавает в пределах ядра, и я аккуратно нажимаю на спуск: перед глазами расцветает маленькое солнце, и когда сияние стихает, я вижу что нижняя часть ангела вместе с буром просто испарилась, уничтоженная попаданием. Ева-00 перекрывает мне обзор, заслоняя от огня противника и секундой позже на гору приходится ответный удар, заливающий все вокруг ярким светом. Связь с Евой-00 почти пропадает, а искаженное от напряжения лицо Рей почти скрывает рябь помех, размывая его до неузнаваемости. Я перезаряжаю оружие, вкладывая новую порцию антивещества, подвешенного в магнитном поле внутри специальной капсулы, и ожидаю, пока сверхпроводники охладятся до нужной температуры. В голову врывается голос Акаги: "МАГИ уточнили исходные данные для вычисления траектории пучка заряженных частиц, корректировки я сейчас тебе вышлю, главное, чтобы искажения из-за помех не повредили данные!" Через несколько секунд прицел скакнул резко вниз, показывая, что я попал только чудом. Связь с Аянами пропала совсем: экран связи рябил помехами, но Ева-00 все еще держала щит, который вполне достойно справлялся с поставленной задачей. Луч ангела резко повело влево и выше по склону, после чего поток энергии несколько раз мигнул и прекратился. Связь восстановилась, показывая искаженное болью лицо Рей. Ее Евангелион отступил в сторону, давая мне возможность прицелиться во врага. Порядком искалеченный противник кособоко висел над городом, накапливая энергию для следующего удара. Прицелившись повторно, я аккуратно нажал на спуск, и в этот раз заряд сделал свое дело: ослепительно яркая вспышка залила небо, и искореженные останки рухнули в расплавленное озеро стекла. Даже если там что-то и пережило этот удар, то температура в полторы тысячи градусов его точно добьет. Мисато радостно орала поздравления по связи и уже начала организовывать вечеринку, беззастенчиво пользуясь своим служебным положением, и приказывая всему на нее явится. Ева-00 отбросила оплавленный щит и опустилась на колени, раскрыв бронеплиты, прикрывающие контактную капсулу. Я отдал приказ системе на извлечение капсулы и разорвал синхронизацию. Ужасные секунды удушья сменились воздухом, полным гари и копоти. Броня моего Евангелиона обжигала ступни, склон холма, кроме маленького клочка зеленой за щитом, превратился в оплавленное стекло, сияющее оранжевым светом. Спрыгнув с огромной руки Евы-01, я бегом рванул к веревочной лесенке, по которой неуверенно спускалась вниз маленькая белая фигурка. Споткнувшись о камень, я чуть не полетел лицом в землю, стараясь успеть к Аянами до того, как она спустится вниз. Я успел вовремя и смог поймать Рей, спрыгнувшую с лестницы, не достававшей до земли метра два. Повалившись на траву, я крепко обнял самое дорогое для меня существо на свете. Возможно, что я умру, может я перестану быть ей интересен, может произойти еще множество разных вещей, но пока мы вместе, и у нас есть шанс на то, что все будет в порядке. Подпрыгивая на кочках к нам мчалась армейская скорая, перевалившая через вершину холма, монструозное оружие лежало на боку, окутанное туманом испаряющегося газа, трещал, остывая, раскаленный докрасна щит, а с неба по прежнему падал пепел, приликая к нашим телам, мокрым от LCL, но бой уже закончен: мы опять победили...

Скорая лихо развернулась, и из кузова выпрыгнула разлохмаченная Акаги, на ходу роняя из кармана на землю пачку сигарет. Кошмар закончился и пришло время немного отдохнуть. Аянами прижалась крепче ко мне и спросила: "Я все хорошо сделала?". Она еще не успела закончить фразу, как мои губы заставили ее замолчать, а ехидную реплику подбежавшей к нам Рицуко я просто проигнорировал: для разговоров еще будет время, а сейчас я хочу насладиться нашей победой.

Глава 11. О важности воспитания.

Конвертоплан шел сквозь грозовой фронт, натужно ревя двигателями и периодически проваливаясь с воздушные ямы. Струи дождя хлестали в иллюминаторы, освещаемые вспышками молний. Пилот, судя по напряженному молчанию, шел только по приборам: из Тихого океана приближался циклон, а обойти его по дуге конвертоплану не хватало топлива. Мисато, привыкшая ко всему, спала в кресле, а второй пилот отдыхал, готовый подстраховать товарища и мне оставалось только смотреть в бушующее небо за тонкой обшивкой аппарата, вспоминая вакханалию последних нескольких дней.

После сражения с Рамиилом нам с Рей лишь дали вымыться от LCL и немного поспать внутри Геофронта, а после меня подняли с постели и отправили на очную ставку с новым Командующим. Когда я зашел в кабинет, то я не узнал человека, сидящего за столом: за те несколько дней подполковник как будто постарел лет на десять! Заметив меня, Фуюцуки лишь устало махнул рукой в сторону стоящего напротив его рабочего места стула и сразу перешел к сути диалога:

- Я надеюсь, молодой человек, что вы не собираетесь и меня сместить с этой должности столь экстравагантным способом? - Логичная претензия: а вдруг я безумный мажор, который сам метит в кресло папочки?

- Командующий, вы должны понимать, что это был в первую очередь акт самозащиты. Вы ведь не будете повторять его ошибок? - Козо нахмурился и неодобрительно продолжил:

- Я слишком стар для этого. Однако и у молодости есть свои недостатки, ведь осознание ответственности за свои поступки приходит не сразу. Но это не является оправданием для того, чтобы создавать своим поведением проблемы для самой крупной организации в мире: в конце концов, ведь можно же было просто поговорить со своим отцом, а не превращать его в растение.

- К моему сожалению, разговор был крайне односторонним и мне пришлось так сделать, защищая свой разум, а охрана моего отца была не слишком любезна, так что пришлось действовать наверняка. - Сомневаюсь, что Фуюцуки должен знать о некоторых гранях моих возможностей...

- Я все понимаю, молодой человек, но впредь воздержитесь от вашего необдуманного ребячества, или мы будем вынуждены принять меры, в первую очередь для защиты столь ценного объекта, как вы. И мой совет, тебе, Синдзи, с высоты моего опыта: ты не бессмертен, а я видел множество таких же парней как ты, которых потом приходилось собирать из кусочков, и не всегда это было успешно.

- Я буду предельно осторожен, благо есть для кого.

- Эх, молодость-молодость, она всегда стремится все успеть, но лишь спотыкается на ухабах. Ты умеешь играть в шogi?

- Нет, только в шахматы, да и там я далеко не самый лучший игрок.

- Жаль, потому что мой лучший напарник вряд-ли когда-нибудь теперь сядет со мной за один стол. Через неделю прибывает Ева-02 со своим пилотом, и ты, как единственный пилот с уникальным боевым опытом послезавтра отправишься в качестве усиления на АУГ, конвоирующую столь ценный груз. Так что у тебя есть время, чтобы немного отдохнуть и собрать вещи. Я распорядился, чтобы вам с Рей выделили комнату в общежитии: ваш дом

разрушен, и вряд-ли в скором времени будет восстановлен.

- Я так понимаю, что Аянами остается в Геофронте?

- Если вдруг нападет Ангел, нам нужен хоть один действующий Евангелион...

- Я все понимаю, но она даже не видела моря...

- Когда у пилота Сорью появится необходимый боевой опыт, вы сможете немного отдохнуть, а до этого извольте выполнять приказы.

- Есть! - Когда у военного адекватное командование, это самое большое счастье для простого солдата. Я уже был готов уйти, как полковник вдруг спросил:

- Ты ощущаешь ее в Еве?

- Вы действительно хотите знать ответ? После моего возвращения я согласен провести серию экспериментов.

- В конце концов, это лишь просьба одного усталого и старого человека, так что твои слова разумны. Иди, тебе еще нужно поспать и собрать вещи, так что поторопись: боюсь, что на корабле тебе будет не до сна... - Коротко поклонившись, выхожу из кабинета и почти бегом возвращаюсь в комнату отдыха: нужно по максимуму использовать то время, что у меня осталось...

Из воспоминаний меня вырвал луч солнца, попавший в лицо: конвертоплан прошел грозу и яркий свет залил кабину аппарата. Мисато сонно выругалась, открыла глаза и пару минут повтыкав в иллюминатор, пошла требовать связи с мостиком авианосца со странным названием "Над радугой". Нет, серьезно, кто додумался так переименовать "Рональда Рейгана"? Однако это не отменяло того, что через сорок минут конвертоплан совершит посадку на его палубе. Кацураги по радиации согласовывала порядок приема на борт и установки подстанции для отбора мощности, которая должна была питать Еву-02 в случае боестолкновения. Судя по откровенно раздраженному тону, у капитанши возникли какие-то проблемы с юрисдикцией на борту, и спор по радиации продолжался аж до самого момента, пока второй пилот не отобрал танкетку у Мисато для связи с ЦУПом корабля, начав маневрирование для захода на посадку. Картина, открывшаяся с воздуха, впечатляла: более двадцати кораблей шли организованным порядком, в центре которого были четыре линкора, взявших в коробочку два громадных корабля. Один был типичным представителем класса авианосцев: плоская баржа с карикатурно маленькой надстройкой, ошестинившейся в все стороны антеннами радаров, радиостанций ЦУПа и стволами фаланг, а за ним в кильватере шел огромный танкер, с обнаженным трюмом, залитым охлаждающей жидкостью, в которой плавала закрытая брезентом огромная человекоподобная фигура. Сделав коробочку над авианосцем, конвертоплан пошел на посадку, а я морально приготовился к встрече с Аской: нужно постараться ее не убить и не покалечить, ведь она моя единственная надежда на отпуск с Рей.

Шасси аппарата коснулись палубы, и дверь кабины открылась, впуская внутрь соленый морской ветер. Легкая бортовая качка почти не ощущалась: авианосец огромная махина, и ему трехметровые волны как рябь на воде, а учитывая наличие подавляющих качку систем, так и серьезный шторм не будет особо ощущаться экипажем. Отстегнув ремни, я подождал, пока пилот даст отмашку, и вышел на нагретую солнцем палубу. Техники споро закрепляли тросами конвертоплан, чтобы его не сбросило в море, пилот через форточку о чем-то переговаривался с

каким-то человеком в форме, а Мисато разминала затекшую после полета спину, демонстрируя всем мужчинам свой шикарный бюст, закрытый от посторонних глаз черным топиком, чем привлекала к себе нездоровое внимание всех вокруг. Однако от созерцания окружающих красот меня отвлекла фигурка в кислотно-желтом платье, быстро бегущая в нашу сторону. Кажется, сейчас что-то будет. Фигурка постепенно превращалась в весьма стройную рыжеволосую девушку, умудряющуюся бежать на десятисантиметровых каблуках и не падать. Наверное, это какая-то страшная женская магия, недоступная никому, кроме них, однако вполне материальная и повсеместно распространенная. Метров за тридцать сия особа перешла на шаг и пошла напрямик к Мисато, демонстративно игнорируя меня, как будто я пустое место или фонарный столб. Капитанша заметила Аску и сделав несколько шагов навстречу, радостно обняла ее. Я отошел к конвертоплану и присел на рюкзак в тени крыла, наслаждаясь прохладой и свежим ветром: я успел забыть, что такое море. Закончив беглый диалог на немецком, девушка подошла ко мне и презрительно посмотрела сверху вниз. Продолжая ее игнорировать, я любовался четкими линиями модернизированного линкора типа Айова, шедшего с правого борта авианосца. Никогда бы не подумал, что увижу этот корабль-легенду вот так, с расстояния в километр. Осознав, что мне конкретно пофигу на ее присутствие, она весьма громко спросила:

- Привет, я Сорью Аска Ленгли и мне интересно, как такой задохлик может пилотировать Еву? Надеюсь, что я ошиблась и Третье дитя это кто-то из тех красавчиков! - Хм-м, не думаю, что кто-то из наших охранников сможет управлять моей Евой. Повернувшись, ловлю ее взгляд и впечатываю в открытый разум сцену самобуйства Киоко Сорью из аниме: ненавижу, когда кто-то пытается доказать мне, что я кусок испражнений. Эффект был мгновенным: девушка отшатывается в страхе, сразу теряя самообладания. Пока она молчит, отвечаю:

- Да, я пилот Евы-01, Икари Синдзи. Ты зачем пришла, не видишь, я отдыхаю? Хочешь показаться крутой, тогда возвращайся, когда хотя-бы одного Ангела убьешь, я пока отдохну, книжку читаю.

- Да что ты о себе возомнил! Неужели папенькин сыночек хочет доказать всем, что он круче, убивая ослабленных артиллерией и авиацией ангелов? Так твой папаня сторел на работе, и тебе больше никто не будет так угождать! Я же профессиональный пилот, которого с детства готовили для управления Евангелионом, а моя Ева-02 специально разрабатывалась с учетом моих предпочтений и навыков боя! - Да, я недооценил противника: ее вера в собственную крутость слишком сильна и непогрешима, причем настолько, что сейчас без изнасилования ее мозгов сломать это убеждение невозможно...

- Так чего ты хочешь от меня? В чем смысл твоих действий? - Пусть задумается, зачем ей вообще это надо. Будет дальше гнобить - сломаю мозги к чертям и пусть валяется в психушке, а Рей свожу на море сразу после очередного ангела.

- Я пришла показать, что время недоучкам уступить место настоящим пилотам! А сейчас пойдем, я покажу тебе свою Еву! - Делать то нечего, да и в Евангелионе всяко безопаснее во время атаки ангела, чем на корабле, являющемся основной целью атаки: зародыш Адама неприятно зудел на краю сознания, напоминая о том, что атака гарантированно состоится.

- Сомневаюсь, что в ней есть хоть что-то интересное, но боюсь, покоя ты мне не дашь, а убивать тебя мне нельзя: Командующий запретил. Так что придется тащиться с тобой.

- Твое чувство юмора убого, но раз ты хочешь увидеть мою Еву, то Аска Великолепная так уж и быть, ее тебе покажет. - Кажется, он потихоньку начинает меня побаиваться, так авось и

уважать начнет через несколько боев. Ладно, это все философия, а реальность такова, что через несколько минут придется сражаться, и при это с весьма неудобным противником: бой в воде это мерзость, учитывая что изначально Евангелион для этого не предназначался...

Загрузившись в моторный катер, мы отправились на транспорт. Я спокойно сидел на носовой банке и прикрывшись щитом от брызг воды, читал Некрономикон Лавкрафта: прикольная книженция на передохнуть и посмеяться, учитывая мое странное чувство юмора...Аска сидела возле рулевого, периодически поглядывая на меня, я чувствовал ее ненависть, но она отлично себя контролировала, стараясь узнать меня получше: мое поведение слишком отличалось от устаревшего психопортрета, который она наверняка читала, и потому она решила по всей видимости сама во всем разобраться. Черт, а ведь мне с ней еще в бой идти! Мы пришвартовались к трапу танкера и я полез наверх, пропустив девушку вперед. Выбравшись на мерно качающуюся палубу, я пошел вслед за Ленгли к огромной емкости в центре корабля. Евангелион-02 впечатлял: огромная махина из плоти, покрытая толстый керамической броней, поверх которой была нанесена красная абляционная защита, лежала в мерно колыхающемся бассейне, заполненном обжигающе холодной жидкостью, температура которой поддерживалась на одном уровне гигантскими рефрижераторами, мерно гудящими лопастями вентиляторов. Ловко пробежав по узкому понтонному мостику, Аска запрыгнула на бронеплиту, прикрывающую вход в контактную капсулу и похоже, готовилась начинать вещать о том, насколько же крута ее Ева, как вдруг ударная волна мощного взрыва сбросила девушку в охлаждающую жидкость, сдув брезентовый тент над бассейном, я же успел сгруппироваться, а потому лишь пару метров прокатился по палубе да слегка оглох. Через мгновение по всей эскадре взревели сирены боевой тревоги, а огромное грибовидное облако на месте одного из эсминцев внешнего периметра эскорта лишь придавало уверенности, что это не учебная тревога. Сорью, отплеываясь, вылезла из бака и ошалело озиралась по сторонам, пытаюсь понять, что вообще происходит. Уоки-токи на ремне ожила, прокричав голосом Мисато: "Синдзи, ты же сейчас с Аской возле ее Евы? Так бегом внутрь и разберитесь с Ангелом, пока он тут все к чертям не утопил!! Через пять минут мы подадим мощность на питающий кабель, так что без энергии не останетесь, а в Еве связи с вами не будет." Раздумывать некогда: отпускаю девушке легкую пощечину и тоном, не допускающим возражений команду: "Надевай костюм и бегом в Еву!" Получив четкие указания, мозг девушки мгновенно вернулся в реальность, и Ленгли убежала за шкаф с комбинезонами переодеваться, а я разделся до трусов: поганить свою любимую рубашку с серебряной вышивкой в LCL мне совершенно не хотелось. Аска, услышав мою возню, закричала:

- Извращенец, если я увижу, что ты подглядываешь, убью тебя к чертям!

- Аска, сейчас не время для эротических БДСМ игр, а гребанная война, и если ты через минуту не будешь тут, то я пойду в бой на твоей Еве без тебя. - Угроза подействовала, и через тридцать секунд из-за стойки выбралась одетая в обтягивающий розовый комбинезон Ленгли, прозрачный настолько, что можно было посчитать все волосы на ее лобке. Вот мне интересно, это ДЕЙСТВИТЕЛЬНО так необходимо, или просто проявление извращенного ума? Кстати, она была чисто выбрита. Черт, я совершенно не о том думаю!! Увидев меня в одних плавках, девушка мазнула взглядом по рукам и презрительно выплюнула:

- Не знала, что ты настолько слабак, что резал себе вены: как тебя вообще допустили управлять Евой?! Раскомандовался он тут, эмо хренов, таких лучше вообще в психушке запирают. - Знание того, что не сделай я этого, в конце концов это она бы вскрыла себе вены, окончательно вывело меня из равновесия. Убивать ее нельзя, но ведь никто мне ничего не говорил об угрозах и психологическом насилии?! Легкий жест, подкрепленный волей, и девушка летит на землю, зависая в нескольких сантиметрах от пола. От усилий голова взрывается болью, но это мелочь: я слишком зол, чтобы останавливаться. Ее глаза - озера

страха, но это лишь начало: растерянная, она не оказывает ни малейшего сопротивления, когда я вломился в растерянный разум:

- ТЫ ГОВОРИШЬ, ЧТО Я СЛАБ? ТЫ СЧИТАЕШЬ МЕНЯ НИЧТОЖЕСТВОМ, А ЧТО ТЫ САМА? ХОЧЕШЬ УЗНАТЬ, ОТКУДА ЭТИ ШРАМЫ? ТАК СМОТРИ! - Картины схватки в Геофронте разворачиваются перед ее глазами, заставляя пережить те безумные секунды бойни в коридоре, глядя на мир моими глазами. Резко разорвав контакт, роняю Аску на пол и рывком поднимаю на разом ослабевшие ноги. Пара сильных пощечин приводит ее в себя, выбивая слезы.

- Ты демон! Дьявол во плоти! - кажется, я слегка переборщил, но мне уже плевать.

- Лезь в Еву, или ты сделаешь это, но против своей воли! - Боже, похоже само понятие ответственности ей незнакомо.

- Ладно, хрен с тобой! Только не делай так!!! Я не хочу умирать!! - Дрожащими пальцами девушка набрала код на терминале замка и контактная капсула выдвинулась из закрывки Евы-02, призывно открыв бронированную створку. Ловко запрыгнув внутрь, Аска устроилась в ложементе, а я же заприметил отличное место за спинкой кресла, где и устроился, крепко обхватив ложемент руками и ногами. Почувствовав себя в привычной обстановке, Сорью слегка успокоилась и начала активацию. Интересно, на что будет похожа двойная синхронизация? Девушка закончила подготовку и капсулу залил призрачный свет контактной жидкости: первый этап синхронизации начался.

Честно говоря, ощущения были странными: одно дело связь с евангелионом, который чувствуется как какой-то экзоскелет или костюм, одетый на тело, а совсем другое, когда ты ощущаешь себя одновременно еще и вторым пилотом, и вы делите Евангелион на двоих. Тем временем ангел разобрался с пятью эсминцами внешнего кольца охранения, а линкоры расчехлили орудия и весело пристреливались по огромной туше, заходящей на очередной обреченный корабль. Однако Аска видимо осознала, с кем она сейчас заперта в капсуле, а потому выпала из реальности, являя собой комок сплошного ужаса. Одно радует: Евангелион я ощущаю, а потому все же боеспособен. Батарей осталось на пять минут, а что делать дальше, я просто не знаю: прыгать по кораблям, как в каноне, я не буду, ведь от таких салочек флот скорее всего потеряет больше кораблей, чем от ангела, а потому остается лишь ходить по воде как Иисус, да простят меня вечно оскорбленные верующие. Чисто технически, особой сложности в этом нет: создаешь щит под ногами и спокойненько себе идешь, насвистывая "Апостола Андрея" незабвенной группы имени тентакли с ракушкой, однако физика так не работает: вы никогда не вытащите себя из грязи за волосы. А щит, использующий поверхностное натяжение я не смогу поддерживать на море: дело все в том, что поверхность воды находится в постоянном движении, а потому идти за счет поверхностного натяжения не выйдет. Мой мозг просто не будет способен просчитать такую сложную фигуру и подстроить под нее форму щита, который является статичной плоскостью или полусферой, в зависимости от моего желания. Однако за счет вязкости воды, можно сделать так, чтобы ноги Евы-02 не так быстро тонули, но тут загвоздка в другом: создай я такую плоскость, все корабли в радиусе пары километров мгновенно поделаются пополам вдоль ватерлинии и благополучно утонут без помощи ангела. Ситуация патовая: мне нельзя падать в воду, иначе я из нее не выберусь, но добраться до источника питания как-то надо.

Однако флот и сам неплохо справлялся: 406 мм это вам не фунт изюма. Тут дело даже не в калибре, ведь те же танковые снаряды пробивают схожие толщины брони, а в том, что эти снаряды были спроектированы с учетом того, чтобы взрываться в броневом пространстве, а

БОПС всего-лишь длинная урановая иголка, и трехсотметровому ангелу на нее плевать с большой колокольни. Монстр, поймав пару бортовых залпов, почувствовал всю гениальность человеческой инженерной мысли на себе: весь его правый бок представлял собой огромную рваную рану, из которой в океан хлестала кровь, да и сам он двигался не так чтобы уж бодро. Один из линкоров имел на бронепоясе свежие следы столкновения: видимо, в этот раз тактика тарана оказалась бесполезной и человечество уверенно выигрывало со счетом 2-0, если не считать разорванные напополам эсминцы УРО. На Айове перезарядили орудия и дали очередной залп по ангелу: оранжевый купол АТ-поля вспыхнул, и первые снаряды взорвались на нем, однако второй полузалп порвал поле в клочья, вырвав из искалеченной туши еще один кусок и нахрен отстрелив хвост. Усадив Еву на палубу и свесив ноги в океан, я принялся любоваться безмятежной картиной того, как за меня решаются мои проблемы: впервые за очень долгое время мне не нужно рисковать собой. В чью-то светлую голову пришла гениальная идея, и по эскадре раздался сигнал атомной тревоги, а второй лк дал залп лишь тремя орудиями, однако этого вполне хватило: три ядерных снаряда просто испарили к чертям большую часть искалеченной тушки, попутно добив два эсминца, которым не повезло тонуть слишком близко к ангелу. Отвесив в Еве шуточный поклон, я встал и дошел до авианосца, подключил контактный кабель и под благоговейное молчание всей эскадры, дружно повернувшей все стволы уже в мою сторону, пошел по воде к плавающим на поверхности остаткам Гагила: внутри него еще ощущалась жизнь, а мне бы не хотелось, чтобы он вдруг внезапно ожил. Достав из пилона штатный прог-нож, я вырезал ядро и раздавил сияющий шар в ладони. Не выдержав такого издевательства, туша расплылась лужей крови, а я побрел обратно на транспортник: не хочу шокировать и без того нервных моряков. Секрет хождения по воде оказался прост до безобразия: я думал, что под нами пара километров воды, а на практике оказалось что мы на шельфе, и глубина не превышает двухсот метров, так что основой для щита послужило илистое морское дно. Ангела мы победили достаточно быстро и без особых потерь. Но главная проблема все еще была актуальна: мне нужно что-то сделать с Аской.

В конце концов, ей нельзя было позволять вот так себя вести, но и в таком состоянии оставлять не следует: хватит плодить сошедших с ума овощей. Усложняло и одновременно облегчало процесс, то, что сейчас я по факту управлял самой Аской, которая уже управляла Евой-02: девушка безумно боялась, осознавая что даже ее разум сам себе не подчиняется, и в конечном итоге это окончательно ее добило. Фактически, я сейчас смогу создать из нее все, что захочу, начиная от постельной игрушки и заканчивая воином джихада, уверенным в том, что он от рождения был вонюч, бородат и благословлен на убийство неверных. Черт, я никогда не думал, что мне будет так сложно решить за другого человека его судьбу. Однако призвав на помощь свое самообладание, я принялся чинить сломанное: вы можете подумать, что это было похоже на то, как вы из кубиков лего собираете какую-то вещь по инструкции, но вы заблуждаетесь. Это было похоже на долгую и обстоятельную беседу, я скажу больше: любой опытный психолог вполне способен закрутить человеку мозг гораздо круче, чем, это доступно мне. Единственное мое преимущество состоит в том, что обычному человеку на такое потребуется минимум месяц регулярного общения, а мне несколько минут и пара дней головной боли. Честно говоря, проблемы Аски состояли не столько в психологической травме, перенесенной в детстве, сколько в крайне криво воспитании, что и породило в конечном итоге то чудовище, которое мы знали. Надеюсь, что когда она очнется, то будет осознавать себя и ее проблемы сойдут на нет: в конце концов, она очень симпатична, и мне бы не хотелось, чтобы девушка была несчастна. Сбросив LCL, я разорвал контакт и едва не потерял сознание от боли: из носа текла кровь, меня трясло, как в лихорадке, а Ленгли безмятежно спала. Надеюсь, что бой за ее разум я выиграл, потому что мне очень хочется съездить с Рей на море и хорошенько поплавать пару неделек, наслаждаясь соленым ветром и солнцем. Вроде и расстались меньше суток назад, а уже скучаю по Аянами: похоже, оставшиеся три дня похода к берегам Японии будут той еще

пыткой. Сделав пару шагов, я без сил рухнул на колени: меня рвало, а сознание мутилось как от хорошей дозы водки. Краем глаза я увидел бригаду медиков, со всех ног несущихся ко мне, и свет перед глазами погас.

Глава 12. Неожиданный союзник.

В очередной раз я открыл глаза в больнице, и это мне уже начинало крупно надоедать. Проморгавшись, я уже хотел вставать, как в палату зашел врач явно европейской национальности и сразу перешел к сути вопроса на хреновом японском:

- У вас чуть не случится сердечный приступ: вы перенапрячься. Лежите: вам нельзя много двигаться еще неделя. Если хотите жить - будьте аккуратны. - Ну и что мне делать? Нет, я понимаю, что риск подобного исхода есть всегда, но почему сейчас?! Мне ведь еще с Аской возится нужно, и вообще проблем по горло! Кстати, надо про Аску спросить.

- А с пилотом Ленгли все в порядке? Как она себя чувствует?

- Она прийти в сознание, но почти ни с кем не говорить: она нуждается в психологе. - Врач ушел, оставив после себя терпкий шлейф ароматов операционной: этот запах я вряд-ли спутаю с каким-либо иным... Но остаться наедине мне не дали: в палату буквально затек тип в измятом и расхристанном костюме. Белозубая улыбочка словно приклеилась к лицу, а в эмоциональном плане во все стороны лилась доброжелательность с легким холодком. Образ этого хрена дополнял низкий хвостик, перевязанный серебристым шнурком и недельная небритость в виде весьма жиденькой и торчащей во все стороны щетины. Вот ты какой, Кадзи Редзи: я слабо верил, что на АУГ найдется еще один похожий на его мультяшного прототипа индивидуум.

Честно говоря, я немного растерялся: неужели он не успел улететь прочь со столь важной посылкой? Однако мои размышления прервал мягкий вкрадчивый голос посетителя:

- Третье Дитя, я слышан о твоих подвигах. Надо же, ты так похож на своего отца: мало кто сможет в столь юном возрасте так влиять на мир. - Он говорит так, будто что-то знает, а этого мне уж точно не нужно. Черт, ну и момент подгадал: я с истощением в больнице и любая попытка сопротивления приведет к почти гарантированной смерти.

- Уважаемый Кадзи Редзи, что вы имеете в виду? - Полное хладнокровие и спокойствие: больше ничто не сможет меня спасти.

- Давай без этого, парень: я не люблю чинов. Ты уже взрослый, и должен понимать, что на всякую силу найдется другая сила. И эта сила крайне не заинтересована в том, чтобы ей мешали такие проходимцы, как ты. Однако все это лишь лирика, а меня интересует другое: что ты сделал с Аской?

- То, что по моему мнению, поможет ей принять себя. Ее поведение недопустимо, особенно в бою.

- Единственная ее проблема - это ты, и никто другой. - Как же мне хочется стереть эту наглую улыбку с его фейса. Интересно, неужели то, что Аска такая стерва, и было задумано?

- И почему вы так считаете? - Ну вот как можно так нагло и дружелюбно улыбаться, открытым текстом говоря, что собеседнику нужно сдохнуть?

- Потому что ты всем мешаешь: сначала своему отцу и всему человечеству, а теперь и лично мне. Хочешь дружеский совет: расскажи кто ты такой и что знаешь, и можешь дальше наслаждаться жизнью.

- И что же я должен рассказать? - Я едва успел отвести взгляд и закрыть глаза, выигрывая себе еще несколько секунд, чтобы подготовиться: нужно постараться сохранить себя по максимуму. Однако даже нескольких секунд мне не дали: горячая рука впивается в лицо и глаза открывается против моей воли, а тело деревенеет, лишенное моего контроля. А потом я проваливаюсь во тьму, полную образов прошлого.

Пришел в себя я на той же кровати, а Кадзи сидел на стуле, задумчиво куря сигару. Заметив, что я пришел в себя, он дружески подмигнул мне, подвинул стул поближе и поздоровался:

- Ну здравствуй снова, Синдзи! Или лучше Сергей? - Черт, я убью его.

- Да называй как хочешь, хотя я все-же осознаю себя, как Синдзи.

- Знаешь, я хотел извиниться перед тобой: думал что один из стариков все-же смог переродиться в теле сына Командующего. Кандидатура получалась что надо, да и действия Гендо вполне вписывались в подобный сценарий, вот я и решил избавиться от угрозы, пока ты был слаб после боя. Реальность оказалась гораздо сложнее и фантастичнее. Обещаю, что никто не узнает о нашей маленькой тайне.

- Ты же на них работаешь, какого хера я должен тебе верить?

- То, что ты проснулся собой - уже гарантия, не так ли?

- Ты прав... Ладно, что делать то будем?

- Я пока обдумую: уж слишком чудно то, что произошло. А ты пока отдыхай, Синдзи, набирайся сил: у нас есть, чему научить друг-друга. Аску забирай себе: она меня уже достала. - Он ведь это по русски сказал! Вот же черт патлатый... Дверь палаты закрылась, и я остался в одиночестве. Да, чем дальше в лес - тем толще партизаны! Но чувствую я себя гораздо бодрее: он видимо не только мне мозги вывернул, а еще и со здоровьем мне помог?

Вечерний обход судового врача показал, что мое состояние улучшилось и мне разрешили подняться на палубу подышать свежим воздухом. Привалившись к лееру и смотря на море, сияющее багрянцем в заходящих лучах солнца, я крепко задумался: реальность в очередной раз преподнесла мне сюрприз, осталось понять, как его использовать. Сам по себе Кадзи Редзи не внушал мне совершенно никакого доверия: двойной агент просто по определению не способен быть верным и надежным партнером. Однако наличие взаимного компромата крайне способствует длительному и плодотворному партнерству. А еще он сможет помочь мне выйти на тех, кто решил сыграть поиграть в синего кита в мировом масштабе: судя по всему, Редзи или знает их лично, или знает того, кто знает их. И пока они живы, все мои усилия бесплодны: можно уничтожить Адама, можно убить всех ангелов, уничтожить Евангелионы, но убить Рей я не позволю. Пока жива Аянами, Тринадцать могут уничтожить человечество, и это меня не устраивает. Получается, что сейчас ситуация такова: либо каким-то чудом мы устраним Тринадцать, либо они уничтожат НЕРВ и запускают Комплементацию. Я попытался сосредоточиться на том, что знаю, хотя после рытья Редзи в моих мозгах, делать это было крайне сложно.

Раньше единственное что я знал о этих людях, так это то, что они существуют, обладают

экстраординарными способностями и контролируют всю политическую элиту современного человечества. Сейчас же появился человек, который целенаправленно собирает всю информацию о тех, кого мне придется устранять. Что это придется делать мне, я осознавал совершенно четко: обычный человек не сможет и секунды сопротивляться даже моему влиянию, что уж говорить о существах, проживших тысячи лет. Боюсь, что даже я буду для них лишь мелкой и досадной неприятностью, а не серьезным противником. Но выбора у меня особого нет: проиграю я - проиграют все. В памяти против воли всплыла сцена моего первого дня и пафосные речи Гендо: "Синдзи, ты должен спасти человечество!" Осознав всю иронию ситуации, я истерически засмеялся и потеряв равновесие, чуть не свалился за борт. Но вывалится мне не дали чьи-то руки, резко дернувшие меня назад за плечи. Я едва смог вывернуться, чтобы не ударится затылком о стальной настил палубы, но ребра таки помял. Признаться честно, я был в шоке: сложно поверить, что твоя жизнь может закончиться так глупо и нелепо. Резко вскочив, я уставился на своего неожиданного спасителя. У него были рыжие волосы, веснушки, заплаканные глаза и отзывался он на имя Аска.

- Тонуть в соленой воде - не самая приятная смерть.

- Спасибо тебе...Я думал, что умру в бою, забрав с собой побольше врагов, или на худой конец отойду на коленях у любимой, но уж никак не утону, упав за борт от смеха. Глупый был бы конец... - Неужели она даже не съязвит? Не шибко на нее похоже, хотя я и сам плохо осознаю, что же произошло внутри контактной капсулы, что уж говорить о самой Сорью...

- Ты тоже не можешь уснуть?

- Нет, просто вышел проветриться, подышать воздухом, и тут такое.

- А я не могу: такое странное чувство, будто я это не я. Не могу вспомнить почти ничего, что было до того, как пришла в себя в больнице: лишь смутные образы, которые превращаются в кошмары. Кадзи сказал, что ты знаешь, что случилось и можешь мне помочь. - И что мне ей сказать? Что она стала жертвой моего эксперимента? Что это я причина ее состояния?

- Подозреваю, что это из-за двойной синхронизации: я и сам чувствую себя не лучшим образом. Думаю, что скоро тебе станет легче. - Вот теперь я действительно себя паршиво чувствую...

- Моя Ева не могла мне навредить, ведь я и она - одно целое. Я не хочу терять себя и свое прошлое, но чем дальше, тем больше все исчезает в тумане. Когда я пришла в себя, то едва вспомнила свое имя, что уж говорить об остальном. Если так продолжится дальше, то завтра я разучусь ходить.

- Думаю, что у меня получится тебе помочь: уверен, что смогу что-нибудь придумать.

- Мне не нужна твоя жалость: я пришла к тебе лишь потому, что мне посоветовал Кадзи Редзи.

- Мне безумно хочется нажраться и просто забыть то, что я сотворил.

- Спокойной ночи, Аска. Надеюсь, что ты придешь в норму. - Девушка ничего не ответила, лишь молча ушла, оставив меня одного на палубе, под гаснущим вечерним небом. Сколько еще я должен пережить для того, чтобы просто быть счастливым? Почему я должен выбирать, кому умирать, кому жить, и кто проснется завтра в здравом уме, а кто навеки уснет в луже своей крови? Пить мне нельзя, да и нечего, патлатое мудило куда-то пропало, в Син-Йокосуку мы придем только завтра после обеда, а на палубе не осталось ни одного живого человека, лишь несколько вахтенных дежурили возле трапов. В палату возвращаться не хотелось абсолютно: тут хоть пейзажи отвлекали от невеселых мыслей. Наплевав на всякую скрытность, я откровенно сходил с ума: орал песни, периодически затихая и тупо смотря в яркое звездное

небо. В конце концов сорвав голос и окончательно устав, плюнул на все и отправился спать.

На следующее утро меня ждал жесткий нагоняй от врача и синяки под глазами. Выслушав то, какой я безответственный молодой человек, и что умру в тридцать лет с таким подходом, я отправился в каюту собирать вещи. Наткнувшись по пути на Аску, которая бесцельно шаталась по авианосцу, лишь изредка перекидываясь парой слов с командой, я крепко задумался. Будучи человеком, который привык видеть смерть и боль в самых разных обличьях, я потерял чувствительность к горю и страданиям. Да что там говорить, чаще всего именно я и был тем, кто их причиняет. Однако обычно это происходило в критические моменты, когда приходилось выбирать между уничтожением меня или убийством моих врагов, а я не был сторонником христианского непротивления и жертвенности. Сейчас же все было совсем иначе: из-за личной неприязни и своих домыслов я просто уничтожил личность другого человека, и я сойду, если скажу что какой-то части меня это не понравилось. Именно это подспудное наслаждение и было тем, что вызывало во мне столь противоречивые чувства: я не хотел превращаться во второго Гендо, но ощущение собственного могущества, приправленное осознанием того, что тех, кто реально может мне противостоять, крайне мало, провоцировало крайне дурные мысли. А живой укор в виде Сорью, потерявшей вкус к жизни, приводил и без того идущие вразнос мозги в состояние полнейшей каши. Но постепенно здравый смысл брал верх над глупой истерикой: ведь ничего действительно непоправимого не произошло. Девушка не повесилась, не вскрылась, ну поплюстит ее немного, может система ценностей сломается, так ведь это же к лучшему: сомневаюсь, что такая судьба, как в оригинале, была бы лучше. Глянув на ситуацию с такой стороны, я решил не заниматься мозговым онанизмом, а попробовать отловить Кадзи и хорошенько у него выпросить все, что он знает о Тринадцати, благо вещи уже были сложены в сумку, а сумка перекочевала на плечо.

Найти сего индивидуума я не мог, как ни пытался: со вчерашнего вечера его почти никто не видел, а кто видел, тот путался в показаниях. Убегавшись по бесконечным трапам и коридорам авианосца, я плюнул на поиски человека, по словам команды одновременно бывшего в столовой, на аэродромной палубе и в штабе. Земля круглая, и в конце концов мы встретимся, хочу я этого или нет, а силы мои далеко не безграничны, да и сердце периодически побаливало, напоминая о необходимости отдыха. Добравшись до зоны отдыха на полетной палубе, я примостился в тени и наслаждался свежим морским бризом, любясь на стальных исполинов, окруживших ценный груз.

Прибытие эскадры было устроено торжественно, если не сказать помпезно: эскорт расположился на рейде, а четыре линейных корабля, авианосец и танкер с Евой на борту, подняв флажные сигналы, вошли в бухту. На берегу играл оркестр, а набережная была забита тысячами людей, встречающих победоносный флот. В принципе, им действительно было чем гордиться: уничтожить ангела без помощи Евы было фактическим подвигом. Добавим к этому относительно малые потери и высокую слаженность экипажей, и мы получим крайне эффективный способ борьбы с монстрами, однако они нападают в основном на суше... Дальнейший водоворот праздника пролетел мимо меня: пресс-секретари лили мед в микрофоны, журналисты пытались обмазать их продуктами жизнедеятельности, а бравые моряки щеголяли перед камерами, позируя на очередные плакаты, которые потом буду висеть в спальнях доморощенных милитаристов. Пару раз я видел Мисато, безусловно одетую и сияющую. В конце концов за мной и Аской прилетел конвертоплан и увез с этого праздника жизни, чему я был несказанно рад: мне хотелось завалиться домой и просто обнять Рей, без которой мне уже было откровенно плохо. Ленгли периодически тупила, но при этом выглядела более-менее нормально, что не могло меня не радовать: через пару дней оклемается и будет жить своей жизнью, набивая свои шишки, а не играя в Гестапо из-за комплекса неполноценности.

Когда мы пролетали над руинами Токио-3, я не мог оторваться от иллюминатора: когда мы улетали, то город еще горел, а сейчас огромное пространство занимали причудливо перекрученные остовы, торчащие из озер закаменевшего стекла, а в центре этой психоделической композиции возвышалась фиолетовая пирамида мертвого Ангела. В конце концов у Аски проснулось любопытство и она тоже прилипла к стеклу, удивленная масштабом разрушений. Под стеклом периодически проглядывали бронеплиты свода Геофронта, обнажившиеся в огненном аду. На завалах то тут, то там работала тяжелая техника: огромные трактора и экскаваторы с высоты казались умильно снующими туда-сюда букашками. Сомневаюсь, что этот тотально прожаренный город возможно будет отстроить: скорее всего на карте скоро появится Токио-4. В небе все еще летали тучи пепла, а поля на десятки километров были усыпаны жирным маслянистым ковром из сгоревшего пластика и асфальта, которые превращали плодородные земли в свалку, опасную для жизни. Я конечно догадывался о том, что Пятый Ангел не дался просто, но реальный масштаб разрушений поразил: это похуже чем массивированный ядерный удар вышло. Посадочной площадкой была относительно расчищенная от обломков катапульты для запуска Евангелионов. В прошлый раз мы вообще взлетали с автостоянки неподалеку от Геофронта.

Сам подземный город встретил нас тишиной и прохладой: все были заняты делом. Меня с Сорью разделили: я пошел сдавать анализы, а ее увели ставить на довольствие. Акаги в лаборатории отсутствовала: скоро доставят Еву-02 и у нее наверняка из-за этого куча работы и проблем. Судя по разговорам, всех гражданских уже достали из убежищ и эвакуировали в Син-Токио, а на руинах Токио-3 собираются установить несколько сверхтяжелых артиллерийских батарей, учитывая их эффективность против АТ-полей Ангелов. В принципе, разумная инициатива, но вот насколько скоро ее реализуют, и кто подсуетился, мне было неизвестно. Отмучившись и сдав положенный минимум биоматериала, я схватил сумку и бегом рванул в общежитие: даже сама мысль о том, что я проведу хоть одну лишнюю секунду без Аянами, причиняла почти физическую боль.

Однако на полпути меня перехватил Кадзи и уверенным движением снял с моего плеча сумку, принимая роль носильщика. Осмотревшись на предмет наличия лишних ушей, он весело подмигнул мне и радостным тоном сообщил:

- Ты и так знаешь, что Адама я привез Фуюцуки, и мы теперь ищем способы его уничтожения. Пока вырисовывается вполне рабочая схема, требующая небольшого вмешательства тебя и Евы. Хороший Козо мужик, жаль что скоро умрет...

- Это все понятно, а что насчет Тринадцати? Ты же говорил, что многое о них знаешь...

- Не торопись, а то успеешь. Я лично общался с неким Килом Лоренцом, который известен большинству как Иуда. Остальных я не имел возможности наблюдать физически, но вполне ощущал их присутствие. И могу тебе сказать, что в прямом противостоянии мы этим монстрам на один зуб: я не знаю, кто они, но что-то не от мира в них точно есть.

- В конце концов, убийство и честный бой это две большие разницы: убить солдата может и трехлетний ребенок, и девушка, и старик.

- В этом ты несомненно прав. Мне пора, ты отдыхай, набирайся сил и хорошо проведи время со своей голубоволосой богиней, а мне пора: к сожалению, я на службе и не могу позволить себе такую роскошь.

- Мне кажется, что одна грудастая и неуравновешенная особа вполне способна скрасить твой вечер. Хотя есть шанс того, что твои мозги окрасят ее холодильник с пингином.

- Зато она горяча, как огонь и вполне умела. А если ты будешь играть в том-же духе, ее страсть выльется и на тебя. - Ехидно улыбнувшись, мужчина бросил в меня сумку и растворился в кустах. Желание познакомиться его морду с моим коленом росло с каждой секундой. Но мое воинственное настроение развеялось, когда за поворотом аллеи я увидел на скамейке мое чудо, с ногами забравшееся на скамейку и читающую очередную книгу. Почувствовав меня, Рей повернулась, и огромные красные глаза внимательно принялись изучать каждую морщинку на моем лице. Кинув сумку на траву, я бегом кинулся к любимой, а она в свою очередь положила книгу, встала и шагнула ко мне, а потом наши губы встретились.

Нацеловавшись вдоволь, мы пошли в комнату. Я пытался описать девушке всю красоту морского заката, а она старалась понять, прижавшись ко мне всем телом и буквально не отходя ни на шаг. Очередное приключение закончилось, и настало время немного отдохнуть и расслабиться. Не разрывая объятий, мы вломились в нашу гостинку и оправились прямиком в душ, хаотично разбрасывая предметы одежды и обуви по всей жилплощади, а потом весь мир, кроме нас двоих, просто перестал существовать.

Глава 13. Марионеточник.

Следующее утро началось неудачно: кто-то целенаправленно выжигал вязь на косяке, которая предупреждала меня о попытках несанкционированного вторжения в мой дом. Неприятный зуд внутри черепа мигом вымел всякую сонливость, а адреналин рванул по телу. Интересно, кому я опять насолил? Маленькое стальное жало скимитара послушно прыгает в ладонь, и я прижимаюсь к стене возле входа, сжав в другой руке ножку подобранной по пути табуретки. Тем временем электронный замок двери пискнул, и дверь начала открываться, пропуская внутрь незваного гостя. Взломщик сделал шаг внутрь, и улетел обратно в коридор от удара табуреткой в грудь, а я прыгнул следом. Однако вместо того, чтобы перерезать врагу глотку, выругался: столь экстравагантным посетителем оказался Редзи, пытающийся вдохнуть хоть капельку воздуха, привалившись к стене напротив двери. Аянами, выглянувшая в прихожую, тихонько спросила: "Синдзи, что случилось?" Кадзи, заметив ее обнаженное тело, закашлялся еще сильнее и таки смог вдохнуть, после чего поднялся на ноги и отвесил шутовской поклон. Все происходящее вокруг меня начало конкретно раздражать:

- Кадзи, ты какого черта приперся рано утром и начал дверь ломать?! Ты совсем конченный, да? Я же тебя спросонья в следующий раз просто убью нахер и имени не спрошу!

- Ну ты ведь не дал мне ключа, так что пришлось воспользоваться одной из карт экстренного доступа. - Тем временем Рей вернулась, завернувшись в полотенце.

- Здравствуйте, Кадзи Редзи. - Хм, мне иногда кажется, или она уже умеет издеваться, делая это крайне особенным образом?

- Нахера тебе вообще в мою квартиру нужно было припереться? - Ну вот, он опять что-то свое мутит...

- Да так, уже не за чем... Тут Аска совсем плоха: бредит, сегодня с утра на людей бросалась, сейчас ей вкололи успокоительное и она уснула. Ты разберись с этим: нас учили разные люди, и я мало чем смогу ей помочь. - Знал бы он, что я и сам не особо осознаю, как сделал то, что сделал.

- Я попробую...

- Попробуй, я буду ждать тебя возле ее палаты через час. Успеешь?
- Успею. А теперь дай мне одеться и хоть немного исправить просранное утро.
- Ладно, тебе хоть табуреткой ребра не ломали. - Кадзи, на прощанье галантно поклонившись, ушел, оставив меня наедине с Аянами.
- Ты уже уходишь? - Она не хочет отпускать меня...
- Да, уйду. Хочешь, пойдем со мной?
- Хочу. - А я не хочу идти туда. Такое ощущение, что там произойдет то, что изменит меня безвозвратно. Я боюсь, что Сорью навсегда останется лишь пустой оболочкой, послушной моей воле. И боюсь потому, что хочу этого больше всего на свете. Ладно, черт с ним, на месте разберемся... В конце концов, что я за маг, если даже себя не могу контролировать?
- Сорью лежала привязанная к кровати ремнями, одетая лишь в больничную пижаму, и являла собой жалкое зрелище: на обнаженных предплечьях несколько свежих синяков, а на осунувшемся лице блестела болезненная испарина. Глаза раскрыты, безумный взгляд расширившихся зрачков устремлен в пустоту и лишь медленное дыхание показывает что она не восковая статуя, а живой человек. Рей безучастно смотрит на девушку: она не умеет сострадать тем, кто ей незнаком. Присаживаюсь на край кровати, стараясь не придавить больную и наклоняюсь над обезумевшей пациенткой. Вдруг ее мутный взгляд проясняется и глаза фокусируются на мне. Осознав, кто перед ней, Аска закричала:
- Уходи, демон!!! Я тебя ненавижу-у-уйди!!! - Крик перешел в рев и тело девушки забило в ремнях, пытаюсь освободиться. Секунд через тридцать Ленгли выдохлась и откинулась на кровати, впад в болезненное забытие, а я все никак не мог определиться, что мне делать. Раз я не могу понять так, то пришло время искать ответы.
- Тьма под моими веками расцветает хороводом огненных всполохов, и безумие красок влечет вглубь, туда, где ты не можешь соврать себе. Чего я жажду? Почему я так поступил с Аской? Вопросы, на которые я не хочу отвечать: они будто открывают внутри меня то, что хочет ускользнуть от моего восприятия, исчезнуть из сознания, так что нужно идти дальше, даже если не хочешь этого больше всего на свете. И вдруг вспышки света и пятна тьмы сложились в знакомую фигуру в щегольском мундире, которую я меньше всего ожидал увидеть:
- Ты совершил большую глупость. Тебе следовало просто убить меня или вообще не связываться со мной. А теперь у тебя лишь один путь: ты станешь моим подобием.
- Что ты тут вообще делаешь?! Как ты сюда попал, ты же должен пускать слюни в дурдоме!?
- Я лишь отражение желаний, получившее возможность осознавать себя, рожденное из его памяти и твоих страхов.
- Я не создавал тебя, а сам ты родиться не мог... Дай угадаю, это Кадзи?
- Да. - Дальнейшее общение с новоявленной шизофренией я решил прекратить: это лишь отнимет мое время, а его и так мало. Открыв глаза, возвращаюсь обратно в реальность. Рей, заметив мое изменившееся лицо, нежно спросила:
- Синдзи, что-то случилось? - И как ей объяснить, что же случилось?

- Да, случилось. Мне сейчас нужно найти Кадзи. - Мне нужно как можно быстрее найти эту сволочь. - Я сейчас отлучусь, а ты бегом к Командующему и скажи, что он нас предал.

- Хорошо...

- Ничего не хорошо, Аянами. - Редзи выбрал отличный момент: я был слаб после боя, плюс очень сказало поглощение памяти Гендо, прошедшее не совсем гладко из-за кровопотери. Но зачем ему это было делать?

- Он что-то сделал с тобой? - Она тоже чувствует?

- Да. Ладно, мне надо бежать. - В голове каша: очень тяжело удерживать цельные образы, не сбиваясь на частности и не растекаясь мыслью по древу. Лишь ярость помогает держать себя на плаву, не скатываясь в омут безумия. Жест, подкрепленный приказом, и дверь палаты открывается перед моим лицом, освобождая дорогу. Заметив дежурную медсестру, хватаю ее за плечо и чуть не кричу: "Где Кадзи?" Девушка отшатывается от меня и испуганно пищит: "Молодой человек, я не знаю, не знаю кто это..." Черт, нет времени на пустые разговоры. Нужно бежать в лаборатории: Акаги наверняка сможет мне помочь в поисках с помощью камер.

Ученую я нашел в своем кабинете, копающейся с образцами. Заметив меня, девушка оторвалась от образцов и изрядно удивилась, увидев меня, задыхающегося от долгого бега:

- Синдзи, ты что тут делаешь? Что произошло? - Неужели я так плохо выгляжу?

- Кадзи нас предал. Ты не знаешь, где этот хрен? - Рицуко вздохнула и прикрыла глаза, откинувшись на кресле.

- Я в этом и не сомневалась: он еще в колледже был крайне заносчивым и мерзким типом, меняющим сторону при любом конфликте и всегда выходящим сухим из воды. И что только в нем Мисато видит? Ладно, прочь лирику: так что он сделал? - Теперь понятно, что с Аской: я не мог допустить столько ошибок, превратив ее в сумасшедшего овоща.

- Покопался у меня в голове и боюсь, что Аска - его рук дело. Ты не могла бы глянуть на камерах, где он?

- А что с Ленгли? Да, я гляну, сейчас только сохраню результаты спектрометрии. А ты пока присядь и расскажи подробнее.

- Кадзи пришел в мою палату, пока я приходил в себя после двойной синхронизации и что-то сделал с моей личностью против моей воли, но я пока держусь. Подозреваю, что подобное он совершил и с Сорью: она сейчас под успокоительными в больнице. Рей пошла к Командующему, предупредить о сложившейся ситуации.

- Как-то ты все туманно объясняешь, однако придется тебе поверить. - Девушка споро застучала по клавиатуре, и на стене появился экран проектора, показывающий запись с камер наблюдения. Постепенно мельтешение сменилось серией коротких отрезков с разных камер, наложенных на план штаб-квартиры.

- Он что, собрался к Командующему? - Черт, я же Рей туда отправил!

- Извини, Рицуко, у нас проблемы: я постараюсь остановить этого кретина.

- В ящике у Майи был пистолет, так что возьми: он ей вряд-ли понадобится. У меня сейчас нет полномочий поднимать тревогу: НЕРВ не в повышенной готовности, но я позвоню Мисато: она разберется.

- Спасибо. - Я схватил Five-seven, обнаружившийся в верхнем ящике второго стола, и рванул в Верхнюю Догму. Кажется, эти коридоры опять станут свидетелями кровопролития. И куда, черт возьми, смотрела охрана, она что, поголовно вся в глазки долбится?

Однако на госпитальном уровне меня ожидали несколько дюжих парней в медицинских халатах, настроенные явно недружелюбно. Все происходящее мне совершенно перестало нравиться: убивать их нельзя, а просто так они меня не пропустят. Сняв пистолет с предохранителя, я замедлил шаг и лихорадочно пытался понять, что же делать дальше. Тем временем один из них, видимо самый смелый, вышел вперед, подняв руки и успокоительно-заискивающим тоном начал свою речь:

- Я понимаю, что тебе сейчас плохо, и что ты считаешь, что вокруг тебя враги, но это не так: мы хотим помочь тебе.

- Стоп, что за бред тут происходит: кто сказал вам, что мне нужна помощь? Я сообщил доктору Акаги о том, что Командующий и Первое Дитя в опасности, и она прямо сейчас связывается с начальником охраны, так что дайте мне пройти.

- Если бы они находились в опасности, то сейчас бы уже объявили тревогу. Так что молодой человек, положите пистолет и успокойтесь: вам никто не желает причинить вреда. - В этот момент включились сирены боевой тревоги, а медбратья от неожиданности слегка присели.

- Я же говорил, что со мной все нормально, так что прочь с дороги! - Растерянные врачи прыснули с пути как тараканы из-под тапка, и я бегом рванул в сторону Верхней Догмы.

Ощущение дежавю не покидало меня, когда я бежал вперед по знакомым коридорам гигантской пирамиды, сжимая в руке пистолет. Охрана на перекрестке, заметив меня, вскинула было оружие, но узнала меня и пропустила, а я лишь ускорил бег. Когда за спиной загремели выстрелы, я даже сам не сразу понял, что стреляют по мне. Естественно, я рефлекторно ушел в кувырок, уходя с линии огня и закатываясь в какой-то закуток, и лишь потом пришла боль. На несколько секунд я потерял возможность даже осознавать себя, однако тело услужливо подкинуло адреналина, и я начал постепенно приходить в себя. Ситуация была хреновая: я поймал животом мелкокалиберную пулю, и вместо того, чтобы скорчиться в уголке и ждать помощи, мне нужно сражаться. Поднявшись на ноги, я как мог прикрылся защитой и выглянул из-за угла, скрипя зубами от боли. Двое врагов отреагировали, открыв огонь. Пять или шесть пуль влетели в щит, а я даже не мог нормально прицелиться: перед глазами плыло, а каждое попадание в защиту отзывались волнами боли, разливающимися по всему телу. Не верьте тем супергероям киноэкрана, которые после пули в живот весело прыгают дальше, убивая врагов пачками и спасая юных дев из плена злодеев. Реальность куда прозаичнее: кровь смешивается с дерьмом из разорванных кишок и ты тупо умираешь от перитонита. Израсходовав почти все патроны в магазине пистолета и зацепив одного из нападавших, я прижался к стене и постарался закрыть рану. Однако второй враг продолжал поливать мой закуток пулями, и уж наверняка совсем скоро кто-то еще придет на звук стрельбы.

Если останусь тут, то просто умру, так что нужно вставать. Черт, как же мне плохо! Я не хочу подыхать тут, в этой говенной штаб-квартире, застреленный теми, кто должен меня защищать!

Выкатываюсь в коридор, прикрывшись щитом, и максимально ускорившись. Один из нападавших видимо подумал, что я уже потерял сознание и подошел сделать контроль, так что слегка опешил. Этой доли секунды мне хватило, чтобы загнать под прозрачное забрало штурмового шлема две пули. Забрызгав мозгами лицевой щиток, бездыханное тело кулем рухнуло на бетонный пол, выронив из рук оружие. Автомат охранника, послушный моей воле, прыгает в ладонь. На одних рефlekсах проверяю оружие: магазин полон, а в разгрузке нахожу еще два, которые благополучно отправляются за ремень. Ну что, теперь можно и побарахтаться. Напарник валяется в стороне, зажимая разорванное пулей горло в быстро расползающейся луже крови: не повезло. Хлопок, и он отправляется вслед за своим другом. По хорошему, мне нужно срочно в госпиталь, однако Рей и Фуюцуки в Верхней Догме вместе с Кадзи, а в свете слов о том, что Козо скоро умрет получается вообще безрадостная картина. Невеселые мысли пронеслись в моей голове, пока я брел в сторону самого верхнего уровня пирамиды. Кровь остановить не удалось, и с каждой минутой меня все сильнее мутило, а мышцы живота периодически сжимались в болезненном спазме. В соседних коридорах гремели очереди: видимо охрана вступила в бой с теми, кого уже успел обработать Редзи: я не сомневался, что это его рук дело. За стеклянной дверью бегом пробежали еще четверо охранников: наверное резервы на прорванное направление.

Я не знал, сколько времени бездумно брел вперед, периодически падая и шарахаясь в тених от бегущих людей, по самые уши упакованных в штурмовые комплекты, оставляя за собой след из кровавых капель. Однако меня чудом почти никто не заметил, и я все-же смог добраться до лифта в Верхнюю Догму, лишь всадив очередь в двух военных, выбравшись из технического тоннеля за их спинами. Память Гендо очень помогала: он знал множество путей и лазеек в этой огромной пирамиде, включая несколько тоннелей, ведущих в приемную своего кабинета. Одним из них я и воспользовался. Код доступа остался без изменений, и двери лифта открылись перед моим лицом, открывая путь в неизвестность. Не успел я шагнуть внутрь, как по всем громкоговорителям разнесся голос полковника, слегка искаженный помехами: "Я, Командующий Козо Фуюцуки, приказываю нападающим сложить оружие! Вынужден сообщить вам, что я глубоко ошибался, следуя по стопам прошлого Командующего, думая что преследовал благие цели. Однако под маской защитников человечества скрывались лжецы, готовящие Третий Удар. Акаги Рицуко, находясь в преступном сговоре со своим любовником Икари Гендо и пособничестве Второго Ангела, известного вам как Первое Дитя Аянами Рей готовила условия для уничтожения всей расы людей путем принесения их ей в жертву. Его сын, Икари Синдзи, принимал в этом активное участие, находясь в видимой оппозиции к своему отцу. Я слагаю с себя все полномочия, так как не в силах больше нести груз ответственности на своих плечах. Временным Командующим на время передачи командования к уполномоченным лицам назначается Кадзи Редзи, а я благодарен богам за то, что служил со столь замечательными людьми. Прощайте!" Сухой звук пушечного выстрела разнесся по коридорам, как приговор, продублированный множеством громкоговорителей.

Назад пути у меня уже нет, так что вперед и только вперед. Через закрывающуюся дверь я успел увидеть, как из-за угла выбегают охранники: несколько пуль ударились в толстые створки лифта, не причинив мне вреда, а я привалился к стене и решил немного перевести дух. Гул очередей по створкам прекратился после команды знакомого женского голоса, а тем временем железная коробка во второй раз уносила меня в неизвестность. Но теперь у меня был лишь шанс забрать этого ублюдка с собой, и я это сделаю. Жалеть себя бессмысленно: я уже труп. Максимум - мне дадут дожить до публичного суда, а после просто усыпят, как собаку, и разберут на органы.

Мир выцвел до черно-белого марева, заполненного моей болью и низким гулом, в который превратился звонок, оповещающий о прибытии платформы. Медленно раскрывающиеся

створки обрисовали силуэт мужчины, начавшего карикатурно медленно разворачиваться ко мне. МР-7 мягко толкнул в плечо, отправляя первую пулю в центр силуэта. Следом за ней пошла вторая и третья, но все они столкнулись с оранжевым сиянием АТ-поля. Ангел в Верхней Догме? Табрис? Что за черт? Ладно, кем бы оно ни было, это уже однозначно не Кадзи. Мертвое тело Фуюцуки расплылось в кресле, а Рей я не ощущаю, так что это не может даже теоретически быть она. Простым оружием мне его не взять, да что там говорить: я скорее всего проиграю, но шанс есть. Однако то, что он гораздо медленнее меня, дает мне некоторый шанс достать его в ближнем бою, а тело, которое уже и так на грани, получает еще один гвоздь в крышку гроба: призрачные лезвия вскрывают шрамы на руках, разрывая в клочья рукава.

Мир взрывается в голове тысячами граней, а боль утихает, отходя далеко и становясь лишь едва различимым фоном. Жаль, что я так мало успел, но эти недели с Аянами были лучшими в моей жизни. Кадзи буквально сияет изнутри, заливая все болезненным голубым светом. Я четко понимаю, что умру, но и он уйдет следом. Тонкое полукружье щита отправляет пулю куда-то в сторону, а ставший резиновым воздух ревет, сжирая львиную долю моих сил на то, чтобы я мог протолкнуть себя через эту преграду. Редзи даже не пытается отшатнуться, лишь глумливо улыбается, закрывшись оранжевой стеной. Правая рука окутывается багровым ореолом, который тянул из меня последние соки. Еще шаг и мгла превращается в тонкое лезвие, которое я всей своей массой вбиваю в щит перед собой. На долю секунды мне даже показалось, что все мои усилия были бесполезны, но вдруг Преграда с едва слышным звоном разлетелась на осколки, а я упал на колени, заливаемый кровью и внутренностями выпотрошенного врага. В этой кровавой жиже шевелились какие-то синие прожилки, а я для верности нанес еще один удар по все еще стоящему существу, отделяя туловище от ног и клинок развеялся облачками запекшейся крови.

Боль, до этого ощущавшаяся лишь отдаленно, теперь заполонила сознание. Оторвав кровоточащими руками остатки рукавов, я потерял равновесие и упал на бок. Перекатившись на спину и сцепив зубы, я перетянул руки импровизированными жгутами, и закрыл глаза, проваливаясь во тьму, полную боли и горячечного бреда: все, что мог, я сделал. Сил не было даже на то, чтобы встать или ползти. Зато смерть возле трупа достойного врага не самый позорный конец для того, кто прожил жизнь в постоянной войне...

Командный Центр, двадцатью минутами ранее...

Мисато крутилась в кресле, анализируя прошлые сражения с Ангелами и пытаясь выстроить хоть какую-то тактическую схему для сражения со следующим. Пока было ясно одно: в случае атаки, прежде чем отправлять Евангелионы, кровь из носу необходимо получить максимально полную и четкую информацию о его способах атаки и защиты. Погрузившись в видения, в которых под ее командованием огромные махины из плоти и брони в пух и прах разносят соперников и блаженно улыбаясь каждой победе над теми, кого она ненавидела, Кацураги чуть не проворонила звонок своей подруги. Вынырнув из грез, девушка уверенно сняла трубку и защебетала в микрофон:

- Привет, Риц! Я так скучала: ты не поверишь, как скучно тупо сидеть на мостике и пинать балду. Чего звонишь?

- Мисато, у нас нет времени: Кадзи что-то задумал и направился в Верхнюю Догму, предварительно отправив Аску в дурдом и покопавшись в мозгах у Синдзи. Рей пошла к Командующему, но, боюсь, она ничего не сможет сделать, а нам нужен хоть один активный

пилот. Так что бегом поднимай второй отдел и охрану! Аянами я последний раз видела на лестнице в госпитальный уровень. - Привыкшая действовать быстро женщина несколькими командами по рации организовала ударную группу и послала приказ паре охранников на госпиталя остановить девушку. Схватив пистолет, Мисато возле самого выхода крикнула: "Макото, оставляю мостик на тебя!"

Два взвода, несшие службу на подступах к Командному Центру, быстро сориентировались и взяв штурмовые щиты бегом рванули в Верхнюю Догму. Кацураги, хоть и бывшая скорее бумажным командиром, еще не забыла навыки, вбитые ей в боях, и посчитала зазорным прятаться в штабе, и потому лично возглавила группу захвата. Однако быстрого ареста вторженца не вышло: все пары постовых, кроме тех двоих, которые остановили Рей, вдруг открыли огонь, пропустив разделившихся на два отряда атакующих. Естественно погибли эти смельчаки быстро, но троих унесли с собой, а Мисато получила пулю в правую руку. Взводный, заметив ее состояние, участливо сказал:

- Леди, вы бы отправились в тыл: вас и так зацепило. Они как объебались: даже не прячутся особо, а стараются забрать побольше с собой. Мы ребята крепкие, да и в броне... - Девушка, привыкшая всегда быть в центре событий, проигнорировала предложение.

- Это лишь царапина, парень. Врагов не так уж и много, так что дождем их и так! - А потом началась круговорот из бесконечных выстрелов, перебежек и стонов умирающих людей. Один раз они натолкнулись на патруль, расстрелянный со спины, а на перекрестке был найден след кровавых капель, который уходил в технические тоннели, слишком низкие и узкие для того, чтобы в них мог нормально протиснуться взрослый солдат в полной штурмовой экипировке.

Грязно выругавшись, Кацураги вызвала ученую по рации:

- Акаги, мелкого зацепило и причем серьезно. Этот камикадзе расстрелял со спины пару врагов и ушел в технические тоннели. Что с ним - черт знает, но ты предупреди врачей, чтобы были на подхвате.

- Зная его, он такой, что мог и сам в бою вскрыться, лишь бы победить. Вот уж идеальный самурай, но это лишь усугубляет дело. Я спрошу согласия Рей на переливание и приготовлю операцию.

- Поняла, действуй. - Подавив последнее сопротивление, два изрядно поредевших взвода выбежали в длинный коридор Верхней Догмы, за поворотом которого была прихожая Ритуального Зала, как в громкоговорителях зазвучал голос Командующего. Его речь и последовавшее самоубийство просто шокировало военных: на девушку разом развернулась пара десятков стволов. Сама Мисато, находящаяся в прострации, смогла выдать из себя:

- Я этого не знала, но ответ на все наши вопросы кроется в кабинете Командующего. Если Кадзи Редзи предоставит нам убедительные доказательства того, что он не врет, то мы послушаемся любого его приказа. Нет - задержим и допросим. - Тот самый взводный, пристально прищурившись, через секунду ответил:

- Парни, вы согласны с капитаншей? - Солдаты ничего не ответили, бегом рванувшись вперед. Первая шеренга выбежала в вестибюль и рефлекторно открыла огонь по силуэту, едва заметному через щель в створках лифта. Мисато, выбежавшая следом и успевшая разглядеть покрытую кровавыми пятнами белую рубашку, резко скомандовала: "Прекратить огонь, это Синдзи. Он точно не предавал!" Пока лифт уезжал и возвращался, Кацураги показалось, что прошла вечность. Из-за тесноты кабинки, пятеро вооруженных людей чуть не задушили ее по

пути вверх.

Кабинет встретил ее разрухой и кровью. Вся левая стена была заляпана ее каплями, обильно украшавшими выбоину от пули. Тело нынешнего Командующего расплылось в кресле, а под ним образовалась лужа мочи, а сам Кадзи лежал несколькими кусками в центре помещения. Мисато, и так пребывавшая в шоке, едва не расплакалась, увидев своего единственного любимого мужчину выпотрошенным и расчлененным надвое на уровне пупка. Рядом лежал Икари-младший, смертельно бледный и что-то бормочущий себе под нос, а его руки и правый бок покрывали тонкие синие нити, закрывающие раны, а вся левая рука Редзи была бесформенным сгустком глаз, окруженным АТ-полем. Солдаты больше не задавали никаких вопросов, отпихнув ножкой стула непонятого Ангела подальше, и оттащили Синдзи поближе ко входу, опасаясь прикоснуться к ранам. Акаги отчиталась, что будет с минуты на минуту, а Кацураги по громкоговорителю приказала всему персоналу кроме медиков оставаться на своих местах и поддерживать порядок до выяснения обстоятельств: ей предстоял долгий и обстоятельный разговор со своей давней подругой. А потом она напьется в стельку, но это будет ох как не скоро.

Примечание к части

Five-SeveN - оружие персональной защиты. Пистолет под патрон 5.7x28. Отличается отличной бронепробиваемостью и точностью на малых дистанциях. MP-7 - его немецкий собрат, но под патрон 4.6x30. Верткая, легкая и точная машинка, идеальна для боев в коридорах и городской застройке. Пробивает бронежилеты до 3+ класса защиты.